

Александр Зиновьев

Гомо советикус

Подлинная любовь не протекает ровно.
Западная народная мудрость

Не любил бы, так не бил бы.
Русская народная мудрость

Мы будем бороться за мир до тех пор, пока камня на камне не останется.
Советская народная мудрость

Предисловие автора

Эта книга — о советском человеке как о новом типе человека, о гомо советикусе, или, короче говоря, о гомососе. Моё отношение к этому существу двойственное: люблю и одновременно ненавижу, уважаю одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь. Я сам есть гомосос. Потому я жесток и беспощаден в его описании. Судите нас, ибо вы сами будете судимы нами.

Мюнхен, 1981

Первый сигнал

Ночью я очнулся и тут же погрузился в бредовое состояние. Мне казалось, что меня куда-то волокут.

— Куда? — спросил я беззвучно.

— На Суд! — также беззвучно загремел Голос.

— На какой?

— На последний.

— За что меня судить, если каждый миг моей жизни был предопределён вами заранее?

— За жизнь.

— Чем я могу расплатиться за неё?

— Плата за жизнь есть смерть. Твой срок пришёл. Плати!

— Не спешите, я, может быть, ещё выкарабкаюсь. Я ещё не испробовал до дна всю горечь бытия.

И Они меня отпустили. И я вроде бы выкарабкался. И начал думать о всякой ерунде.

Желать или не желать

У меня часто появляется желание что-то сделать, но очень редко появляется желание делать то, что я хочу сделать. Не думайте, что это — мёртвая софистика. Это — живая диалектика. Я сейчас сформулирую свою мысль в иной форме, и вы будете даже разочарованы её банальной ясностью: я хочу что-то сделать, но не хочу прилагать усилия к осуществлению своего желания. Видите, как это просто. Между прочим, таковы вообще все «вечные проблемы», которые величайшими мыслителями прошлого и их ничтожными интерпретаторами настоящего возведены в ранг самых глубоких и сложных. Стоит их сформулировать в несколько иной форме, как сразу обнаруживается пустота и никчёмность. Например, вечная проблема номер один «Быть или не быть?» для русского человека предстаёт в форме: пить или не пить? И двух мнений тут не может быть: конечно пить! И ещё как пить! Потом повторить. Потом добавить ещё. И затем начать по-новому. Эта проблема номер один в русском языке может быть сформулирована также в иной форме: бить или не бить? И опять-таки двух мнений не может быть: бить, непременно бить! И главным образом — в морду. Западу, само собой разумеется, этого не понять, ибо русские проблемы на западные языки перевести невозможно. Исчезает романтическая окраска и психологическая глубина.

Желание ничего не делать появляется у меня ещё чаще. Но на сей раз я прилагаю титанические усилия к тому, чтобы осуществить своё желание. И всегда успешно. Западные мыслители усматривают в этом «обычную русскую лень». Они, как всегда, ошибаются.

Политический роман

Сейчас у меня появилось желание сочинить роман. А почему бы нет? Все советские эмигранты что-нибудь сочиняют. Чем я хуже их? Итак — роман. Причём в первоначальном смысле слова: о любви. Но о любви особой — между Советским Союзом (Москвой, короче говоря) и Западом. О какой тут любви может идти речь, возмутитесь вы, если... Именно это «если» и позволяет видеть тут любовь подлинную. Можно сказать, любовь до могилы. Если вы прочитали вышеприведённые эпиграфы, вы должны понять, в чем тут дело. А если пропустили, прочтите непременно. Времени это отнимет минуту, а мудрости наберётся на всю жизнь. Любовь между моими героями является не только подлинной, но и современной: она гомосексуальна. Причём Москва есть активный партнёр. Спросите любого советского человека, что Москва делает с Западом, и вы услышите нечто такое, что подтверждает моё предыдущее утверждение. Граждане западных стран скажут то же самое, только в более приличных выражениях. Но отношение наше к этой связи в корне различно. Запад считает её здоровой и испытывает от неё сладострастное удовлетворение. Мы же испытываем чувство стыда и брезгливости. Правда, не за себя, а за Запад.

Свидетельство очевидца

Один мой знакомый десять лет работал в одной западной стране шпионом. Недавно его разоблачили, причём — случайно: он в пьяном виде предложил своему собутыльнику (местному журналисту) на пари организовать демонстрацию протеста на любую заранее заданную тему. Инцидент получил огласку, и моего знакомого выслали из страны. Сделали это вяло и неохотно: страна была заинтересована в сохранении дружеских отношений с Москвой. Приехав в Москву, мой знакомый говорил (разумеется, в пьяном виде), что «все эти недоноски» (он имел в виду западных лефтистов, пацифистов, нейтраллистов и интеллектуалов) стоят того, чтобы... И далее он сказал именно те слова, которые я постыдился привести выше.

Убеждения и стереотип поведения

А вот вам ещё загадка: то, что я здесь говорю, не выражает моих убеждений. Загадка опять-таки кажущаяся: просто у меня нет никаких убеждений. У меня есть лишь более или менее устойчивая реакция на все то, с чем мне приходится сталкиваться, — стереотип поведения. Убеждения суть свойство западного, а не советского человека. У последнего вместо убеждений есть стереотип поведения, не предполагающий никаких убеждений и потому совместимый с любыми убеждениями. Из смешения убеждений и стереотипа поведения без убеждений происходят многие недоразумения в оценке поведения советских людей западными людьми. Если бы то, что высказываю

я, высказал кто-то другой, я вступил бы с ним в полемику. Если хочешь познать истину, оспаривай прежде всего самого себя. Но я утверждаю это не из убеждений, а для красного словца, ибо к истине я тоже не стремлюсь. Наличие убеждений у человека есть признак интеллектуальной недоразвитости. Убеждения суть лишь компенсация за неспособность быстро и точно понять данное явление в его конкретности. Это — априорные установки на то, как поступать в конкретной ситуации без понимания её конкретности. Человек с убеждениями негибок, догматичен, зануден и, как правило, глуп. Но чаще убеждения не влияют на поведение людей. Они лишь украшают тщеславие, оправдывают нечистую совесть и маскируют глупость.

Я и Москва

Я — советский эмигрант на Западе. Слова «на Западе» можно было бы опустить, так как советский эмигрант на Востоке невозможен логически: мы и без того всегда на Востоке. Но я все же оставляю эти слова, так как многие западные люди, боясь пришествия Советской Армии, удирают на Восток. Они думают, что и мы тоже можем это сделать.

Я живу теперь на Западе, а ощущение такое, будто меня выбросили в глухую русскую провинцию. Тут есть над чем задуматься. Для меня только одно место в мире есть столица: это — Москва. Все остальное для меня есть провинция. Москва есть столица не просто государства. Она есть столица истории. И я сделал великую глупость, покинув её: я выпал из истории.

Я и Запад

«Зачем вам Западная Европа? — сказал мне один местный житель. — У вас же своей земли в избытке. Осваивайте Сибирь, а нас оставьте в покое». — «Мы бы рады, — сказал я. — Но войдите в наше положение. В Сибири холодно, сытно, пусто, мошара кусается. А у вас — красота, удобства, богатство. Где лучше? Вы нас в Сибирь не пихайте, мы ею по горло сыты. Мы сюда хотим, в Европу. А в Сибирь мы вас со временем вышлем». — «А мы вас сюда не пустим!» — кричит испуганный и возмущённый собеседник. «Вы первый и, пожалуй, единственный, кто говорит так, — говорю я. — Но вы, к сожалению, уже опоздали: мы уже здесь».

Донос

Механизм моих желаний устроен очень хитро. Стоило мне начать склоняться к роману, как выползла задняя мысль: а почему именно роман? Может быть, лучше сочинить донос? Вот именно, скажете вы. Мол, оно привычнее. Но я должен вас разочаровать: доносов я никогда не писал. Не верите? Один мой знакомый (не тот, о котором я уже упомянул, а другой) тоже не писал доносов,

поскольку он был офицером КГБ, и доносы писали ему. Я не был офицером КГБ. Но по роду моей работы мне приходилось изучать доносы. Так что опыт по этой части у меня есть. Я специалист по доносам, но не доносчик. Я теоретик в этой области, а не практик.

Бесспорно, теперь уже нет того священного и трепетного отношения к доносу, какое было раньше. Пропала его революционно-романтическая окраска. И уже нет тех, кто способен оценить его роль в великой истории. Но он ещё сохранил огромное познавательное значение. Это — единственное явление в человеческой культуре, на которое люди способны без всякого обучения и без литературных способностей. Чтобы писать доносы, не надо быть членом Союза советских писателей. И, как поётся в одной популярной опере, доносу все возрасты покорны.

В своё время в КГБ был завал доносов. Сотрудники КГБ своими силами не справлялись с ними и привлекали в помощь посторонних специалистов. Привлекали и меня. Таких, как я, были привлечены сотни. Сколько же накопилось одних только непрочитанных доносов в центральном аппарате Органов государственной безопасности! А сколько их накопилось в республиканских, областных, районных отделах и отделениях! А в папках и сейфах отдельных оперативных работников! А сколько было пущено в ход! А сколько погибло во время войны! Сколько было уничтожено! Какая же могучая энергия человеческих чувств и мыслей ушла на это!

Моя задача состояла в том, чтобы отобрать из многих тысяч доносов заслуживающие внимания, а остальные передать на уничтожение, как тогда выражались — «списать в расход». Я читал доносы начинающих жизнь невинных младенцев и умудрённых опытом дряхлых старцев, молодых трезвых карьеристов и обезумевших от безнадёжности алкоголиков, выдающихся учёных, домашних хозяек, юных и чистых дев, старых развратников, партийных функционеров, безграмотных дебилов, профессоров, пенсионеров, артистов... И все они были похожи друг на друга, как монеты одной ценности, как клопы. Как будто они у нас изначально заложены в генах, а не являются высочайшим продуктом человеческой истории. И я тогда понял, что именно донос есть самая глубокая, всесторонняя и искренняя форма самовыражения личности. Жаль, что тысячи тонн доносов были в те либеральные годы уничтожены. Творчество огромного народа в самый интересный период истории исчезло бесследно. Конечно, доносы будут писаться и впредь. Но в таких масштабах, с такой затратой интеллекта и страсти, с такой выдумкой, как это было у нас, это уже никогда не повторится. Грустно!

Сомнение

Но зачем писать морально дискредитированный донос, если мы изобрели другую, кристально чистую литературную форму — отчёт?! Теперь нам нет надобности мучиться угрызениями совести (если мы когда-нибудь ими мучились!), когда нас вежливо просят написать отчёт о поездке, о встрече, о беседе... Да нас и просить не надо, ибо мы сами знаем, что писать отчёты обо

всем есть наш священный долг. Почему до этого не додумались в сталинские времена? Этому есть необычайно простое объяснение: потому что не было бумаги и печатных машинок. Доносы можно писать на клочках бумаги и огрызками карандашей. Для отчётов нужна приличная бумага и печатные машинки.

Мы и Запад

Тот самый мой знакомый, которого выгнали из одной западноевропейской столицы, писал в своём отчёте за десять лет пребывания на Западе, что после занятия Западной Европы Советской Армией надо в первую очередь уничтожить всех наших добровольных помощников — коммунистов, лефтистов, пацифистов, нейтраллистов, интеллектуалов, либеральных писателей, профессоров, бородатую молодёжь и прочую нечисть. Почему? Да потому, что они тогда очухаются и против нас бунтовать начнут. И вообще, избавь нас, Боже, от наших друзей, а от врагов мы избавимся сами. Впрочем, советовал мой знакомый, врагов целесообразно сохранить, поскольку от них хоть какая-то польза будет. Но обратимся лучше к теории отчёта.

Отчёт

Советские люди приучены обо всем писать отчёты. Это — необходимый элемент коммунистической организации труда. Отчёты месячные, квартальные, годовые, пятилетние... Один старый большевик, состоявший на партийном учёте в нашем учреждении, написал отчёт о всей своей жизни после революции. Три тысячи страниц, исписанные микроскопическими буквами. Он припёр свой эпохальный отчёт в двух драных авоськах в партийное бюро, потребовал изучить его и извлечь уроки. Секретарь партбюро поручил эту благородную миссию мне. Я за полчаса написал свой отчёт об отчёте старого большевика, даже не заглянув в него. За годы советской власти, писал я в своём отчёте, автор потребил хлеба и каши столько-то тонн, выпил столько-то бочек водки, написал столько-то тайных доносов и произнёс открытых, столько-то лет просидел на собраниях, столько-то лет простоял в очередях... «Смеёшься», — сказал Секретарь. «Плачу», — сказал я. «Что будем делать?» — спросил Секретарь. «Напишем автору официальную бумагу, что его рукопись передана в Секретный отдел Центрального партийного архива», — сказал я. «Почему официальную бумагу?» — спросил Секретарь. «Чтобы автор поместил её в рамку и повесил на стенку рядом с почётными грамотами, которых он получил полсотни штук за свою непомерно долгую и глупую жизнь», — сказал я. «А почему в Секретный отдел?» — спросил Секретарь. «А чтобы он больше не терзал нас своими воспоминаниями», — ответил я. «А это куда?» — спросил Секретарь, кивнув на драные авоськи с бесценным опытом жизни целого поколения. «На помойку», — сказал я. «Действуй», — сказал Секретарь. — Потом напиши мне

коротенький отчёт о проделанной работе». А в другой раз мне поручили «обработать» отчёты членов одной нашей научной делегации на международном конгрессе. Делегация состояла из пятидесяти человек, а отчётов было шестьдесят: некоторые видные учёные, желая доказать свою преданность, написали по два отчёта. Каждый отчёт — пятьдесят страниц на машинке. И о чем только не сообщали учёные в любимые Органы! Например, что такого-то западного профессора можно привлечь на нашу сторону, издав его книгу в Москве, что руководителя секретной лаборатории надо пригласить в Москву и подсунуть ему надёжную красотку...

Упомянутые отчёты делегации были правдивыми и поучительными. Но мы обычно пишем отчёты не для подведения итогов и не для извлечения уроков, а из каких-то мистических высших соображений. Для формального порядка. Поэтому мы в них обычно сочиняем напропалую, так что отличить в них правду от вымысла практически невозможно. Да это и не нужно. Отчёты наши все равно никто не читает. Однажды я написал в своём квартальном отчёте, что открыл десять новых элементарных частиц. Сделал я это с чисто познавательной целью: проверить свою теорию отчётов. Меня вызвал заведующий отделом. Я уж было решил, что моя теория ошибочна. Но тревога оказалась напрасной. Просто отчёт оказался слишком коротким, и заведующий попросил добавить пару страниц. Я демагогически заявил, что ценность отчёта определяется не количеством страниц, а тем, что сделано согласно отчёту. «Прочитай, что я сделал, — сказал я, — и сравни с тем, что сделали другие». — «Не морочь мне голову, — спокойно сказал он. — Ты думаешь, другие сделали меньше твоего?» И я добавил к отчёту пару страниц, в коих сообщил, что я изобрёл метод превращения содержимого московских помоек в полноценные продукты питания. «Молодец, — сказал заведующий, подшивая мой отчёт к пачке таких же непрочитанных отчётов других сотрудников. — Кто хорошо отчитывается, тот хорошо работает».

Но не думайте, что отчёт есть излишняя бюрократическая операция. Это — мощная форма организации людей в единое коммунистическое общество. Важно не содержание отчёта, а лишь факт его существования.

К психологии отчёта

Если ты ничего не делал, писать отчёт легко. В этом случае ты имеешь полное право использовать для своего отчёта все то, что произошло за отчётный период в твоём коллективе, в стране, в космосе. Ты имеешь на это право, ибо ты на самом деле был соучастником всего, происшедшего во Вселенной. Труднее писать отчёт, если ты что-то сделал. А если ты много сделал, написать отчёт — непосильная для тебя задача. В этом случае твоё сознание сосредоточивается исключительно на твоём деле, которое тебе кажется центром мироздания, которое твоим коллегам кажется пустяком и которое ничего не даёт для отчёта как явления лингвистического. Но и в первом случае лёгкость создания отчёта не есть нечто врождённое. Нужно много лет тренировки, прежде чем человек становится квалифицированным отчетчиком и начинает сочинять отчёты с моцартовской лёгкостью.

Так вот, то, что я собираюсь выдумать, и будет моим отчётом по правилам советского отчётного искусства. И отнеситесь к нему как к таковому, т.е. не ищите в нем истину, но и не уличайте в заблуждении. Отчёт есть отчёт, и больше ничего. Это есть лишь веха в жизни. Мой отчёт будет отчётом о работе, которую я должен был бы проделать, но не проделал, ибо моя работа и состояла в том, чтобы не выполнять её. Поэтому я буду говорить обо всем на свете, за исключением того, о чем следовало бы сообщить. Я буду говорить, например, о покушении на американского президента, о взрыве бомбы в Болонье, о демонстрации в защиту мира в Бонне и о восстании младенцев в Лондоне с таким видом, будто это моих рук дело. И самое смешное тут состоит в том, что это не лишено оснований, поскольку я принадлежу к организации, которая так или иначе приложила к этому руку, а именно к КГБ. Иначе говоря, это будет психологический отчёт существа, лишённого собственной психологии, о своём пребывании в чужеродной среде, в которую его забросили в интересах некоего Целя, но забыли о нем и о Деле.

К методологии отчёта

Не ищите затаённого смысла в моих словах. Я всегда говорю без намёков и иносказаний. И не оставляю ничего невысказанного и недосказанного. Я вообще не верю в мысли между строк и в литературные айсберги. Когда людям нечего сказать, они маскируют ничтожность говоримого ими ложной видимостью, будто у них есть скрытое мощное основание и затаённая глубина мысли. Блестящие примеры на этот счёт дают не только писатели, но и кинорежиссёры. Был у нас в учреждении сотрудник, которого считали величайшим мыслителем именно за то, что он был мастером насчёт «айсбергов» и «между строк». Когда он довёл своё искусство до предела, т.е. вообще стал обходиться без строк, между которыми помещались его мыслительные глубины, и без надводной видимой части своих «айсбергов», мы поняли, что он — заурядный паразит и дурак. Но репутация мыслителя за ним сохраняется до сих пор. Моё положение имеет то преимущество сравнительно с такими мыслителями, что мои «айсберги» не имеют подводной части, а между строками нет промежутков.

Как опытный отчетчик, я знаю, что мой отчёт не будет прочитан. Так что форма обращения к некоему читателю есть лишь наша советская привычка. Тот старый большевик, отчёт которого я выбросил на помойку, тоже обращался к воображаемому читателю — к «ленинскому ЦК», к «родной Партии» и ко «всеми прогрессивному человечеству». А кто познал и использовал его бесценный жизненный опыт? Так уж что говорить о человеке, который не сидел в царских казематах, не лил кровь на баррикадах, не штурмовал Перекоп, не строил Комсомольск, не бросался грудью на вражеские пулемёты и не пролагал дорогу никакому новому почину?!

Творческий подход

Мы, советские люди, приучены также ко всему подходить творчески. Вспоминаю по сему поводу такой поучительный случай. Наши шпионы украли на Западе чертежи станка, предназначенного для очень сложных и тонких операций. Заодно прихватили и составные части станка. Создали специальную группу по освоению станка. В этом было заинтересовано высшее руководство, поскольку станок нужен был для танковой промышленности. Группе приказали подойти к поставленной задаче творчески, новаторски, рационализаторски. Они и новаторствовали. При первой сборке станка пять деталей оказались излишними. А станок работал. Разобрали и собрали снова. Теперь десять деталей оказались излишними. А станок все равно работал. Ещё раз разобрали и собрали. Двадцать деталей излишних! А станок работает! Ох и поиздевались же они тогда над «хвалёной западной техникой»! Кто-то высказал предположение, что ещё пять разборок иборок, и станок будет работать совсем без деталей. Вот это будет открытие! Члены группы подозрительно посмотрели на этого сверхрационализатора и решили остановиться на достигнутом. Начальству доложили, что в результате творческого подхода группа существенно упростила излишне сложную конструкцию станка. После этого станок стал выполнять самые примитивные и грубые операции, а через месяц совсем (и насовсем) вышел из строя. Но руководство к этому времени уже утратило к нему интерес. Западные фирмы стали продавать нам готовые детали для танков. И станок вообще оказался излишним.

Ещё более поучительный случай произошёл в так называемой «Ленинской школе», где готовят наших шпионов, руководителей коммунистических партий и будущих просоветских государственных чиновников для стран Запада. Один из слушателей, желая угодить нашему руководству, воспринял требование творческого подхода всерьёз и начал пороть такую чушь, что школу хотели разогнать как рассадник еврокоммунизма. Сей западный коммунист, хотя и был коммунистом, был все равно человеком западным и сущности творческого подхода не понимал. На закрытом заседании ЦК, на котором разбиралось неправильное поведение западных коммунистов, секретарь по идеологии сказал, что причина этого — «неспособность подойти творчески».

Посылавшие меня сюда ответственные товарищи из Органов среди прочих напутствий велели подойти к моей миссии творчески. Как человек советский, я понимал подлинный смысл этого напутствия: сиди тихо и не рыпайся! А что касается творчества, так это нужно лишь для отчёта. Самый плохой отчёт интереснее самого хорошего дела, если он выполнен со знанием... нет, не дела, о коем идёт речь в отчёте, а дела в смысле техники отчёта. Моя реальная жизнь здесь в сравнении с тем, что я мог бы наговорить о ней, есть скука, тоска, серость. Можете себе представить, что будет твориться на этом свете, если мы начнём писать отчёты о пребывании на том!

Научный трактат

А может быть, лучше сочинить научный трактат? Я же профессиональный учёный. Правда, я и мои коллеги обслуживали совсем не научные цели ЦК и КГБ. Но делали-то мы это научными методами. Например, было принято решение задуть диссидентское движение. Но это не так-то просто. Наша задача и состояла в том, чтобы теоретически обосновать закономерность удушения диссидентов и выработать эффективные меры для этого. Не думайте, будто это было легко и что происходило это без конфликтов. Серьёзные научные открытия и в этой области пробивают себе дорогу в жестокой борьбе. Предложение дискредитировать диссидентов в глазах Запада путём высылки их на Запад сначала было встречено в штыки. Потом эту идею присвоило высшее начальство. В конце концов она превратилась в идею Политбюро. Но сколько на это ушло сил! Сколько было жертв! Между прочим, число жертв в борьбе за эффективные методы удушения диссидентов во много раз превысило число жертв в самом диссидентстве.

А сколько сил и способностей я сам убил на разработку идей такого рода! Чертил графики, составлял таблицы, выводил формулы, доказывал теоремы. По этим формулам, например, выходило, что появление одного критика советского режима плохо для режима, но не очень. Два критика хуже, чем один. Но не в два раза, а в один целых и восемь десятых раза. Двадцать критиков уже лучше для режима, чем пять. И борьбу с ними теперь частично можно возложить на них самих. Уже три критика грызут поедом друг друга. Для десяти критиков режим становится лишь поводом дать друг другу по морде. Из трех критиков по крайней мере один помогает КГБ. А из десяти по крайней мере пять можно считать добровольными помощниками Органов и даже внештатными сотрудниками. А сколько в эту среду можно внедрить штатных сотрудников, об этом и говорить не надо. Правда, с ростом числа критиков режима возникают непредвиденные последствия. Важнейшее из них — критики режима начинают конкурировать с апологетами режима в понимании самого режима. Секретарь ЦК по идеологии плакал от злости, когда до него дошли слова одного эмигрировавшего на Запад критика советского строя о том, что этот строй стабилен. «Вот негодяй! — кричал Секретарь. — Это мы, подлинные марксисты-ленинцы, утверждаем, что советский строй стабилен. А этот гнусный предатель набрался наглости утверждать, будто наш советский строй стабилен!!!» Наши руководители ненавидят критиков режима не за то, что те подрывают режим (никакая критика не способна подорвать режим, она лишь укрепляет его!), а за то, что критики режима посягают на неотъемлемую прерогативу высшего советского руководства — на критику советского образа жизни.

Конечно, научный трактат в моем положении был бы интереснее всего. Но у меня нет денег на таблицы и графики — в Москве я их чертил за счёт государства.

Сомнения

А как я назову свой роман-донос-отчёт-трактат? Не думайте, что это дело второстепенное. Этому опять-таки есть поучительный пример. Известный московский специалист по научному коммунизму собрался вдруг сочинить обличительную книгу. Но он не смог её начать, поскольку все силы употребил на проблему, как лучше назвать будущую книгу — «Небо и камень» или «Камень и небо». Так он и выехал на Запад без обличительной книги, что ему очень повредило. Он до сих пор не нашёл постоянную работу, хотя его принадлежность к КГБ не вызывает ни у кого сомнений. Странно, не правда ли? Советский агент — и без работы! Запад начинает вести себя неправильно. Пора его одёрнуть.

Вспомнив о печальном опыте упомянутого обличителя, я решил отложить проблему названия на будущее. Кто знает, может быть, я вообще ничего не напишу, и тогда автоматически отпадёт эта мучительная проблема. Но тут же возникла другая, не менее мучительная проблема: а кому я посвящу свой ненаписанный труд? Покойной маме или здравствующей Партии? Прошедшему съезду Партии или предстоящему Пленуму ЦК? Любимому народу или ненавистной бывшей жене? Редким жертвам режима или бесчисленным собутыльникам? В конце концов я избрал патриотический вариант: «Нам, работающим вдали от Родины советским разведчикам, — посвящаю».

Прекрасное посвящение! Очень искреннее. Но что, если меня неправильно истолкуют? Сомнения — наша государственная (не национальная) черта. Она мешает нам начинать дело, начав — доводить его до конца и делать как следует, дойдя до конца — вовремя остановиться. Поэтому мы, например, устремляемся к Индийскому океану, а застреваем на полдороге в Афганистане, делая вид, будто хотим пресечь там происки американских империалистов и помочь законному правительству навести порядок в стране. И делаем это настолько плохо, что происки империалистов и беспорядок растут там изо дня в день. И нет никакой мочи покончить с этой тяготой. Моя покойная мама трижды пыталась сделать аборт, съела килограмм хинина, пять раз ошпарила кипятком ноги и сделала многое другое, чтобы воспрепятствовать моему появлению на свет. Убедившись в том, что её усилия тщетны, она заявила, что материнство есть высшее благо жизни. Потом она до самой смерти неутомимо твердила, что, если бы она знала, что из меня вырастет такой чёрствый эгоист, она сделала бы аборт. Впрочем, и Запад теперь заразился нашей болезнью: он буквально извёлся от подозрений, что обещания и призывы коварного советского руководства насчёт разоружения вполне искренни.

Приняв во внимание эти соображения, я решил: пусть истолкуют моё посвящение неправильно, ибо будет хуже, если правильно истолкуют. Представляете, что стало бы твориться в мире, если бы Запад правильно истолковал советские намерения в Афганистане?! Здесь все с такой страшной силой наложили бы в штаны и вне штанов, что жить нельзя было бы от удушающей вони. И потому — прочь сомнения! Запад все равно не истолкует твоё посвящение правильно — не посмеет. А нашим и без истолкования ясно,

что к чему.

Проблема, что именно я буду посвящать нам самим, решается просто. Как любил выражаться мой отчим — заведующий крупным подмосковным кладбищем, — была бы эпитафия, а покойник найдётся.

О выходе к океану

Проблему выхода к Индийскому океану мы обсуждали ещё при Хрущёве. Правда, больше в мечтательном, чем в действенном смысле. Мол, при Петре мы пробились к морю, а теперь пора к океану пробиваться. Мы забыли о том, что у нас выходы к океанам на десятки тысяч километров растянулись. Это не в счёт, ибо там холодно и неудобно. Нам к тёплому океану надо, к Индийскому. Англичане попользовались Индией и прочими странами Востока, и хватит. Теперь наш черёд. Мы тогда ещё не знали, что проблема эта окажется гораздо проще, чем мы предполагали, так как никто из нас не удосужился посмотреть на географическую карту. Мы думали, что к этому океану придётся лезть через Алтай, Памир и Гималаи. А оказалось, что это немного дальше, чем до Сочи, и много легче, чем до Сочи. Ах, если бы кто-то подсунул нам тогда хотя бы школьный атлас! Не было бы тогда иранского кризиса. И вообще никаких арабов не было бы. Откуда они вдруг появились?

К тёплому океану мы в конце концов вышли. Но малость далековато — у самых берегов Америки, на Кубе.

Мы и Запад

Несколько лет назад в Москве около Кремля постоянно дежурил сотрудник одного западного посольства. В его обязанность входило наблюдение за правительственными машинами, въезжавшими в Кремль и покидавшими его. Специалисты-кремленологи на Западе обрабатывали его информацию и делали глубокомысленные обобщения насчёт политики Кремля. А в КГБ был сотрудник, который составлял «липу» для западного наблюдателя, а именно — программировал, какие «брежневы», «сусловы», «громыки» и прочие члены советского руководства, в какое время и в каком порядке въезжают в Кремль и покидают его. Этот сотрудник КГБ смеялся до слез, рассказывая о своих манипуляциях с советскими «руководителями». Однажды он запустил в Кремль трех «брежневых», а выпустил оттуда пять. Интересно, как решили эту загадку западные кремленологи?

Утро

Первым ко мне заглянул Циник, один из обитателей Пансиона.

— Что с вами? Вызвать врача?

— Не надо, я выкарабкаюсь сам.

— Может, сообщить в полицию? Тут такие тёмные делишки творятся!..

— А что это даст?

— Верно, ничего. Тут один тип сам сознался, что двоих наших на тот свет отправил с помощью каких-то бактерий. Так в полиции ему не поверили. Сказали, что у него нет достаточных доказательств. Это называется демократией. Ладно, на многое не рассчитывайте, но бутерброд я вам принесу. Циник ушёл. Я подумал, что этот бутерброд, может быть, будет моим последним земным делом. Пускай! По крайней мере, и на сей раз мне самому не надо будет принимать решение — советские люди не приучены сами принимать решения.

Потом зашёл Шутник, другой обитатель нашего Пансиона. Пожертвовал мне пачку сигарет. Он был в Испании и Италии по делам одной антисоветской организации, в которой ему платят гроши, но оплачивают дорожные расходы. За свой счёт на поездку в Испанию ему пришлось бы копить деньги минимум лет пять.

— Как там?

— Как всегда. В Англии, вы знаете, левостороннее движение. В Италии же — поперечное, а в Испании — встречное. Ни одной целой машины. Мусор. Правительственные кризисы. Убивают. Взрывают бомбы. Похищают детей и политиков. Воруют. Обманывают. Бастуют. Но очень вкусно питаются. И очень усердно занимаются любовными делами. Одним словом, свобода. Встретил одного вашего московского знакомого. Он сказал, что вы — советский агент.

Оставшись один, я начал обдумывать весьма актуальную для нас, советских эмигрантов, проблему: что такое советский агент?

Советский агент

Понятие «агент КГБ» является ведомственным, а не научным. Оно слишком узко, неопределённо и вызывает негативные эмоции. Я бы предпочёл более общее и более точное, научно беспристрастное, социологическое понятие «советский агент», или «агент Советского Союза», сокращённо — «асс». Строгость этого понятия абсолютна. О любом человеке в мире можно с полной уверенностью сказать, является он ассом или нет. Тогда как даже о явном агенте КГБ бывает порою невозможно с уверенностью утверждать, что он — агент КГБ. И опасно: засудит! Засудит как за клеветническое оскорбление. Быть агентом КГБ предосудительно, а быть ассом — нисколько. Если человек есть асе, из этого не следует, что вы не подадите ему руку. А если он таковым не является, из этого не следует, что вы кинетесь ему на шею. Видите, какие выгоды сулит употребление понятия «асе» вместо «агент КГБ»? И заметьте, проблема решается на чисто семантическом уровне.

Отношение рассматриваемых двух понятий таково. Не каждый асе есть агент КГБ. Можно быть ассом, если даже в КГБ не знают о вашем существовании, исключили вас из списка своих агентов, руками и ногами отрешиваются от вас. Случай, когда человек сам не знает о существовании КГБ, я исключаю, так как таких случаев в природе не бывает. Человек может быть ассом, сам не

зная о том, что он есть асе. В свою очередь, не всякий агент КГБ есть асе. Я встречал таких паразитов, которые, живя на Западе, числились офицерами КГБ, получали за своё паразитство большие деньги, ордена и чины, но пальцем о палец не ударили в пользу своего учреждения и своей страны, а иногда даже наносили ей ощутимый ущерб. Тут вы воочию можете заметить различие ведомственного и социологического подхода к пониманию действительности.

Ассы различаются по категориям, рангам, уровням, профилям и прочим признакам. Не буду вас утруждать такими тонкостями, имеющими чисто профессиональный интерес. Различие младшего и старшего асса, например, аналогично различию младшего и старшего научного сотрудника, а заслуженный и народный ассы подобны заслуженным и народным художникам и артистам. Чтобы достаточно подробно описать, что такое асс, нужно строить целую новую науку. Но для лиц, не способных понимать теоретические построения (а таково подавляющее большинство людей, включая учёных), можно ограничиться конкретными примерами, на которых они быстро научатся отличать ассов от прочих смертных. Ниже я приведу несколько таких примеров из моего нынешнего окружения и из числа лиц, о которых они говорят.

Поясняющие примеры

Писатель — старший асс, выехавший из Советского Союза на Запад под видом еврея и гениального писателя. Скоро его разоблачили как нееврея. То, что он не гений, разоблачать не стали за ненадобностью. Жена Писателя — младший асе, выехавший оттуда же и туда же под видом верной жены гениального писателя. Она действительно верна ему, поскольку на Западе не нашлось ни одного человека, захотевшего её соблазнить, — показатель явной слабости Запада. Профессор — народный асе, в своё время возглавлявший некую советскую партийную делегацию на Западе, оставшийся на Западе (избравший свободу) и возглавляющий теперь советскую активность в том районе Европы, в котором пока нахожусь я. Считается, что он был членом ЦК, хотя он не был даже в бюро первичной партийной организации. С ведома КГБ стал агентом какой-то западной разведки в Москве. Оказавшись на Западе, стал с ведома этой западной разведки агентом КГБ. Дама — заслуженный асс, заместитель Профессора. Муж Дамы — народный асс, глава советской разведки в этой части Европы. Энтузиаст, Нытик, Шутник, Циник, Диссидент с женой, Художник с женой — советские эмигранты, младшие ассы.

Развивая далее свою идею, я включил в число ассов Хозяина нашего Пансиона (даёт приют эмигрантам из социалистического лагеря), жену Хозяина («спит» с одинокими обитателями Пансиона и не берет за это денег), уборщицу в Пансионе (тоже «спит» с теми же лицами, но за малую плату). Слово «спит» я здесь употребил из чистого советского целомудрия. Хозяйка денег не берет не по доброте душевной, — тут таких дураков днём с огнём не сыщешь, — а потому, что ей все равно никто не даст ни пфеннига. Она старая, страшная, потасканная. А у нас каждый пфенниг на счёту. Уборщица берет деньги,

поскольку она молодая и довольно приятная. И у неё пара детей. И муж не имеет ничего против такого приработка: они копят деньги на дом.

Затем я включил в число ассов главу одной почтённой церкви, который превратил руководимую им церковь в источник личной рекламы, брата одного президента, который даёт хороший материал для советской пропаганды, главу одной политической партии, который постоянно шляется в Москву под видом миротворца, а на самом деле за очередными инструкциями. Включил советологов, кремленологов и прочих «ологов» (или, по-русски говоря, олухов), поскольку они ничего не понимают в советской системе, но воображают, будто понимают все. Включил западных журналистов, профессоров, политиков, бизнесменов, которые честно служат советскому руководству, делая вид будто разоблачают и обманывают его. Включил солдат особого десантного батальона, которые помогают Москве хотя бы уже тем, что плюют на сложную международную обстановку и всячески уклоняются от серьёзной подготовки к будущей войне.

Наконец, было бы несправедливо, если бы я обошёл молчанием ещё две персоны. Это — Шеф, заслуженный асе, сотрудник какой-то разведки, но какой именно — об этом он сам толком не знает. Начал свою деятельность в качестве асса в западной разведке, которая оказалась лишь маскировкой для советской разведки. И госпожа Анти — заслуженный асе, оказывающий неопределимую услугу Советскому Союзу тем, что издаёт необычайно глупый антисоветский журнал и распространяет клеветнические слухи, будто я есть агент Москвы, прибывший на Запад с целью установления тут коммунистического режима.

Циник

Вернулся Циник — пора привыкать к западному образу жизни! — с сэндвичами. Сообщил новость: ещё одна парочка прибыла из Москвы. Явные медицинские шизики. И старые. Зачем таких выпускают? «Именно потому, что они старые и глупые шизики, — сказал я. — Для путаницы. Для примера поучительного». — «Их нелегально привезли сюда из Австрии, — сказал Циник. — А это зачем?» — «Затем же, — сказал я. — В мутной воде легче ловить рыбку. Один умный человек в массе таких глупых шизиков может великие дела творить». — «А кто умный человек?» — спросил он. «Кто его знает, — сказал я. — Может быть, я. Может быть, вы». — «Боюсь, что такой лакомый кусок не про нас, — сказал он. — Знаете, есть некий закон времени. Если человек в течение некоторого критического периода не устроил свои делишки, на нем можно ставить крест. Мы с вами этот критический срок превысили по крайней мере дважды. А в полицию все-таки заявить надо. На всякий случай. И для статистики. Когда таких случаев накопится с полсотни, они, может быть, заподозрят неладное».

Откровенное признание

Само собой разумеется, я тоже асе. Правда, самый младший, начинающий, вернее — желающий быть начинающим, так как начать мне ещё не удалось. Мои функции в качестве асса пока самые примитивные: играть роль наблюдательного пункта и экспериментального тела, заброшенного в чужеродную среду. Инструктировавший меня офицер КГБ так прямо и сказал: смотри на себя так, будто ты — наш наблюдательный прибор и экспериментальное тело, заброшенное на другую, незнакомую нам планету. Нам важно знать все то, что ты там увидишь, и твои взаимоотношения со средой, твои собственные переживания в ней. Нам предстоят Великие Дела. Мы осуществляем Великую Атаку на Запад. Ты есть частичка этих Великих Дел, этой Великой Атаки. Понял? Я, конечно, понял. Но я согласился быть частичкой этих Великих Дел не ради этих дел, а... А вот ради чего, я этого и сам не понимаю до сих пор. Я ещё не подобрал подходящего оправдания своему согласию.

Но не спешите зачислять меня в злодеи. Во всяком Великом Деле появляются непредвиденные и неподконтрольные последствия. Так произошло с нашей революцией, которая по замыслу должна была установить земной рай, а установила... Вы сами знаете, что она установила. Нечто подобное может произойти и с нашей Великой Атакой: она может дать результат обратный желаемому, именно в силу её чрезмерного размаха и чрезмерной дерзости. К тому же я очень хорошо знаю людей из штаба Великой Атаки. Удивительное явление: в человеческой истории все великие события и процессы порождались, стимулировались и направлялись дилетантами и шарлатанами.

День

Забежал Энтузиаст. Именно забежал, так как он перемещается в пространстве только бегом (наподобие новобранца), хотя ему под шестьдесят и в армии он не служил из-за плоскостопия, близорукости и косоглазия. И с порога заорал (это его нормальная манера речи), что Они (кто это Они?) меня только припугнули на всякий случай, а вот его, Энтузиаста, Они при первом удобном случае постараются убить. Они за ним давно охотятся. Вот тут он приготовил список людей, обществ и газет, которым я должен немедленно сообщить, если с ним, Энтузиастом, что-либо серьёзное случится. Полицию и службу безопасности он уже предупредил, чтобы были начеку. Я спросил, что я должен буду делать, если у него случится понос. Он обиделся и убежал, захватив с собою пакетик, в котором он приносил что-то съедобное мне как больному. А жаль.

Мучительный вопрос

Энтузиаст считает себя подлинным марксистом. Интересно, стал бы сам Маркс разговаривать с ним? А с Брежневым? Думаю, что стал бы. И даже с шефом КГБ стал бы беседовать. Дал бы ему кучу полезных советов насчёт разложения Запада. И выдал бы списочек русских марксистов на Западе. А Энгельс вполне мог бы стать советским агентом в Англии. А вот со мной Маркс и Энгельс разговаривать не стали бы. Они зачислили бы меня в агенты КГБ, даже если бы я таковым не был. И затравили бы, как они затравили Дюринга. После публичного доноса Энгельса (см. «Анти-Дюринг») его уволили из университета, и он заках в провинции. А какие доносы строчил сам Маркс на русских революционеров! А Ленин выдал царскому правительству всех конкурирующих революционеров. Ходит слух, будто сам Сталин был агентом царской охраны. Вообще-то говоря, тут есть одно сомнение: Сталин — и рядовой агент? Быть того не может! Шефом охраны — это ещё куда ни шло. Но если даже слух верен, то он означает лишь одно: Октябрьская революция была не просто закономерна, она была фатальна. Если уж царизм доносам самого Сталина не поверил, то дни его явно были сочтены. Когда Энтузиаст сообщил мне, что «даже Сталин был стукачом», глаза его странно бегали по сторонам.

А на каком языке Маркс стал бы разговаривать с Энтузиастом, если тот, как говорится, ни в зуб ногой по-немецки и по-английски? Бог мой, да конечно же на русском! Незадолго до смерти Маркс начал изучать русский язык, чтобы читать сочинения корифеев марксизма вроде Энтузиаста в подлиннике. Но успел выучить только русский мат. Вот это предвидение! Сам же Энтузиаст заявил, что «дойча шпрака — швера шпрака», и в общении с местными жителями перешёл на международный язык жестов.

Мы и секс

Вспомнил о существовании женщин — верный признак того, что я на пути к выздоровлению. Но мысли мои приняли не столько практическое, сколько теоретическое направление.

Практическое положение с сексом в Союзе не такое уж плохое. Во всяком случае, проблему совокупления в трудных погодных и жилищных условиях, а также при наличии отсутствия приличной еды, приличных туалетов, косметики и противозачаточных средств мы решили блестяще. Тут мы Запад опередили на целое столетие. Зато в теории мы отстали от Запада на то же самое столетие. Самый смелый уровень, на какой поднялась советская сексология, — это совет мужчинам мыть посуду и стирать пелёнки. Ведущий советский теоретик в этой области, побывав на Западе с творческими целями, написал брошюру, в которой громил так называемую «сексуальную революцию» как признак окончательного краха капитализма. Он, однако, признал, что мы не можем с порога отвергать некоторую положительную роль интимных дамских туалетов. Его сначала слегка критиковали в «Литературной

газете», а потом крупно разнесли в журнале «Коммунист» за «недооценку», «переоценку», «уступку», «некритическое отношение», «потерю бдительности» и многое другое. Теоретик целый год ходил в «жертвах режима». Диссиденты пытались заполучить его подпись под неким обличительным документом, а иностранные журналисты — взять интервью. Но он устоял от таких соблазнов, за что ему позволили съездить на Запад ещё раз. На сей раз он привёз кучу интимных тряпок для своей любовницы и целый чемодан противозачаточных средств для своих начальников. В своей новой брошюре он уже не допустил прежних ошибок. И в «Литературке» его крепко покритиковали за отсталость, а в «Коммунисте» слегка упрекнули в недостатке творческого подхода. После этого сей теоретик стал ездить на Запад каждый месяц, снабжая высокое начальство и передовую советскую интеллигенцию аксессуарами современного секса. На этом наша «сексуальная революция» в теории и закончилась. Зато в практике, повторяю, мы...

Мы здесь решаем свои сексуальные проблемы примерно так же, как в Москве, но на порядок ниже. Это и понятно: наше социальное положение в обществе здесь в массе снижается сравнительно с Союзом. Исключение составляет Энтузиаст. У него в Москве осталась старая жена с кучей родственников. Ему пообещали их всех выпустить к нему после того, как он сам пристроится. А пока он удовлетворяет потребности плоти с уборщицей. Он может себе позволить такую роскошь, поскольку иногда получает небольшие гонорары. Свою связь он не скрывает, даже гордится ею, так как уборщица вдвое моложе его жены и, надо думать, на вид раз в пять приятнее. Циник сказал, что он на месте Энтузиаста не стал бы вызывать сюда жену, а женился бы на уборщице, — такую роскошную бабу упускать грешно. Энтузиаст вздохнул и сказал, что у уборщицы, к сожалению, есть муж и дети. И к тому же у неё есть серьёзный недостаток: она морально неустойчива. И, как бывший старый коммунист, он её за это осуждает.

Другую крайность являет положение Нытика. На уборщицу у него денег нет, да и жалко, а Хозяйка его игнорирует как мужчину. Прочие «холостяки» о своих похождениях помалкивают. Но я, как теоретик, знаю, что они не могут вырваться за пределы этих двух крайностей — бешеного успеха Энтузиаста и низкого падения Нытика.

Вечер

Забрёл унылый Нытик. Именно забрёл, так как он, в отличие от Энтузиаста, не бегает, а бродит в пространстве. Увидел на столе последний сандвич из принесённых Циником. И сожрал его. Ноющим тоном сообщил, что в каком-то журнале опубликовали статью известного западного писателя, в коей тот хвастается, что в течение своей жизни он совокуплялся с десятью тысячами женщин. Об этом сейчас говорят все обитатели Пансиона. Я сначала решил, что писатель врёт. Но, вспомнив, что писатель учит западных людей нравственности, а значит, врать никак не может, я впал в ещё большее уныние, чем Нытик. В наших советских условиях, сказал Нытик, надо прожить не меньше пятисот лет, чтобы добиться таких результатов. Нет, что ни говори, а

цивилизация есть цивилизация! В нашем районе все мужики, вместе взятые, за всю советскую историю не имели столько баб. Харч не тот. Десять тысяч!! А тут одну завалиющую бабёнку добыть никак не удаётся! Нет, давно пора тут порядок навести! Кстати, найдите мне бабу, вы же по-ихнему калякать умеете! Я считался в Москве крупным бабником. Многие мои коллеги усмотрели главную причину моей эмиграции в желании «западных шлюх попробовать». Узнав о скромном сексуальном опыте западного писателя-моралиста, я осознал своё полное сексуальное ничтожество и переключился на социальные темы. Тут-то мы любому западному писаке сто очков вперёд дадим! Нытику я посоветовал высчитать, сколько совокуплений приходится в среднем на душу населения в Советском Союзе и со сколькими бабами в среднем вступает в половые отношения советский мужчина. И сравнить это с соответствующими показателями на Западе. Лучшей агитации против коммунизма не придумаешь.

Эмигрантское чудо

Я почти здоров. Пора начать разговор по существу. А самое существенное для нас определяется одним словом — эмиграция. Для западных людей это слово звучит заурадно. Для нас же, людей советских, оно звучит как набатный колокол, как рёв урагана, как раскаты грома, как пушечный выстрел. Мы ещё сами до конца не осознали и не прочувствовали причин, сущности и последствий этого исторического урагана. Беспрецедентного урагана, ибо это явление лишь внешне похоже на эмиграцию и носит имя эмиграции, являясь, по существу, чем-то другим.

Возьмите словарь, откройте на букву «Э», найдите слово «эмиграция». Читайте: эмиграция — это вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам. Давая такое определение, авторы словарей полагают, что они исчерпали все возможные случаи эмиграции.

Но как быть с моим случаем? Меня никто не вынуждал покидать своё отечество. Но и доброй воли моей на это не было. У меня не было ни политических, ни экономических, ни каких бы то ни было иных причин покидать своё отечество. И оказался я не в другой стране, а в другом мире, в другой эпохе, в другом разрезе пространства, в другом потоке времени. И все же я — эмигрант. Почему же получается такая логическая несуразность? А потому, что я — советский человек, для которого возможна лишь мнимая эмиграция.

Зачем я здесь

Зачем я здесь? Да хотя бы затем, чтобы развеять широко распространённый миф, будто советский человек есть оболваненное и запуганное существо. Те, кто выкинули меня сюда, этой акцией как бы хотели сказать следующее.

Взгляните на этого человека! Он неглуп и образован. Его никто не оболванивал, не запугивал, не развращал. Скорее наоборот, он сам это делал в отношении других людей, которые, однако, не считают себя оболваненными, запуганными, развращёнными. Советских людей вообще нет надобности подвергать такой обработке, так как они сами способны кого угодно оболванить, запугать, развратить. Это — их натура, и потому им приятно это делать как в отношении себя, так и других. Они являют собою новый, более совершенный тип мыслящего существа и несут этот образец другим. Берегитесь!

Таких, как он, в Советском Союзе много. Они имеют в вашем обществе свою долю благ, власти и свободы. Не такую большую долю, чтобы отнести их к привилегированным слоям. Но и не такую малую, чтобы их отнести к низшим слоям. Их нельзя считать преуспевающими. Но они и не жертвы. У них особая роль в обществе. Они — ядро этого общества, его соль, его ферменты и витамины, его вдохновители, его катализаторы. Они суть носители и апологеты этого общества. И вместе с тем они суть его страдательная ткань. Они принимают это общество и устраиваются в нем навечно, без всякой задней мысли и без всяких условий. Будучи выброшены на Запад, они воспринимают своё положение как командировку из него и как отдых от него, хотя разумом знают, что это конец. Они не стремятся ни к истине, ни к добродетели. Они просто живут адекватно времени, разделяя его заблуждения и пороки. А люди и исторические эпохи характеризуются не столько истинами и добродетелями, которые общи и абстрактны, сколько заблуждениями и пороками, которые индивидуальны и конкретны. Смотрите на это существо и дивитесь: это и есть то, что вы называете гомо советикусом!

Гомосос

На Западе умные и образованные люди называют нас гомо советикусами. Они гордятся тем, что открыли существование этого типа человека и придумали ему такое красивое название. Причём они употребляют это название в унижительном и презрительном для нас смысле. Им невдомёк, что мы сделали нечто большее, — мы первыми вывели этот новый тип человека, а Запад чуть ли не через пятьдесят лет после этого вводит новое словечко и ценит этот свой вклад в историю неизмеримо выше того, что сделали мы сами. Самомнение Запада достойно насмешки.

Ну что же, гомо советикус так гомо советикус. Я только пойду в этом направлении ещё дальше и утру Западу нос. Я введу более удобное сокращение для этого длинного выражения — гомосос. Звучит, по крайней мере, по-советски.

Гомосос — существо довольно гнусное. Это я знаю по себе. Когда я жил в Советском Союзе, я мечтал пожить в демократическом государстве. Вступай в любую партию или создавай свою, ходи на демонстрации, участвуй в забастовках, обличай! Красота, а не жизнь. Пожив немного на Западе, я на сто восемьдесят градусов изменил направление своих мечтаний. Теперь я мечтаю пожить в хорошем полицейском государстве, в котором запрещены левые

партии, разгоняются демонстрации, подавляются забастовки. Одним словом, долой демократию!

Почему я об этом мечтаю? Да потому, что я — гомосос. Я — крайний реакционер, идущий впереди крайнего прогресса. Как это возможно? Для гомососа нет ничего невозможного. На Западе даже оголтелые реакционеры борются за демократию, ибо для них демократия есть последняя возможность бороться против демократии. Мы же против демократии, ибо она мешает нам честно, без ложных спектаклей бороться за демократию. И потому долой демократию! Мы начинаем новую историю. Но начинаем её не с начала, а с конца. К началу мы придём лишь в конце. И потому ещё раз долой демократию!

Ночь

Перед сном ко мне зашёл Циник узнать о моем состоянии. «Вы молодец, — похвалил он меня, — настоящий Иван. Другие от таких штучек сразу богу душу отдают, а русские Иваны только здоровее становятся. Хотите последнюю московскую хохму? Советские диссиденты обратились к западным обывателям с призывом: устанавливайте у себя советский режим, и мы вместе с вами будем бороться против советского режима. Смешно? Вы ведь, кажется, были диссидентом?» — «Немножко», — сказал я. «Зачем это вам потребовалось?» — спросил он. «Чтобы уехать», — сказал я. «А, — сказал он, — оказывается, все объясняется очень просто».

Мысли о будущем

В честь своего выздоровления принял решение газеты и журналы больше не читать. Я имею в виду не советские газеты и журналы, а местные, т.е. западные. Западные, и вдруг — местные! К такому привыкнуть нельзя. При слове «местные» в моем сознании всплывают слова «тамбовские», «саратовские» и «рязанские», но отнюдь не «немецкие», «французские» и «английские». Лишь усилием воли, которую я обнаружил в себе совсем недавно, я гашу эти ввевшиеся в плоть и кровь ассоциации. Запомни, говорю я себе, ты теперь живёшь на Западе. И Россия теперь для тебя заграница. И жить тебе тут до последнего вздоха. И сдохнешь ты тут, на Западе. И зароят тебя не в русской земле, а в западной. Любопытно, где они зароят тебя? Ведь землицы-то у них в обрез, своих закапывать негде. Скорее всего, тебя сожгут. А прах твой на удобрение пустят, ибо урну с ним некому будет вручить на вечное хранение.

Конечно, можно было бы обеспечить себе более оптимистическое будущее после смерти. Для этого достаточно было объявить себя православным, начать ходить в церковь и участвовать во всяких церковных мероприятиях. Теперь многие советские эмигранты так делают. Недавно сюда прибыла из Москвы одна важная дама. В Москве она заведовала секретным отделом в

сверхсекретном институте. Член партии. Избиралась даже в бюро областного комитета партии. Посмотрели бы вы, как на неё накинулись всевозможные разведки! Каким вниманием её окружили! Сразу паспорт устроили, квартиру, источники дохода. Вы понимаете в этом что-нибудь? Нет? Я тоже. Но дело не в этом. Кто знает, может быть, эта Дама привезла секретный протокол последнего заседания бюро обкома партии, на котором обсуждались меры по пресечению оппозиционных настроений в области. Эта Дама немедленно объявила себя ревностной христианкой, само собой разумеется — православной. Затем Дама создала комитет по борьбе за присуждение бывшему русскому царю Николаю Второму звания Заслуженного Святого Республики за выдающиеся заслуги в качестве мученика большевиков. Эта формулировка задач комитета — моя. Формулировка Дамы была ещё глупее. Дама пыталась вовлечь меня в это благородное дело, предложила даже пост секретаря в комитете. Тогда-то я и предложил исправить формулировку целей комитета. После этого Дама заявила, что мне постоянного места в этой стране не видать, как своих ушей. Она — человек с прочной партийной закалкой, слово своё сдержит. Интересно, когда она сдохнет и будет с почётом похоронена на кладбище местной православной общины, будут ли на могильной плите указаны её титулы и заслуги, которые она имела в Москве? Одним словом, несмотря на очевидные блага, которые сулило мне принятие православия, я этого не сделал. Может быть, то была моя первая ошибка в серии ошибок, совершенных мною здесь, на Западе. Инструктировавший меня человек из КГБ говорил мне, чтобы я не упускал даже самую малую возможность зацепиться, какую бы нелепой она ни казалась на первый взгляд. «Если будет возможность стать церковным деятелем, будь им, — говорил он. — Если ради устройства жизни надо сделать обрезание, делай!» А я этому совету не последовал. Почему? Потому что я убеждённый атеист. Пусть лучше мой прах пойдёт на удобрение, чем торчать на заутрене в компании старых русских эмигрантов, их рождённых на Западе чад, новоиспечённых христиан вроде Дамы — бывшего члена бюро обкома партии. Впитать в себя результаты величайшей революции в истории и достижения мировой науки, чтобы в конце пути превратиться в сына убудочной православной церкви?! Что угодно, только не это!

О стоянии на коленях

Главное, я презираю тех, кто добровольно становится на колени. И сам я на коленях никогда и ни перед кем не стоял. И не буду стоять. Между прочим, не только я такой. Это есть качество советского человека. Это — продукт и результат нашей революции. Вот чего не способны понять на Западе. Наблюдая наше поведение, они истолковывают его в привычных для них терминах и образах. И в том числе они тут убеждены в том, что советский народ стоит на коленях перед своими властями. Но наше поведение — что угодно, только не стояние на коленях перед властями. Стоять на коленях можно перед попами, перед царями, перед хозяевами. Причём это можно делать так, что внешне вроде бы никакого стояния на коленях нет. А стоять на

коленях перед нашей властью невозможно, если бы мы даже захотели этого, ибо эта власть — мы сами. Коммунизм освобождает людей от стояния на коленях — вот в чем психологическая суть дела. Если бы мы даже захотели встать на колени перед властью, последняя просто не позволила бы нам это сделать. Нам бы за это вlepили так, что мы бы и думать позабыли о такой вольности, как стояние на коленях. При коммунизме запрещено стоять на коленях. При коммунизме человек обязан стоять по стойке «смирно», т.е. пятки вместе, носки врозь, руки по швам, глаза максимально расширены и подобострастно уставлены на начальство.

Я не мог одолеть в себе советского человека и последовать примеру Дамы. Будь я более активным в партийном отношении в Москве, может быть, я смог бы эту слабость преодолеть.

Пресса

Но вернёмся к газетам и журналам. Намерение покончить с ними зрело во мне с первого дня пребывания на Западе. Тем более у меня за плечами был многолетний опыт игнорирования советской прессы. Вырвавшись из застенков большевизма в свободный мир (как приветствовал моё прибытие сюда представитель одной антисоветской организации), я первым делом накинулся на местную прессу. Начал, разумеется, с самого интригующего: с разглядывания голых баб и сексуальных сцен. И быстро пресытился. Вскоре я уже скользил по ним равнодушным взглядом. Иногда бросал реплики, приводить которые здесь стыдно даже мне самому. Это для импотентов, сексуальных маньяков, развращённых детей и скучающих бездельников — резюмировал я свои наблюдения. Для нас, советских мужиков, была бы баба, а что и как с ней делать, мы сообразим без подсказки Запада. Кстати, об упомянутой выше антисоветской организации. Представитель другой антисоветской организации в тот же день мне шепнул, чтобы я был осторожен с представителем первой, так как он — советский агент. То же самое и в тех же выражениях сказал мне потом представитель первой антисоветской организации о представителе другой. Что это — элемент местного этикета или советская инерция? А вообще — сценка для сюрреалистического фильма: советский агент прибывает на Запад под видом критика советского режима, где его встречают советские агенты под видом членов антисоветской организации... Ну а что, спрашивается, потом? Нетрудно предвидеть: потом — типично советская борьба индивида и коллектива. Дама так и заявила по моему адресу (слухи здесь распространяются так же, как и в Москве): мы (кто это «мы»?) его тут в два счета обломаем! Тут ему не Советский Союз! Мы ему не позволим выпендриваться! Обратите внимание на манеру выражаться. Это идёт, очевидно, ещё из комсомольского прошлого Дамы.

В конце концов я добрался до статей, выражающих социально-политический интеллект западного общества. И с первых же строк я стал замечать, что Запад идёт не туда, куда ему следовало бы идти согласно моим представлениям о нем, что люди здесь ведут себя совсем не так, как следовало бы поступать согласно тем же моим представлениям. Вот вам ещё парадокс советского

человека. Я прибыл сюда как советский агент, заинтересованный по идее в том, чтобы Запад вёл себя плохо с точки зрения его же собственных интересов и хорошо с точки зрения интересов советских. Я прибыл ослаблять и разрушать Запад. Но стоило мне пересечь границу, как я начал переживать и думать наоборот. Поведение Запада и западных людей стало меня раздражать именно их просоветской направленностью.

С каждым днём моё раздражение по поводу неправильного поведения Запада возрастало. Сегодня утром я прочитал, что один видный политический деятель Запада считает возможным переубедить советское руководство в чем-то таком, в чем советское руководство нельзя переубедить никогда и ни при каких обстоятельствах. Это слишком, сказал я себе. Отбросил эту газету и дал себе слово больше не тратить свои гроши на неё. Но в другой газете, которая здесь считается самой высокоинтеллектуальной, я прочитал беседу западного советолога с советским «критиком режима». Критик, уволенный с третьего курса захудалого технического института и отсидевший пять лет в тюрьме (что считается необходимым и достаточным условием познания советского общества), заявил, что советские руководители изменили марксизму. Советолог, двадцать лет изучавший марксизм и советское общество в библиотеках, добавил от себя, что социальный строй Советского Союза вообще не есть социализм. «О, идиоты! — воскликнул я. — Если в Советском Союзе и делают что правильно и хорошо, так это социализм. И ничего другого там делать вообще не умеют». И я принял то самое решение, о котором сказал в самом начале.

Здоровый гомосос

Обрезание я тоже делать не стал, ибо ненавижу любой национализм. Тут есть один русский писатель, который печатает свои бездарные сочинения на еврейские темы и под еврейским псевдонимом. Его тут за это носят на руках. А другой, ещё более бездарный писака, выдаёт себя за представителя русской культуры, хотя является евреем. Его тут тоже носят на руках за это. Я же — здоровый гомосос, т.е. существо наднациональное. А здоровый гомосос радуется всякому случаю, когда какой-то нации нанесён ущерб. Буддисты вырезали в Пакистане миллион мусульман? Так им и надо, а то их слишком много расплодилось. В Индии кастрировали два миллиона мужчин? Так им и надо, а то их слишком много расплодилось. В Камбодже убили три миллиона человек? Прекрасно, пусть все видят, к чему ведёт коммунизм. Во время войны погибло двадцать миллионов советских людей? Так нам и надо, впредь умнее будем. Почему так? Да потому, что здоровый гомосос есть подлинный интернационалист и считает всех людей братьями. Ну а с братьями можно и не церемониться.

Здесь живёт один татарин, во время войны сотрудничавший с немцами. Его как-то обвинили в антисемитизме. «Зачем обижаешь, — сказал он, — я не только евреев, но и русских расстреливал тоже». Он — здоровый гомосос. И между прочим, нерусский — к сведению тех, кто считает советизм национальной русской чертой. И в этой эмиграции, сплошь состоящей из ярко

выраженных гомососов, русских тоже раз-два и обчёлся. Из этого не следует, что русские не гомососы. Мы-то как раз и послужили той исходной основой, из которой великие селекционеры-коммунисты вывели современного гомососа. Но мы остановились на полпути к совершенному гомососу и погрязли в мелочном самоанализе. Другие народы опередили нас и в этом.

Мы и Запад

Я живу в Пансионе, который мне оплачивает какая-то организация. Хотя я занимаю крохотную комнатку без телефона и письменного стола, платит эта организация сумасшедшие деньги. Я предложил им такой вариант: пусть они эти деньги дадут мне на руки, а я буду снимать комнату частным порядком. Это в три раза дешевле, а оставшиеся деньги я употреблю на еду, одежду и бумагу. Но почему-то это сделать нельзя. Шутник, который уже разобрался в тонкостях западной жизни, утверждает, что причины этого «нельзя» точно такие же, как в Советском Союзе. И вообще, тут многое очень сильно напоминает нашу советскую жизнь.

Обитатели Пансиона разделяются на кратковременных и долговременных. Кратковременным был до моего поселения Профессор, а уже во время моего долговременного пребывания здесь — Дама с её бесцветным мужем. Мне было достаточно одного взгляда на её рахитичного Мужа, чтобы понять, что это за птица. Я уверен, что сотрудники здешней службы безопасности знают о принадлежности Мужа к КГБ. Но они думают, что если он — их человек (а он наверняка и их человек), то его принадлежность к КГБ играет второстепенную роль. Продаваться всем разведкам мира есть профессиональный (и даже гражданский) долг советского разведчика. И дело тут не в том, что работа в пользу КГБ в общем балансе превышает причиняемое зло. Дело в том, что даже причиняемое зло есть работа в пользу КГБ. Если бы сам шеф КГБ сбежал на Запад, захватив с собою все известные КГБ секреты, его бегство в конечном итоге сработало бы в пользу Советского Союза. У советской разведки и западных разведок разные критерии оценки делаемого. Так называемые взаимовыгодные отношения КГБ с западными службами того же рода всегда в пользу КГБ, ибо уже сам факт каких бы то ни было отношений всегда в пользу КГБ. Если бы можно было измерить, какой урон Западу нанесла одна только работа разведывательных служб с Дамой по выкачиванию из неё информации, кое у кого, может быть, волосы на голове зашевелились бы. И это при условии, что вся информация ценная и правдивая. А какая часть сообщённого ею есть дезинформация, балласт, вымысел, чепуха? А как измерить психологические последствия таких соприкосновений? Мне говорили, что западные разведывательные службы составили чёткое представление о советском человеке на основе бесед со многими тысячами советских людей. Говорю вам со стопроцентной верой в свои слова: если Запад проиграет будущую войну Советскому Союзу, то главной причиной этого будет именно этот образ советского человека, составленный западными разведками и советологами на основе соприкосновения с советскими людьми.

Нытик и Энтузиаст

Нытик и Энтузиаст предложили повести меня в кафе, где «все стоит в два раза дешевле». Я сказал, что сейчас я предпочёл бы кафе, в котором все стоит в десять раз дешевле. Они сказали, что и такое бывает, но сейчас «не сезон».

Нытик и Энтузиаст — ярчайший пример противоположных форм выражения одной и той же сущности. Принципы Нытика: мы тут никому не нужны; тут не лучше, чем у нас; ничего мы тут не добьёмся. Принципы Энтузиаста: без нас тут шагу ступить не могут; тут рай сравнительно с Союзом; мы горы свернём. Нытик покорно ждёт, когда Запад сам бросит ему кусок со стола своего богатого пиршества. Энтузиаст рвёт и мечет, суёт нос повсюду, готов сам вырвать положенный ему кусок изо рта у Запада. Нытик сам не знает, зачем он здесь. Энтузиаст прибыл с великой миссией — научить Запад уму-разуму и руководить отсюда диссидентским движением в Союзе. Он жаждет издавать журнал, а ещё лучше — газету. Он считает, что это «основное звено, ухватившись за которое мы (кто?) вытянем всю цепь. Ленин ведь тоже с этого начинал!».

Общим для них является то, что они лезут в мою каморку без стука и в любое время дня и ночи, просят в долг и стараются что-нибудь унести с собой «на время». Чтобы пресечь их поползновения, я на большом листе бумаги написал объявление: «Оставь надежду всяк сюда входящий». На другой день Хозяин снял объявление: он не хотел, чтобы ему напоминали о позорном прошлом его страны. Ведь ему кто-то донёс и перевёл моё объявление!

Прибыв в Вену, Энтузиаст первым делом поинтересовался, почему американский президент не прилетел встречать его. Ему сказали, что президент занят. Энтузиаст сказал, что президент мог бы вместо себя прислать своего представителя. Ему сказали, что представителей президента тут полно и что они скоро будут иметь честь побеседовать с Энтузиастом. Энтузиаст не обратил внимания на несколько юмористический оттенок в этих словах, успокоился и стал отыскивать глазами в толпе собравшейся в аэропорту всякого рода публики руководителей европейских коммунистических партий. Эти-то уж, во всяком случае, должны были бросить все дела и прибежать встречать ведущего (и пока единственного) представителя советского еврокоммунизма. Но тут уж ему никто помочь не мог. Энтузиаста, как бывшего старого коммуниста, это возмутило больше всего. «Сволочи! — сказал он, имея в виду еврокоммунистов, американцев и всех прочих. — Мы там для них... а они тут... Сволочи! Ну, погодите! Я вам ещё покажу!...»

Нытик выехал благодаря фиктивному браку, что обошлось ему в копейку. Прибыв в Вену, Нытик первым делом поинтересовался, где находится «чёрный рынок»: он привёз очень ценную икону, за счёт которой собирался безбедно пожить по меньшей мере пять лет. Икона, однако, оказалась поддельной. Узнав об этом, Нытик тоже сказал: «Вот сволочи!» Остатки былых богатств он потратил на «расторжение» брака, т.е. на приобретение липовых документов, которые оказались ненужными. После этого он приобрёл психологию разорившегося миллионера — стал нытиком, слюнтяем, слизняком.

Но с другой стороны, к Нытику почему-то проявили повышенный интерес

разведывательные службы. Его немедленно переправили сюда. Я поинтересовался у Нытика о причинах такого внимания к нему. «Они вообразили, будто я знаю многое такое, чего я не знаю сам, — сказал он. — Как это понять?» Я сказал, что у него, как и у всякого советского человека, богатое подсознание, особенно если он работал на военном заводе. Сам он о своём подсознании не знает, а «эти кретины», очевидно, выкачивают оттуда ценную информацию. «Смех, — сказал он, — что там можно выкопать? Мелкие жульнические операции? Попойки? Прodelки с девками?» Я сказал, что ничего смешного тут нет. «А вдруг они подозревают, что вы — крупная фигура в КГБ?» — «Хотя бы мелкая, — вздохнул он. — Если бы так, я бы тут горы свернул. Тут такая благодать для советских агентов! А этим кретинам все равно, кто я. Им важно лишь, кто они».

Шутник

По дороге в кафе к нам присоединился Шутник. Сказал, что в этом кафе все в два раза дешевле по той простой причине, что тут все в три раза хуже. Потому практичные немцы считают невыгодным ходить сюда. Только нищие советские эмигранты ухитряются как-то выгадывать за счёт потерь.

Шутником я прозвал его после того, как он столкнулся в дверях с Хозяйкой, выходящей из моей комнаты. «Это нехорошо, дорогой товарищ, разрушать здоровую капиталистическую семью, — сказал он. — Вы же советский человек!» — «Моральное разложение Запада есть наш священный долг», — сказал я.

Он оказался здесь раньше меня и на правах старожила предложил мне показать красоты города. Погода была превосходная. Нам от этого было приятно вдвойне, поскольку в Москве стояла отвратная погода. Насмотревшись на памятники архитектуры и роскошные витрины магазинов, мы зашли в очаровательное маленькое кафе. К нам сразу же подошла молоденькая приветливая официантка. Не успели мы поохать по этому поводу, сравнивая это божественное создание с московскими ведьмами-официантками, как она принесла наш заказ.

— Если бы в Союзе была хотя бы десятая доля такого сервиса, как здесь, ни за что не уехал бы. Знаете, что было главным в моем решении эмигрировать? Мечта хотя бы раз посидеть вот именно в таком кафе и быть обслуженным именно на таком уровне. Как ваше впечатление от города?

— Слишком много прошлого. Запад отягощён прошлым. Он уже не может его удержать. Оно уходит. И уносит с собою их будущее.

— Зато у нас прошлого нет. У нас все впереди. И западное прошлое у нас впереди.

— А что вы скажете о людях?

— Свобода и благополучие не делают людей умными. Здесь четыре миллиона иностранных рабочих, а своих безработных уже полтора миллиона. Причём безработные не хотят работать на тех же условиях, что иностранцы. Или совсем не хотят работать. Предпочитают быть паразитами за счёт общества. Тут какая-то благотворительная организация решила устроить конкурс,

победителю которого предоставлялось рабочее место. Никто не захотел участвовать в этом конкурсе. А молодёжь — лучше об этом и не говорить. Расовые проблемы. Терроризм. Наркотики. Преступность... Жаль, если капитализм тут скоро рухнет. Хочу при хорошем капитализме немножко пожить. Походить по кафе. По ночным клубам. Покупаться в тёплых морях. Баб всяких попробовать. Вы ещё не пробовали негритянок? Я попробовал. Ничего особенного. Это сказки, что они обладают выдающейся сексуальностью. Наши бабы не хуже. Но все-таки любопытно. Хотите, устрою?

— Нет. Я ещё Европу не освоил.

Роль зонтика в истории

В Пансионе живут также эмигранты из других стран социалистического лагеря. Они ещё надеются на «третий путь» и «свободные профсоюзы», обвиняют нас в «догматизме» и «великорусском шовинизме». Время от времени они возвращаются в своё социалистическое отечество и печатают там статьи, разоблачающие Запад. Подписываются чином не ниже капитана государственной безопасности. Запад на эти статьи не обращает внимания. Это задевает гордость наших дружественных разведок. И тогда они начинают с остервенением устраивать покушения на своих бывших граждан, главным образом — с помощью зонтиков, тюбиков для зубной пасты, шампуня и других предметов быта. Зонтики одно время произвели здесь сенсацию. И эмигранты из Восточной Европы этим очень гордились. Болгары даже в солнечную погоду ходили с зонтиками. От них все шарахались в стороны. Честно говоря, и мне было не по себе. Я готов умереть в пасти акулы или крокодила, на худой конец — от укуса мухи цеце. Но умереть от укуса банального зонтика — брр!.. Зонтичная сенсация кончилась и забылась, как и все сенсации на Западе. Теперь наши братья по социализму и эмиграции вместо зонтиков смакуют аргумент: «Ну а Польша?» Западные обыватели внешне выражают по сему поводу восторг, поскольку это укрепляет надежду на то, что Советский Союз скоро рухнет сам собой, и они, западные обыватели, сэкономят на этом лишний пфенниг в неделю. А внутренне они уже дрожат от ужаса, поскольку вследствие польской эмиграции они уже теряют по крайней мере по десять марок в неделю. А это — ещё только начало.

Мы и Запад

Вечерами в Пансионе ведутся разговоры о высокой политике. Вот в таком духе.

— Иранские студенты захватили американское, а не советское посольство. Почему?

— Если бы они сунулись в советское посольство, Советская Армия сразу

оккупировала бы Иран. А американцы слабаки.
— У них демократия.
— Я и говорю, слабаки.
— В общем, обстановочка! Без пол-литра не разберёшься.
— Про пол-литра тут надо забыть. Дорого. И блевать некуда.
— Жалкий Иран терроризирует могучую сверхдержаву. Арабы насилуют Западную Европу. Что происходит?!
— Запад прогнил.
— Не торопитесь хоронить Запад. В нем есть некий скрытый сволочизм, который ещё покажет себя.
— Сволочизм тут есть. Но идиотизма больше. Поменьше бы идиотизма и побольше сволочизма — может быть, лучше было бы.
В Москве такие беседы заканчивались идеей: выпить. Здесь даже алкоголики таких идей не выдвигают. Предпочитают пить втихомолку. И мы, оплевав иранскую революцию и арабов и перебив косточки западным политикам, расползлись по своим каморкам.

Мелкие радости

Сообщили, что один из сотрудников советского посольства оказался агентом КГБ. В Пансионе весь день не умолкает смех по этому поводу: один! А есть ли в советском посольстве хотя бы один сотрудник не агент КГБ?!

Мой путь

Рядом с Пансионом есть роскошный газетно-журнальный киоск. Чуть подальше — великолепный магазин, где продаются те же газеты и журналы. Ещё дальше — ещё более роскошный киоск. В промежутках между ними — ящики, из которых вы можете взять газеты, сунув в дырочку положенное число монет. Газеты я раньше покупал в ящиках. Это вдвое дешевле, ибо я пихал в дырочку вдвое меньше монет, чем положено. Шутник пихает в четыре раза меньше. Это свидетельствует о том, что совести у него в два раза меньше, чем у меня. А Циник не пихает ничего, только вид делает — несколько раз прикладывает палец к дырочке. Величину совести его вы можете высчитать сами.

Мой путь лежит мимо этого газетно-журнального искушения. С обложек журналов на меня призывно смотрят цветные женские зады, груди и прочие соблазнительные части тела. Жирные газетные заголовки возвещают о том, что сексуальный маньяк выбросил в окно с десятого этажа двадцатую жертву, что террористы похитили миллионера, что принцесса разводится с очередным супругом... «Ну нет, голубчики, — сказал я с металлом в голосе, — теперь вы меня этим не купите!» И равнодушно прошагал мимо. И тут-то впервые в жизни я обнаружил в себе наличие силы воли. Обнаружил и прослезился от... огорчения. Где же ты раньше была? — прошептал я, обращаясь к своей силе

воли. Обнаружешься ты лет двадцать назад, не болтался бы я сейчас здесь, в свободном обществе, в поисках терпимого пропитания, а лежал бы на диване, как мои преуспевшие друзья, в пятикомнатной квартире в Рублёве, или гулял бы на цековской даче под Москвой, или загорал бы на цековском южном курорте, или чинно восседал бы в кабинете на Старой площади или на Лубянке. И никакая проблема посмертного существования не волновала бы меня. И не испытал бы я разочарования от западной прессы. И не знал бы я, что Запад давно следовало бы наградить орденом Ленина или Октябрьской Революции за заслуги в сохранении и укреплении советской власти.

Но прошлое не вернётся. Мы привыкли утешать себя поговоркой: лучше поздно, чем никогда. Раз во мне проснулась сила воли, я её должен использовать. Буду твёрд, как скала! Буду гнуть свою линию, на сколько бы этот период «проверки» ни затянулся. Вперёд!

О стариках

Я иду в учреждение, где со мною беседуют лица, интересующиеся Советским Союзом, а прямо говоря — где меня допрашивают. Иду пешком, поскольку общественный транспорт здесь, в отличие от Москвы, дорогой и неудобный. К тому же мне все равно делать нечего. Иду, разглядываю сытых и хорошо одетых прохожих. Это главным образом старики. Много бездельничающей молодёжи. Молодёжь одета нарочито неряшливо. Парни заросли волосами. Девчонки — как грязные, никогда не моющиеся цыганки, иногда появляющиеся на улицах Москвы. Главная опасность для человечества, думаю я, не атомная бомба, а сами невооружённые люди, т.е. избыточное население и чрезмерная долгота жизни. Люди нарушили некие социобиологические законы. Хилые дети выживают. Больные десятилетиями тянут своё существование. Старики живут необычайно долго. Старики заполнили планету. Нет в мире ничего опаснее стариков. Они глупы и бездарны. Но обладают непомерной самоуверенностью и самомнением. Все мерзости в современном мире суть дело рук стариков. Пока число людей в мире не сократится по крайней мере вдвое, а продолжительность жизни — по крайней мере на двадцать лет, ничего хорошего не будет. Будет только ещё хуже. И в конце концов пойдут в ход все те изобретения стариков, которые единственно способны уполовинить население и урезать продолжительность жизни. Впрочем, молодёжь теперь по степени опасности начинает конкурировать со стариками. Она недовольна всем. Она не хочет работать. Но хочет иметь все без труда и сразу. Её кажущееся пренебрежение к материальным благам и ненависть к богатым есть лишь негативно завуалированная жажда благ. И по глупости и бездарности молодёжь не уступает старикам.

И об эмигрантах

Но черт с ними, с западными стариками и молодёжью! Есть опасность, которая задевает меня лично: наплыв наших эмигрантов на Запад. Как авангард Великой Советской Армии, наступающей на Запад, я вроде бы должен был радоваться этому. Но как обыватель, которому надо есть, пить, одеваться, иметь женщин и наслаждаться культурой, я прихожу в отчаяние от этого радостного явления. С каждым днём шансы мои прилично устроиться сокращаются. Прибывают все новые и новые советские прохвосты. Они приносят для западных разведок все более ценную информацию и дезинформацию и более веские доказательства своей причастности к КГБ. Мне хочется заорать на весь мир: опомнитесь! Кого вы к себе впускаете?! Неужели вы не видите, что это начало нашего (советского) вторжения на Запад?! Поймите меня правильно: я хочу кричать об этом не с целью спасти Запад, а с целью наконец-то прилично устроиться самому на Западе. И для этого, конечно, немножко спасти Запад. После того как я устроюсь, я кричать не буду. Впрочем, может быть, как раз наоборот: если я устроюсь, будет жаль потерять хорошее положение. Неплохо устроившиеся советские эмигранты, а среди них — агенты КГБ в первую очередь, суть на Западе главные противники наступления коммунизма, — вот вам ещё один пример всеми презираемой, но вечно торжествующей диалектики.

Кто я

Когда меня спрашивают, каким образом мне, русскому по национальности, бывшему члену КПСС, причастному к высшим партийным и кагэбэвским кругам, принимавшему участие в секретных исследованиях, удалось выбраться на Запад, я откровенно отвечаю: я прибыл сюда по заданию ЦК КПСС, КГБ и всего советского народа. Но мне не верят. Думают, что я дурака валяю или хочу цену себе набить и устроиться в тёпленькое местечко. Советские покаявшиеся шпионы весьма популярны на Западе. Им сразу дают политическое убежище и средства существования. А у меня почему-то ничего не выходит.

«Это ещё надо доказать, что вы настоящий, а не липовый советский шпион, — сказал мне один из собеседников во время допроса. — Если вы настоящий, вы должны были бы принести нам ценную информацию, в которую мы поверили бы и которую оценили бы по достоинству». — «Или дезинформацию, в которую вы тем более поверили бы», — закончил его мысль я сам. После этого моего замечания за мной закрепилась репутация человека, который выдаёт себя за агента КГБ, но на самом деле таковым не является. Странно, не правда ли?! Это в советской-то эмиграции, в которой каждый говорит о каждом, что тот — агент КГБ! И обычно выдвигают несокрушимый аргумент: что это за агент, если ничего секретного о Советском Союзе не знает?! Я возражаю: а если я заслан сюда для того, чтобы тут секреты выведывать? Тогда зачем тебе признаваться в том, что ты асе, подрубают мою логику под

корень мои оппоненты. К тому же секреты тут совсем незачем выведывать, ибо их тут вовсе нет — тут же все на виду. Нет, приятель, ты уж лучше не финти! Признайся лучше, что ты решил нам голову поморочить. Я признаюсь. Собеседники переглядываются: они и это моё признание, что я морочу им голову, истолковывают как стремление морочить им голову. Где же выход?

Я — асс. И ничего плохого в этом не вижу. Хорошего, правда, тоже ничего не вижу. Это просто объективный факт. Факт несколько печальный, несколько комический. Но отнюдь не трагический. Скорее банальный. Теперь агентов развелось так много, что даже в КГБ не помнят их всех. Теперь агентов выбрасывают в житейский океан, как новорождённых щенят в грязный деревенский пруд. Хотите жить — выживайте, не хотите —дохните! И наградой за все нам является одно: нас выбрасывают. Не все агенты, конечно, таковы. Я имею в виду лишь массовый тип, к коему принадлежу сам. И не столько реальных, сколько потенциальных агентов. Ситуация тут похожа на ту, какая имела место с подготовкой младших офицеров в прошедшую войну. Набирали сопляков из школ и через несколько месяцев выплёвывали на фронт младшими лейтенантами. Большинство из них погибало в первом же бою. Но они в массе и требовались лишь для одного боя. А мы в массе тоже нужны лишь для одной операции. Быть потенциальным агентом очень мучительно: ты имеешь все недостатки положения агента, не имея никаких его достоинств. Перед нами два пути: выйти из числа агентов вообще или стать актуальным агентом. Первый путь для нас исключён. Второй же удаётся лишь немногим счастливицам. Поскольку у меня объявилась сила воли, я этот переход в актуальные агенты непременно осуществлю.

Особый десантный

С таким боевым, оптимистическим настроением я приближаюсь к реке. Речушка — одно название. Воды в ней — по колено в самые дождливые дни. А в ширину её можно переплюнуть. Вообще, насчёт рек на Западе слабовато, не то что у нас, в России. И реки тут Какие-то смешные. Текут вровень с берегами, а то и выше. Скрываются под дома и вылезают из-под них в самых неожиданных местах. Иногда они текут вверх по течению. Я обратил внимание Циника на этот феномен природы. Он сказал, что это происходит лишь на данном маленьком отрезке, что за поворотом река снова течёт вниз, но вдвое быстрее обычного.

На берегу речушки, недалеко от моста, названного именем какого-то выдающегося деятеля (стоило трудиться из-за такого пустяка!), расположены казармы воинской части, специализирующейся на преодолении водных преград. Каждое утро солдаты надевают ярко-оранжевые спасательные жилеты, вытаскивают надувные лодки, спускают на воду и с воплями забираются в них. С пивными банками. Но без оружия. Начинается переправа на другой берег. Лодка цепляется за дно. Часть солдат вылезает, чтобы столкнуть лодку на более глубокое место. Лодка опять застревает. На сей раз приходится вылезать всем, кроме одного, и нести лодку до берега на руках. Оставшийся в лодке паясничает. Солдаты ржут. Роняют лодку. Клоун падает

в» воду. Начинается дикое веселье. На берегу собирается толпа зевак и комментирует происходящее. Основной мотив комментариев: армия обходится дорого, её следует распустить, оставив минимум. Смотреть на все это и слушать — комично и вместе с тем жутковато. С та-кой жалкой армией советские войска не остановишь. А тут даже на неё жалеют лишний пфенниг потратить.

Переправившись на другой берег, солдаты устраивают «привал», кричат, пристают к женщинам, хохочут, пьют пиво, поют песни. Морды сытые. Разодеты так, что и на солдат не похожи. Перед обедом они «переплывают» обратно. И больше их у реки не видно.

«Ничего, голубчики, — думаю я, глядя на этих сытых и самодовольных парней, — загорайте, горланьте песни, пейте пиво, тискайте девок. Наслаждайтесь! Скоро этому придёт конец. Это говорю вам я — представитель могучей армии плохо откормленных, плохо одетых, незагорелых, не знающих женщин парней, армии, которая давно готова к походу. Когда-то наши отцы пели: „Если завтра — война, если завтра — поход, будь сегодня к походу готов!“ Когда война началась, оказалось, что они к походу готовы не были. Мы извлекли урок из их ошибок: сразу же после окончания их страшного похода мы начали готовиться к новому, ещё более страшному. И мы уже готовы. А если люди сегодня готовы к походу, то завтра они непременно ринутся в него — готовность к походу нельзя сдерживать слишком долго. Мы давно в обороне. Но запомните: постоянная оборона есть нападение. Преждевременная оборона есть тоже нападение. И чрезмерная оборона есть тоже нападение».

Я проходил службу в армии в сравнительно неплохих (по нашим понятиям) условиях. Однажды офицер из Москвы прочитал нам лекцию о том, как в американской армии готовят специальные подразделения к операциям в трудных условиях. Эти «трудные условия» показались нам курортом сравнительно с нашими нормальными. Вот в чем дело! То, что для нас есть нормальная жизнь, с точки зрения Запада есть жизнь в кошмарно трудных условиях. В этом наше преимущество. Мы имеем не жалкую предвоенную тренировку к «трудным условиям», а гигантский исторический опыт жизни в сверхтрудных условиях. Нам не надо готовиться к войне, ибо мы всегда к ней готовы.

Интеллектуальный поединок

Сейчас мне предстоит то, что в шпионских романах называют интеллектуальным поединком. Я скажу моим противникам, что я — асе. Буду рассказывать о других ассах, работающих здесь, о современных методах советской активности на Западе. Они не поверят ни одному моему слову. Будут ловить на противоречиях и ставить ловушки. Зачем? Затем, чтобы разоблачить меня как асса! Вы можете разрешить эту ситуацию? Я лично не способен. Слишком уж разные у нас позиции. Я — носитель трагедийной линии истории, а они — опереточной. Но воспринимают они наши роли как раз наоборот. А я не протестую. Я сам валяю дурака. И считаю их дураками,

как и они меня. Я хожу на такие поединки как на работу. Допрашивающие не обращают внимания на то, что я сам считаю важным и что на самом деле важно, слушают меня со скукой и насмешкой, постоянно прерывают и начинают копать в пустяках. Потому буду приводить наши беседы в литературно отредактированном виде и в самом существенном с моей точки зрения. Их отчёты о беседах со мною наверняка выглядят совсем иначе. В их отчётах я выгляжу как недалёкий, скользкий, лживый тип, а они — как умные и прозорливые следователи, постоянно припирающие меня к стенке, срывающие с меня маску и выводящие меня на чистую воду. Ничего нового для меня в этом нет — я к таким явлениям с детства приучен в Москве.

— В прошлый раз вы упомянули о некоем Комитете интеллектуалов (КИ) при руководстве КГБ. Что это за организация?

— Это — неформальная группа. Участники её не являются сотрудниками КГБ. Они работают в других учреждениях и имеют самые различные профессии. За участие в КИ они не имеют дополнительного вознаграждения. Это энтузиасты. Они удовлетворяются самой интеллектуальной игрой, сознанием причастности к высшим сферам, сознанием приносимой пользы. Они заинтересованы в создании у высшего руководства верного представления о положении в стране и о международной ситуации, а также в изобретении эффективных мер для улучшения этого положения. Организатором и вдохновителем КИ был мой друг...

— Вы тоже были членом КИ?

— Я дружил с Вдохновителем и другими членами КИ. Обсуждал с ними различные проблемы. Но членом не был.

— Почему?

— Просто так получилось. Я сам не стремился к этому — не было надобности. К тому же я был точкой поступления информации, что исключало возможность членства КИ.

— Что это такое?

— У членов КИ была сеть специально отобранных информаторов, через которых они собирали сведения, нужные для их интеллектуальной деятельности.

— Осведомители? Стукачи?

— Нет, совсем другое. Просто у членов КИ намечались вопросы, на которые они хотели получить ответы с учётом правил конкретной социологии. Информаторы отбирались так, чтобы их сведениям можно было доверять. Например, присвоили Брежневу звание маршала. У меня раздаётся телефонный звонок. Звонит Вдохновитель. Спрашивает: что я думаю по сему поводу? А я — представитель определённых кругов общества, моё мнение характерно для них. Вдохновитель знает, что я не буду изображать из себя «честного коммуниста», а скажу, что думаю на самом деле. Я знаю, что мне за мой ответ абсолютно никакого наказания не будет. И я отвечаю: эти идиоты (я имею в виду членов Политбюро) совсем рехнулись. Аналогичные вопросы были по поводу речей Брежнева, постановлений ЦК, диссидентов. Но выполнение таких заданий было для Комитета делом второстепенным.

— А что было первостепенным?

— Обдумывание политических проблем стратегического уровня. Например,

план превращения последней эмиграции в операцию был сначала обдуман в КИ.

— В чем конкретно состоял план?

— Превратить спорадическую эмиграцию в массовую.

— Насильную?

— Нет, спровоцировать добровольную массовую эмиграцию. Сделать так, чтобы сотни тысяч людей захотели эмигрировать.

— С какой целью?

— Очистить страну от нездоровых элементов. Лишить их социальной базы в стране. Засыпать агентов на Запад. Увеличить число носителей советизма на Западе. Это форма проникновения во вражеское тело. Показать Западу подлинное лицо оппозиции. Посеять склоки в среде диссидентов. Вызвать раздражение на Западе. Внушить Западу ложные взгляды на советское общество. Замутить воду и ловить рыбку в ней. Очень удобно со многих точек зрения.

— Насколько этот план оправдался?

— На сто процентов. Достигнуты производные результаты, на которые заранее не рассчитывали. Например, растерянность Запада перед лицом наплыва советских эмигрантов. Растерянность западных разведок в борьбе с советской активностью на Западе.

— В каких масштабах мыслилась эта операция?

— Мы советовали выбросить на Запад по крайней мере миллион человек, главным образом — евреев. Но высшее руководство испугалось этой цифры и остановилось, как обычно, на полпути.

После беседы о КИ разговор опускается на обычный банальный уровень.

— Когда началась ваша деятельность в КГБ?

— Она ещё не началась. Я много лет работал на I КГБ, как и многие другие советские люди. Но я никогда не работал в КГБ. Я дал согласие стать советским агентом с целью получить разрешение на эмиграцию.

— Вы были осведомителем КГБ? Какая у вас была кличка?

— Я не был осведомителем КГБ.

— Этого не может быть!

— Не все советские люди суть осведомители КГБ. Любой советский человек в принципе может быть использован КГБ для получения информации или для какой-то операции. Но это другое дело. КГБ, например, использует западные разведки в своих интересах. Выходит, по-вашему, и они...

— Вам предлагали стать осведомителем?

— Затрудняюсь ответить. Иногда это делается в завуалированной форме, так что формально это не есть предложение. Во всяком случае, я отказался.

— Не может быть!

— Согласие или отказ тут не играют той роли, какую им приписывают на Западе. Я знал людей, согласившихся быть осведомителями, но фактически не ставших ими, и людей, отказавшихся, но фактически работавших на КГБ. Теперь многие выполняют поручения КГБ, формально не сотрудничая с ним. Я, например, писал отчёты для президиума Академии наук, которые автоматически шли в КГБ.

— Так, значит, вы все-таки сотрудничали с КГБ! Вы не до конца искренни с

нами.

— Сформулируйте мне «конец искренности», и я обещаю дойти до него без колебаний и даже пойти дальше.

Они не поняли двусмысленности моей просьбы.

Об искренности

Искренен я с моими собеседниками или нет? Ни то, ни другое. Понятие искренности вообще лишено смысла в применении к идеологическому сознанию гомососа. Когда я решил эмигрировать, один мой старый знакомый сказал: значит, ты теперь будешь нашим врагом. А ведь он не дурак. И не на партийном собрании выступал. А другой знакомый именно после партийного собрания, на котором меня заклеили как предателя, с чувством пожал мне руку. Разумеется, когда не было свидетелей. Кто из них был искренен? Все зависит от обстоятельств, в которых гомосос проявляет свои качества. Он гибок и ситуационен. Его реакции всегда естественны, но не единственно возможны. В нем нет ничего такого, что считают «подлинным», ибо «подлинность» есть лишь одна из исторических возможностей, возведённых в воображении людей в абсолют. Но в нем все естественно в смысле соответствия условиям его жизни.

Первый мой знакомый отнёсся ко мне как к врагу не потому, что он переживал за советский строй, а потому, что я нарушил общепринятую норму и поступил ней по-советски. Он это лишь облёк в идеологическую форму «враг». Он не испытывал ко мне тех чувств, какие положено иметь по отношению к врагу. А второй мой знакомый посочувствовал, не испытывая реального сочувствия. Он в такой форме выразил одно из своих разнообразных отношений к советскому строю. Оба на самом деле испытывали по отношению ко мне те чувства, какие бывают у массы людей к нестандартно поступающему члену их коллектива, — недоумение, любопытство, раздражение, зависть, злобу, сочувствие к себе... Эту реакцию нельзя определить одним каким-то привычным языковым выражением. И так — во всем.

Так что нелепо требовать от гомососа искренности. Он бы рад быть таким, но не умеет, ибо не считает, что он всегда искренен. А если он готов одну искренность через минуту сменить на другую, так это не есть признак неискренности. Инструктировавшие меня сотрудники КГБ ни разу не советовали мне обманывать тех, кто будет меня здесь допрашивать. Эти сотрудники КГБ суть опытные гомососы. Они знают, что нам такие советы давать не нужно, поскольку мы с детства натренированы не обманывать, а вводить в заблуждение путём использования правды. Когда мои допрашиватели намекнули мне насчёт лжи, я рассмеялся. На сей раз они поняли меня и сами сочли свою идею бессмысленной.

О сотрудничестве с властями

Сотрудничал ли я с КГБ? Если быть научно строгим, то я не сотрудничал ни с кем. Гомосос на самом деле не сотрудничает с властями. Он участвует во власти — вот в чем суть дела. Он лишь реализует свои собственные потенциальные и актуальные функции власти. Отчёты штатных осведомителей, доносы добровольцев и энтузиастов, сообщения официальных лиц, публичные разоблачения и прочие явления советской жизни суть лишь формы участия гомососов в системе власти.

Я, к примеру, несколько раз ездил за границу и по возвращении писал отчёты о поездках. Делал я это согласно инструкции, в которой, в частности, было следующее: «В беседах с зарубежными учёными широко пропагандировать достижения советской науки и успехи социалистического строительства в СССР, миролюбивую политику нашего государства. Разъяснять и популяризировать идеи новой Конституции СССР, при возникновении вопроса о „правах человека“ исходить из нашей принципиальной позиции, изложенной в центральной печати. По возвращении из поездки в двухнедельный срок представить в президиум АН СССР отчёт о командировке». Я заранее подписывал бумагу, в коей были эти слова. Я заранее знал, что мой отчёт пойдёт в КГБ. А какая разница? Чем отличается президиум АН СССР от КГБ? Я просто исполнял свой долг гомососа, допущенного до поездок за границу. Я стремился исполнять свой долг как можно лучше. И не вижу в этом абсолютно ничего безнравственного. Я презирал и презираю до сих пор всех тех, кто делал вид, будто делал аналогичные вещи нехотя и по принуждению. Я не верю им. Разве что им просто было лень писать такие отчёты или они не умели их делать хорошо.

Речь, обращённая к моралистам

В парке было пусто. Только утки. Они обступили меня, рассчитывая на хлебные крошки. У меня возникла острая потребность высказаться. И я прочитал уткам такую лекцию. Забавно, они не разошлись. Они терпеливо слушали и одобрительно (казалось мне) побрякивали. Им, наверно, тоже было одиноко и тоскливо.

Вы, конечно, считаете, что моё поведение и поведение других гомососов в аналогичных ситуациях аморально. Но мы сами думаем иначе. Легко быть моральным человеком, живя в условиях, которые не вынуждают вас к морально осуждаемым поступкам. Вы сыты, хорошо одеты, имеете приличное жильё, имеете книги и другие развлечения. И вам кажется, что быть моральным — естественно и совсем не трудно. В самом деле, зачем быть, например, осведомителем КГБ, если вас никто не принуждает к этому и если нет никакого КГБ вообще? Все просто и ясно. Но если человек поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали, то бессмысленно применять к его поведению моральные критерии. Человек в таких условиях самими условиями

не просто освобождается от моральных норм, он освобождается от них в силу самих моральных соображений. Безнравственно требовать от человека быть нравственным, если нет минимума жизненных условий для того, чтобы от человека можно было требовать нравственности.

В этом месте утки закричали оживлённее обычного. Будто они поняли мои слова. Не ясно только, одобрили они мой тезис или осудили.

Гомососы рождаются, воспитываются и живут в таких условиях, что их в такой же мере нелепо обвинять в безнравственности или приписывать им нравственные добродетели, в какой нелепо рассматривать с моральной точки зрения поведение орд Чингисхана, древних египтян, инков и других аналогичных феноменов прошлого. Мне действительно однажды предложили быть осведомителем, и я отказался. Но я не чувствовал себя героем, вступившим в борьбу с некоей зловещей и преступной силой. И не горжусь этим теперь. Мне тогда просто было ни к чему становиться осведомителем. Я от этого не выигрывал для себя ничего. И мне ничем не грозил мой отказ. Для вербовавшего меня офицера не было необходимостью привлечь именно меня. Он не настаивал. Как осведомитель я для него не представлял никакой ценности. А все, что ему нужно было узнать от меня, я мог сообщить ему и не будучи осведомителем. И я это сделал. И не испытал от этого душевных мук. И не испытываю угрызений совести теперь. Моё общение с КГБ было обычной советской рутинной, не подлежащей моральной оценке. Я согласился сотрудничать с КГБ перед выездом на Запад. Почему? Я мог иметь намерение честно работать на благо моей Родины. Нравственно это или нет? Я мог сделать вид, что согласен быть агентом, чтобы выбраться из застенков коммунизма и затем действовать против него. Нравственно это или нет? Я мог обмануть КГБ и западные разведки, которые априори считаются аморальными организациями, чтобы начать человеческую жизнь. Нравственно это или нет? Это лишь часть возможных вариантов рационального расчёта. А в сознании гомососа все возможные варианты существуют актуально или потенциально в одно и то же время, перемешаны, сменяют один другой. В зависимости от ситуации та или иная комбинация начинает доминировать. И она начинает восприниматься как «подлинная натура» гомососа. И она на самом деле подлинная, но для данной ситуации, а не вообще.

Гомосос мыслит блоками мыслей и чувствует блоками чувств, для которых (для блоков в целом) ещё нет подходящих названий. Благодаря этому он психологически и интеллектуально пластичен, гибок, адаптивен. Плохой сам по себе поступок не переживается гомососом как плохой, поскольку он переживается им не сам по себе, а лишь как элемент более сложного целого (блока), которое не является плохим как целое. Капля яда в сложном спасительном лекарстве не играет роли яда.

Вы считаете, что гомосос есть деградация. То же самое думали о наших вертлявых и неопрятных предках благородные представители животного мира — слоны, львы, тигры. А что получилось на деле? Гомосос не есть деградация. Это есть лишь временное отступление к основам человеческого существа с целью подготовиться к новому грандиозному скачку в развитии. Ясно?

Утки встревоженно забормотали что-то, но не разошлись. Моя идея их явно заинтересовала. Вдохновлённый их криканием, я перешёл к следующему

вопросу лекции.

Если поведение человека не определяется принципами морали, это не означает, что оно не регулируется никакими другими принципами. И это не означает, что поведение человека, определяемое другими принципами, хуже, чем поведение в силу морали. Такие средства управления поведением масс людей, как власть коллектива над индивидом, государственная идеология, принудительный труд и другие, являются в наше время гораздо более эффективными, чем призрачные и лицемерные средства морали. Кстати сказать, последние у нас тоже сохраняются, но как подчинённые первым. Например, обманывать безнравственно, и мы в своих доносах на ближних пишем только правду.

Вы думаете, западные люди нравственнее нас? Я могу назвать вам многочисленные аспекты жизни, в которых западные люди выглядят куда хуже гомососов. Гомососы, например, гораздо отзывчивее и судьбе своих братьев. И не такие жмоты, между прочим. Но гомосос отзывчивее западного человека не в силу принципов морали, а в силу более высокого уровня коллективизма. Что лучше: быть равнодушным к судьбе ближнего в нравственном обществе или отзывчивым в безнравственном?

Утки слушали конец моей речи рассеянно, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая по сторонам. Мои критические замечания в адрес Запада им явно пришлись не по душе. Они поняли, что лакомых хлебных крошек им от меня не видать, и покинули меня, как только увидели пенсионера с кулёчком.

Я и Циник

— Советским властям надо проявить выдержку и терпение в постепенном усилении эмигрантского вторжения на Запад, и тот вззоет. Какой был бы потрясающий эффект, если бы советские власти предложили Западу выпустить всех евреев из Советского Союза! Два миллиона!! Хотел бы я после этого посмотреть на физиономии западных политиков и борцов за права человека!

— Этот план обсуждался в Москве ещё десять лет назад. И его сочли негодным. Так что затаённая мечта советского антисемита никогда не осуществится. Почему? Во-первых, Запад не способен принять такое число советских людей. Во-вторых, Советский Союз не способен выбросить такое количество людей на Запад.

— Чепуха! Только разреши, половина советских людей удерёт на Запад.

— Вот это действительно чепуха. Число жаждущих выехать и способных выехать на самом деле зависит от числа граждан, которые уверены, что на Западе смогут жить лучше, и которые способны оторваться от родной среды. Таких людей не так уж много, мы это вычисляли. Кроме того, есть законы массовых явлений, которым подчиняется и эмиграция. Она уже идёт на спад. Её нужно искусственно подогревать. Как? Например — ограничения.

— Не могу понять, шутите вы или нет. А какова ваша собственная позиция?

— Шутить я не умею. Собственной позиции у меня нет. А если и есть, то, как в старом анекдоте, я с ней не согласен.

— Не понимаю.

— И не пытайтесь понять. Есть вещи, по природе своей не подлежащие пониманию. Просто ждите. И из множества такого рода примеров вы выработаете привычку относиться к происходящему именно так. И никогда не будете ошибаться.

— Чудо-метод! И как же он называется?

— Диалектика. Диалектика, дорогой товарищ, есть на самом деле не только предмет насмешек со стороны тех, кто о ней знает лишь понаслышке. Диалектика есть метод двигаться вслепую, в незнакомом пустом пространстве, заполненном воображаемыми препятствиями, двигаться без опоры, без сопротивления, без цели.

— Вы говорите, как Христос.

— Вы угадали. Одно время мне приходилось читать антирелигиозные лекции от общества «Знание».

— Вы тоже еврей? Нет? А почему?..

— Потому что папа и мама...

— Почему вы эмигрировали?

— Поздно искать причины, пора искать оправдание.

— Не вижу разницы.

— Причины действуют до, а оправдание — после.

Я и Нытик

Недоумение Циника по поводу моей национальности понятно: представлять русский народ на Западе может кто угодно, кроме самих русских. Это вполне устраивает ЦК и КГБ. Один из инструктировавших меня сотрудников ЦК сказал, что «мы не допустим никакой национальной русскую культуру на Западе», что «наша общая установка — свести к нулю национальный русский элемент во всем, что делается на Западе на русском языке».

Вот идёт Нытик. Он — полурусский и полуеврей. Еврейская половина позволила ему выбраться на Запад, а русская мешает устроиться тут. Потому он чувствует себя не полурусским, а вдвойне русским. «Им что, — вздыхает Нытик, кивая на портрет Папы в газете, — их Папами выбирают. А мы хоть в лепёшку расшибись, даже в кардиналы не пробьёмся». Эта реплика Нытика весьма характерна. Согласно подспудным убеждениям гомососа, Папой сначала должен быть назначен советский человек, а уж потом — из братских социалистических стран. Религиозная принадлежность не играет роли: если нужно, ЦК кого угодно католиком назначит. Нытик ничуть не удивился бы, если бы Папой назначили (именно назначили) члена ЦК. Секретарь ЦК по идеологии, по совместительству исполняющий функции Папы, — это нормально. А то какой-то поляк! Безобразие! Куда смотрит КГБ?!

Друзья и враги

«Там ты окажешься в среде ярых антисоветчиков и антикоммунистов, — говорил Вдохновитель. — Вот здесь их продукция за последние пять лет. Полистай. Это — сплошное гэ. Но познакомиться полезно — врага надо знать».

Я вспомнил об этом разговоре после звонка Дамы. Она сказала, что в одном учреждении нужен консультант-социолог, специалист по советскому обществу. Зарплата небольшая, но для одинокого советского человека больше чем достаточно. Снимете уютную квартирку... «И первым делом, — сказал я, — приглашу вас в гости». — «Заранее согласна, — захихикала она. — Буду тебя (уже „тебя“) рекомендовать! Смотри, не подведи». — «Приложу усилия», — заверил я её. Полистав литературку, какую мне тогда предоставил Вдохновитель, я с первых же страниц заметил, что для этих людей открыто выраженный антисоветизм и антикоммунизм играет чисто прагматическую роль: они таким путём выражают готовность служить своим хозяевам.

А что на самом деле вредно и что полезно Москве, им на это наплевать. Если они сочтут, что истина «два плюс два равно четыре» полезна Москве, они будут считать агентом Москвы того, кто эту истину высказывает. «Неужели, — подумал я, — вырвавшись из болота идиотизма, пошлости и лжи советской идеологии, я буду вынужден окунуться в ещё более глупое, пошлое и лживое болото антисоветизма?! Что угодно, только не это!»

Но в учреждение, адрес которого мне дала Дама, я все-таки пошёл. Принял меня человек, очень похожий на заместителя Отдела пропаганды ЦК. Я даже] вздрогнул, увидев его: неужели это Он?! Человек с места в карьер прочитал мне нотацию о том, что я обязан делать, дабы сокрушить «нашего общего врага». Точь-в-точь как в родном ЦК. Я терпеливо выслушали Человечка. Согласился с его лозунгами. Сказал, что готов начать активную борьбу против Москвы хоть сию минуту. Но я не политик. Я учёный. А позиция науки не всегда совпадает с текущей политикой. Вот вы критикуете Советский Союз и призываете Запад к санкциям против Москвы. Вы вроде бы наносите ущерб Москве. А наука говорит другое. Советская атака на Запад захлебнулась из-за недостатка внутренних сил. Советскому руководству следовало бы остановиться и даже отступить, дабы избежать катастрофы и лучше подготовиться к новой атаке. Критика недостатков советского строя и более твёрдая позиция Запада вынуждают советское руководство к более гибкой политике как вне, так и внутри страны. Вы думаете, советское руководство не извлекает уроков из происходящего? Уверяю вас, даже диссидентское движение в огромной степени способствовало укреплению советского режима. Коммунизм вообще и Советский Союз в частности суть ваши враги. Врага надо знать объективно и беспристрастно. Я учёный, повторяю, я не политик. Я могу помочь вам познать вашего врага на уровне серьёзной науки. В нашем деле, сказал она нельзя быть беспристрастным. Врага своего мы знаем не хуже вас. Нам нужна активная борьба. Нам нужны исполнители. Здесь ведь не Академия наук. Но мы о вашей кандидатуре подумаем. Через несколько дней я узнал, что место, на которое я претендовал, предоставили недавно эмигрировавшему из Ленинграда математику,

пописывавшему крикливые статейки в нелегальном диссидентском журнале. Дама обиделась на меня, сказала, что я зря «умника из себя строю», что «с волками жить — по-волчьи выть». Она, конечно, права. Но мне так не хочется жить с волками.

Писатель

В городе живёт наш бывший писатель. Не бывший писатель, а бывший наш. О существовании такого советского писателя я впервые узнал здесь. История его проста и печальна. В Москве он печатался, но желаемого успеха не имел. Сочинил что-то разоблачительное и напечатал на Западе. Получил несколько хвалебных рецензий. Воспринял это как мировую славу. Начал скандалить. Вызывался на допросы. Ему предложили выехать в Израиль, хотя он русский. Он согласился. И вот влачит теперь жалкое существование здесь (конечно, не в Израиле). Утешает себя тем, что за ним здесь не следит КГБ, хотя именно здесь он находится под строжайшим надзором КГБ. Испытывает удовольствие оттого, что в Союзе «жрать совсем нечего». В интервью для печати заявил, что только здесь получил возможность писать все, что хочет, и так, как хочет. Судя по его продукции, однако, он ещё сам не знает, что именно он хочет писать и как. Он оказался в положении глухонемого, которого вытолкнули на сцену оперного театра и сказали: пой, что хочешь и как хочешь. Хорошо ещё то, что театр оказался пуст: сочинения Писателя никто не хочет читать. И печатать вроде тоже уже не хотят.

Вообще-то говоря, в городе живёт несколько бывших наших писателей, в том числе — один известный. Но мне доступ к нему закрыт, поскольку он боится, что я попрошу у него денег. А прочих я сам видеть не хочу, поскольку боюсь, что они попросят у меня денег.

Шеф

Писатель пригласил меня в ресторан. С ним пришёл Шеф. Платил Шеф, иначе Писатель ни за что не пригласил бы меня. Шеф спровоцировал разговор о различии советского и западного образа жизни. «Вот такой ресторан, как этот, — сказал я, — и такое обслуживание на Западе есть явление обычное. Когда у вас победит коммунизм, такого уровня рестораны исчезнут совсем, а число ресторанов вообще сократится во много раз. Попасть в ресторан будет трудно. Готовить будут плохо, а обслуживать ещё хуже. Обслуживающий персонал увеличится раз в пять или даже в десять, а обслуживать вас будут во много раз медленнее. Будет хамство, будет обман, будет...» — «Но почему?! — воскликнул Шеф. — Разве нельзя будет сохранить то, что мы имеем сейчас здесь?» — «Нет, — ответил я, — ибо такие учреждения будут организованы и будут работать по общим принципам учреждений коммунистического общества. Будет установлен определённый штат сотрудников ресторана и определённая система управления. Кстати сказать,

условия работы будут много легче, чем здесь сейчас, — главный соблазн коммунизма. Будет установлена твёрдая зарплата сотрудникам, будет установлен план работы учреждения, будет указана доля продуктов и место их получения, будет установлена технология производства. Исчезнет конкуренция. Доходы сотрудников уже не будут зависеть от их личной инициативы и риска, от качества пищи, от меню, от качества обслуживания. Всякого рода нелегальные доходы будут приносить много больше прибыли, чем добросовестный труд, качество пищи и обслуживания. Попробуйте поставьте себя на место директора в таких условиях или на место официанта, и вы сами без труда выведете все следствия, ставшие привычными в Советском Союзе. И нечто подобное произойдёт со всеми прочими факторами повседневной жизни». — «Не мешало бы западным людям почаще давать такие пояснения, — сказал Шеф. — Может быть, угроза потери вкусного бифштекса заставит их более серьёзно задуматься над перспективами коммунизма, чем угроза потери гражданских свобод».

Диалектика как метод обмана

Я чувствую, что мне противостоит интеллект, но совсем иного типа, чем мой собственный. Он не сконцентрирован в одной личности, а рассеян во всем окружающем пространстве. Он не окрашен никакими эмоциями. Педантичен. Примитивен. И одновременно грандиозен. Будто меня рассчитывают на вычислительных машинах. А если и в самом деле так? В студенческие годы я увлекался проблемой: может ли человек обмануть «думающую» машину, которая умнее его? Тогда я пришёл к выводу: для всякой совокупности заданных условий может быть найден приём обмана «думающей» машины. Под обманом я имел в виду навязывание машине такого вывода из данной информации, который сам обманывающий оценивает как обман. Но тут есть одна трудность. Чтобы обмануть машинно думающего противника, я сам должен знать, какие выводы следуют из моего поведения и какие выводы я хочу навязать ему как ошибочные с моей точки зрения. А если у меня самого нет ясности о своих намерениях? Значит, мой противник вычисляет не меня, а фикцию меня. И я буду внушать ему лишь фикцию ошибки. Логически есть только один способ преодолеть эту трудность: некоторое множество утверждений формулировать так, чтобы они имплицитно содержали в себе своё отрицание, и некоторые поступки совершать так, чтобы они допускали противоположные истолкования.

Допрос

Мои беседы с проверяющими меня лицами лишь с натяжкой можно назвать поединком, так как беседуют со мной в общей сложности человек десять. Беседуют обычно в разных комбинациях по двое и по трое. Я мог бы подладиться к ним — изобразить недалёкого и безнравственного проходимца.

Но тогда они утратили бы ко мне интерес. Тогда мне пришлось бы уехать туда, где моя эмиграция потеряла бы смысл. Я чувствую, что избрал правильную линию поведения. Надо её держаться вплоть до получения политического убежища. А это зависит от моих собеседников.

— Кто ваши родители?

— Отец инженер, мать домашняя хозяйка.

— Коммунисты?

— Отец был членом партии, мать — беспартийная.

— Был. Исключён?

— Умер. И мать тоже.

— А родители родителей?

— Крестьяне. Родители родителей тоже крестьяне. Прародители согласно советской идеологии были обезьяны, а согласно западной — Адам и Ева.

— Евреи?

— В России крестьяне не могли быть евреями.

— Да, в царской России крестьянам действительно было запрещено быть евреями.

— А при советской власти стало наоборот: евреям запретили быть крестьянами. Рабочими тоже.

— Да, у вас там процветает антисемитизм.

— Зато все диссиденты обязаны быть евреями.

— Именно национальные конфликты разрушают советский режим, в особенности — восстания мусульманских народов. Скоро их будет большинство в Советском Союзе, и тогда...

— Русским придётся восставать против засилия мусульманских и прочих народов.

— Ваш отец был членом КПСС. С какого года? Какие функции выполнял в партии?

Вот таким образом разговор тянется четыре, шесть, а иногда — восемь часов. Я без конца повторяю, как пошёл в школу, как вступил в комсомол. Конечно, добровольно. В комсомол вообще вступают добровольно. И не всякого туда принимают. Они не верят. «Раз для института нужна комсомольская характеристика, — говорят они, — значит, вы вступали в комсомол из шкурнических соображений». Я заметил им, между прочим, что они ходят в галстуках и пиджаках, хотя на улице жарко. Почему бы это? Из шкурнических соображений? До них не дошло, но они на всякий случай обиделись. Та же проблема добровольности и шкурнических соображений возникла в связи с моим вступлением в партию. Все мои попытки объяснить им суть и положение партии в советском обществе, смысл членства в партии, отношение идеологии и морали в советском обществе потерпели полный крах. Все было бы ясно, если бы я сказал, что вступил в КПСС в интересах карьеры. Но я никакой карьеры не сделал и не стремился делать. Членство в партии мне ничуть не мешало. Наоборот, оно делало жизнь чуточку интереснее. И никакого «двоемыслия» не было. «Двоемыслие» вообще есть выдумка западных людей, ничего не понимающих в советском образе жизни и советских людях. Я — коммунист, но не в том смысле, что верю в марксистские сказки (в Советском Союзе в них вообще мало кто верит), а в том смысле, что родился, вырос и

воспитан в коммунистическом обществе и обладаю всеми существенными качествами советского человека. Что это за качества? Например, если они ещё будут приставать ко мне с вопросами о моей партийности, я пошлю их на... Они рассмеялись, ибо это русское слово из трех букв знали хорошо. Но смеялись они не над тем, что я его употребил, а над тем, что оно у нас считается неприличным.

С чего все началось

Меня попросили рассказать о подготовке таких советских агентов, как я. Обычный советский человек, сказал я, всем ходом своей жизни обучается три дела делать без специальной подготовки: руководить, критиковать режим и быть агентом КГБ. Допрашивающие посмеялись, но попросили все же рассказать, как меня вербовали и инструктировали. Выполняю их просьбу. Это был обычный присутственный день, т.е. день недели, в который я обязан был явиться в своё учреждение и расписаться в книге прихода-ухода. Если никаких заседаний в такой день не было, я тут же покидал учреждение и занимался тем и там, чем и где сочту нужным. Обычно я возвращался домой, кое-что писал. Делал я это процентов на десять из тщеславия, процентов на пятьдесят — по привычке и от нечего делать, процентов на сорок — чтобы выполнить мой индивидуальный план в учреждении и сохранить своё удобное положение старшего научного сотрудника. Это положение я занял всего три года назад и очень дорожил им, поскольку моя зарплата резко увеличилась, и я получил два библиотечных дня в неделю. Библиотечные дни — это дни, когда мне не нужно было даже расписываться в книге прихода-ухода. Обычно я в эти дни спал до полудня, а потом использовал время по своему усмотрению. Несколько дней в месяц мне все же приходилось проводить в учреждении. Это дни, когда бывали деловые заседания, партийные и профсоюзные собрания, учёные советы, вызовы в дирекцию и прочие пустяки. Пара вечеров в месяц пропадала на общественную работу, один день — на чрезвычайные события (встреча или проводы важных персон, работа на овощной базе или субботник). Жизнь была, короче говоря, — умирать не надо. Я лишь после того, как лишился этого, понял, что именно потерял. Если бы я здесь получил кафедру или даже целый институт, я не приблизился бы и наполовину к тому блаженному положению, какое занимал в Москве. А вы ещё спрашиваете, почему наш народ поддерживает советский строй.

Итак, это был обычный присутственный день. Пришёл я в учреждение, расписался в графе прихода (и заодно — в графе ухода). Решил по городу поболтаться. Начал компаньона подыскивать. Но мои обычные спутники куда-то исчезли, а с кем попало идти не хотелось. Я позвонил Вдохновителю. «Скучно, — сказал, — может быть, встретимся?» — «Идёт, — сказал он. — Через полчаса у „Националя“».

Компаньон

Вот, между прочим, ещё одно великое достоинство советского образа жизни: если вам нечего делать (а это бывает часто) и вам хочется найти компаньона по безделью (а бездельничать в одиночку трудно), вы всегда найдёте такого же бездельника-трепача, как вы сами, который способен убить на болтовню с вами целый день. На Западе такое исключено. Хочешь с кем-то поговорить, назначай точное время. Полчаса или час прошло, и прощай. Здешние бездельники почему-то все ужасно занятые люди. За все время жизни здесь мне не удалось ни разу побродить-поболтать с местными бездельниками. Только с нашими отечественными. А они под влиянием Запада тоже начали изображать занятость. Скучно, господа! Что это за жизнь? Ради чего все происходит?

Устроились мы с Вдохновителем в «Национале». Немного выпили. Слегка закусили. Заказали ещё. Опять-таки наше советское явление — кутить до последнего и сверх того, в долг. Здесь же — выпили по стаканчику, сожрали по бифштексу, и гуд бай. А там, у нас, — до закрытия, до выворачивания карманов. Это я только сейчас начал понимать достоинства советской жизни. А тогда я это ни в грош не ценил. Как говорится, что имеем — не жалеем, потеряем — плачем.

— Скучно, — сказал я. — Люди по Парижу бродят, устрицы жрут, с негритянками спят, «Плейбой» листают. А мы?! Тоска зелёная. И впереди ничего не светит. Ты помог бы мне, что ли, за границу на пару недель съездить. Кстати, почему меня перестали пускать? Я же языки знаю. Отчёты километрами могу строчить. Не сбегу.

— Кто-то «телегу» на тебя накатал. Но у меня есть идея насчёт тебя. И то, что тебя перестали пускать, в твою пользу. За диссидента сойдёшь.

— Не хочу в диссиденты.

— Не дури. Если надо, и диссидентом станешь. Ходит слух, что ты — полуеврей.

— Чушь!

— Знаю. Слух есть, и это хорошо. А что, если ты захочешь на родину предков?

— Ни под каким видом!

— Израиль — только для проформы. Осядешь в Европе. Мир помотришь. Устриц пожрёшь. С негритянками переспшишь. Свобода. Романтика. Красота. Что тебе ещё нужно?!

— Кто мне пришлёт приглашение? И кто поверит, что я — еврей?!

— Приглашение получишь в два дня.

— Моя бывшая жена не даст разрешения. Все алименты потребует вперёд.

— Это мы уладим.

— Но меня же там сразу арестуют!

— Не надейся.

— А цель?

— Вот тебе телефончик. Позвони завтра утречком.

Решающий разговор

На другое утро я позвонил по телефону, который мне дал Вдохновитель. Через час я сидел в кагэбэвс-кой квартире, предназначенной для встреч офицеров КГБ с интересующими их людьми и с осведомителями, и беседовал с... Назову этого человека, допустим, Генералом. «Мы вас изучаем давно, — сказал Генерал. — Ваша кандидатура одобрена самим... Что от вас потребуется сейчас? Познакомьтесь с... (он назвал имена диссидентов, делающих какой-то нелегальный журнал). Дадите им в журнал критическую статью. Подпишете какое-нибудь обличительное письмо или воззвание. Из партии вас исключат, с работы уволят. Будет обыск, допрос, в общем, все, что положено для создания репутации диссидента. Указать точное место жительства на Западе мы вам не можем — это зависит от стечения обстоятельств. Ваша задача — зацепиться где-то, осесть достаточно прочно и найти источники существования. Живите. Наблюдайте. Знакомьтесь с людьми. Одним словом, действуйте сообразно обстоятельствам... Вы должны раз и навсегда понять следующее. Миру предстоят невиданные ранее битвы за жизнь. Мы обязаны быть готовыми к ним в любую минуту и прежде других. Потому мы должны уже сейчас проникнуть во все поры Запада. Мы должны знать о нем все. Должны использовать любые возможности, чтобы ослабить и деморализовать его, разрыхлить, разъединить, посеять хаос и растерянность, запугать. Должны взять у него все, необходимое нам для существования и подготовки к будущим сражениям с ним. Вы — солдат нашей Великой Армии, наступающей на Запад, авангард нашей атакующей армии...» Потом Генерал велел помощнику устроить мне встречу с бывшим советским шпионом, работавшим много лет в Западной Германии.

Разговор с бывшим шпионом

— Почему вы работали в Западной Германии? Вы же русский. Неужели восточногерманских шпионов не хватает?

— Хватает. Но они используются нами в основном для отвлечения внимания и политических акций. Самые важные дела мы делаем сами.

— Странно. Мне казалось, что...

— То, как у нас представляют деятельность наших шпионов на Западе, не имеет ничего общего с реальностью.

— Так уж и ничего. Хотя бы что-то похожее должно быть...

— Конечно, в каких-то пустяках сходство есть. Но по существу, повторяю и настаиваю, ничего похожего. Я ведь больше десяти лет проработал в Западной Германии.

— А где вы там были?

— Жил в М. Город сравнительно небольшой. А знаете, сколько там было наших штатных разведчиков? Больше десяти было только в моей группе. А кто знает, может быть, там были ещё и другие. И по крайней мере двадцать человек оказывали нам отдельные услуги.

— Кошмар! На такой городишко — и такая огромная шпионская сеть! Это же очень дорого!

— Кто это вам сказал, что дорого?! Нашему государству это ни копейки не стоило. Мы же все работали в немецких учреждениях и фирмах и получали за это немалые денежки. Так что нас содержала сама Германия. Более того, многие из нас даже сдавали часть заработанных денег государству. Нашему, конечно. Один из наших агентов, например, работал профессором в университете. Имел пять тысяч марок в месяц. После выплаты налогов, страховки и платы за квартиру у него оставалось чистыми две с половиной тысячи. Так вот тысячу он сдавал. А другой наш агент прошёл даже в правление крупной фирмы и сдавал ежемесячно три тысячи марок.

— А эти двадцать помощников — кто они? Добровольцы? По принуждению?

— Кто как. Отчасти добровольцы, отчасти вынужденно, отчасти даже не ведая того.

— А как вы там оказались?

— Сопровождал группу наших учёных на конгресс и, как говорится, избрал свободу.

— Но ведь немцы тоже не дураки. Они должны были догадываться, кто вы такой.

— А я и не скрывал. Вы начитались наших книжек и насмотрелись наших фильмов и думаете по наивности, что надо свою причастность к КГБ скрывать. Как раз наоборот. На Западе больше любят причастных, чем чистеньких. Чистеньким не верят. Вот, представьте себе, вы — сотрудник ихней контрразведки. Я прихожу и говорю, что я — офицер КГБ, хочу остаться здесь, готов рассказать все, что мне известно. Что вы сделаете? Проверка? Проверяйте! Вся моя информация будет достоверной и даже весьма ценной. Будете подозревать и следить? Подозревайте и следите! А что это вам даст? Немцы все время моего пребывания в М. были уверены, что я остался с заданием. Но им было выгоднее иметь такого нашего шпиона, как я, чем такого, которого надо ещё выявлять. Кроме того, я им тоже время от времени оказывал услуги, и они закрывали глаза на некоторые мои делишки. Они ведь тоже люди, им ведь тоже нужно перед своим начальством изображать успешную деятельность.

— А почему вы вернулись? Провал?

— Нет, провалы практически исключены. Приехал в Москву отдохнуть, семью повидать. А тут нашёлся претендент, который захотел пожить на Западе и сделать за счёт этого скачок в карьере здесь. У него оказались сильные покровители. И его послали вместо меня. Придрались к моему маленькому пьяному скандальчику здесь.

— И этот человек попал на ваше место?

— Нет, конечно. Тут есть своя техника. Я вернулся в Германию. Под подходящим предлогом уволился из фирмы, где работал. Переехал сначала в Англию, затем — в Москву. Просто мой пост переместили в тот город, где удалось зацепиться моему преемнику. На Западе это не проблема.

— Был ли у вас там страх разоблачения?

— Разоблачения теперь суть особые политические акции. Если бы меня избрали для разоблачённого шпиона, получил бы срок. А тюрьмы у них — что

наши санатории. Потом обменяли бы на своего шпиона или предложили бы работать на них и выпустили бы. Время романтических шпионов прошло.

— А как насчёт конспирации?

— Ты можешь на всю Европу кричать, что ты — советский шпион. Плакат можешь носить «Я — советский шпион». Посмеются, в газетах, может быть, напечатают. Не в серьёзных, конечно, в бульварных. И все! Даже обидно.

— Так, значит, никакого риска? Никаких трудностей? Сплошной курорт?

— И риск есть. И трудности. Но совсем другие. Это надо испытать на своей собственной шкуре.

— А вообще, стоит это дело того, чтобы?..

— Конечно стоит! Если есть хоть малейший шанс, соглашайся на любых условиях! Лучше там подохнуть, чем тут прозябать.

На высшем уровне

Перед отъездом со мной беседовало высокопоставленное лицо. Назову его Секретарём. В кабинете висел огромный портрет Брежнева, поменьше — Ленина и ещё меньше — Маркса. Портрет Маркса выглядел тут совсем неуместным. Казалось, что Маркс заговорщицки смотрит на меня, понимает моё положение и сочувствует. «Соглашайся на все, — выражал его взгляд, — на Западе при всех обстоятельствах жить лучше, чем здесь, на родине воплощения моих идей. И постарайся внушить западным идиотам, чтобы они позабыли мои дурацкие идеи». Секретарь говорил обычные банальности, пожелал мне успеха и оставил наедине с помощником.

— Неужели он каждого так напутствует?

— Только в порядке исключения.

— Расшифруй мне смысл напутствия.

— Старайся там замутить воду. Говори так, чтобы нельзя было понять, где правда, а где ложь. Когда в массах людей наступает помутнение умов, их легко направить в нужном нам направлении.

— Но ведь этим помутнением может воспользоваться и противник!

— Он и пользуется этим. Но для себя, а не против нас. И надо изо дня в день внушать западным людям, что мы всеильны.

— Но это может пробудить страх и усилить бдительность!

— Верно. Но в большей мере это деморализует людей и облегчает работу. Люди охотнее помогают всеильному врагу, чем слабому другу. И не стесняйся насчёт чепухи. Побольше сенсаций. Например, известный тебе недоучившийся советский студент сболтнул невероятную чушь, будто Советский Союз скоро развалится и перестанет существовать. Хотя скорую кончину Советскому Союзу предрекали с первого дня его существования, хотя многие предрекатели сами были уничтожены и разгромлены тем же «колоссом на глиняных ногах», Запад не извлёк из этого уроков. По поводу пророчества советского студента на Западе подняли невероятный шум. До сих пор успокоиться не могут. Ещё бы! Это же так хорошо. Советский Союз без особых усилий со стороны Запада сам скоро перестанет существовать. Китайцы сделают это на благо Запада. Так что можно по-прежнему жить на

Западе на высоком бытовом уровне, не надо тратиться на оборону, не надо себя ограничивать в быту, не надо служить в армии. Теперь все видят, что идея недоучившегося советского студента есть очередная чушь. И в Западной Европе боятся того, что в том году, в каком, по мысли студента, должен прекратить существование Советский Союз, сама Европа вряд ли уцелеет в нынешнем виде. Но эта идея свою роль сыграла. Она внесла свою долю в пацифистские умонастроения Запада. Такие сенсации нам очень полезны. Надо и впредь выдумывать нечто аналогичное и других на это провоцировать. Сейчас один наш «разоблачитель» готовит сенсационную книжку о психологическом и бактериологическом оружии у нас. Пусть готовит! Мы ему сами кое-какие материалчики подкидываем. Представляешь, какая там паника начнётся, когда книжка появится! Надо, конечно, момент подходящий выбрать.

— А Сам знает об этой установке?

— А как же! Санкционировано на высшем уровне. Твоей миссии придаётся серьёзное значение. Поздравляю. И желаю удачи.

Принципы отбора

Почему именно на меня пал выбор в КГБ, спрашивают меня. Я пожимаю плечами. Я устал объяснять банальные, с моей точки зрения, но непостижимые, с точки зрения моих допрашивателей, вещи. Если бы выбор пал только на меня, я бы, может быть, смог бы ответить на их вопрос. Но выбор пал на многих. Есть общие критерии отбора, касающиеся множеств индивидов. Но их нельзя непосредственно применять к каждому индивиду по отдельности. Про меня мог вспомнить какой-нибудь член КИ, и этого оказалось достаточно, чтобы включить меня в список кандидатов на засылку на Запад с целью проведения какой-то операции. И иногда судьба человека решается на уровне шутки. Рассматривают, например, группу «прохвостов» вроде Энтузиаста. «А что, если мы запустим на Запад этого параноика-еврокоммуниста, — говорит член комиссии, склонный к юмору. — Представляете, как он там насиловать всех начнёт! Взвоют!» — «Ха-ха-ха! Верно!» — заливается смехом другой член особой комиссии. — И пусть он вывезет все свои „документы“. Пусть там на этот маразм полубоятся!» — «Ха-ха-ха! Одобряю, — говорит, усмехаясь, председатель комиссии. — Пусть себе катится на свой желанный Запад. Атмосфера у нас чище будет».

А если уж вы хотите познать общие кагэбэвские принципы отбора людей для выброса и заброса на Запад, посмотрите на тех, кто на самом деле выехал, куда выехал, где и как пристроился, чем занимается, кому и как пакостит или помогает.

Гомосос

Когда я говорил допрашивающим, что гомососы суть прирождённые руководители, критики режима и агенты секретных служб, я не шутил. И никогда не учился ни одной из этих форм деятельности, но мог бы исполнять любую. Некоторые сотрудники ЦК и КГБ начинали свою карьеру с критики режима. Вдохновитель в юности был членом «террористической» группы. Следователь, который вёл их дело, заметил способности Вдохновителя и привлёк его к работе в Органах. Некоторое время его специализацией был внутренний терроризм. По окончании аспирантуры его перевели в отдел организации терроризма на Западе. Он ушёл из этого отдела «по причинам морального порядка», что повредило его карьере. Я ему верю насчёт «моральных» причин. Он — гомосос. А гомосос и не на такое ещё способен.

Вдохновитель ушёл из отдела терроризма действительно из моральных соображений. Но он осуждал не сами методы террора, а своих сослуживцев, которые работали плохо, занимались склоками и очковтирательством. Он мечтал о создании эффективной службы по регулярному, а не спорадическому устранению видных личностей Запада. На первых порах, думал он, можно устранять по одной особе в месяц. Постепенно производительность можно довести до четырех персон в месяц. Через несколько лет Запад оцепенел бы от ужаса. Американских президентов можно было бы стрелять ежегодно. «Это, — говорил он, — тренировка для начинающих». — «А зачем же их стрелять?» — спросил я. «А почему бы не стрелять, если есть возможность, — сказал он. — Лишь бы убрать, а пользу из этого мы какую-нибудь да извлечём». — «Чьих рук дело убийство Кеннеди?» — спросил я. «Мы сами ни к чему не прикасаемся руками в таких случаях, — сказал он. — Но ни одно крупное покушение в мире не происходит без нашего участия. Вспомни об Освальде. Пусть он — ширма. Но ведь чтобы план убийства Кеннеди зародился, нужен был человек вроде Освальда. Именно он заронил в головы тех, кто хотел убрать Кеннеди, мысль, что покушение можно изобразить как „руку Москвы“. А это стимулировало саму подготовку покушения. Подать надежду заговорщикам свалить все на Москву, но исключить возможность сделать это официально, — вот эта задачка уже для специалистов высокого класса. Желających совершать политические покушения в мире всегда достаточно. Суметь заметить их и направить, а самим вылезти сухим из воды, — тут нужна серьёзная наука».

Мы

Газет и журналов пансионеры не читают — не знают западных языков и деньги экономят. Радио и телевидение не понимают по той же причине. Но, несмотря на это, они знают все, знают лучше всех, знают заранее, ибо они — гомососы. Эпитеты «кретин», «недоносок», «дурак», «подонок» и прочие того же рода в отношении западных личностей они употребляют как нечто само собой разумеющееся. Смотрят, например, телевизор. Выступает известный

политик. Входит апатичный Нытик. «Что вы этого дегенерата слушаете», — говорит он с презрением, хотя и не способен даже определить, на каком языке «этот дегенерат» говорит. Вскоре влетает возбуждённый Энтузиаст. «А! — орёт он. — Вы этого болтуна слушаете! О чем он треплется? Об отношениях с Москвой? О-ха-ха-хи-хи-хе-хе-ха-ха! Такие глупости даже наши руководители изобрести не способны!» И что самое поразительное, пансионеры редко ошибаются в своих априорных оценках.

Другая существенная черта наших суждений — категоричность. В Иране революция? Запад сам виноват. Прохлопали, идиоты! Это дело рук Советского Союза. Попы во главе? Ну и что! Революция все равно коммунистическая. Врезать им надо, и дело с концом. Иранские студенты захватили американское посольство? Докатились, идиоты! Врезать им надо! Мотив «врезать» обычно доминирует. Врезать Советскому Союзу, врезать арабам, врезать неграм, врезать иранским муллам, врезать террористам. Врезать — и дело с концом. А то развели сопливую болтовню, смотреть стыдно! Хотя мы знаем, что Запад неоднороден, мы говорим о нем как о едином существе. Запад слаб, Западу это не по зубам, Запад докатился, Запад свихнулся, Запад зажрался, Запад капитулирует, Запад не способен, — без таких выражений не обходится ни один разговор.

И, несмотря на это, мы не перестаём восхищаться Западом и только на него возлагаем надежды. «Запад, — говорит Нытик, — это сила! Они тут наверняка что-нибудь выдумают и дадут нам (имеется в виду Москва) по морде!» — «Запад ещё скажет своё „нет!“, — орёт Энтузиаст. — Он ещё покажет нам, как по-настоящему социализм строить надо!»

Допрос

Сегодня меня просят рассказать, что мне известно о подготовке советской агентуры для работы на Западе. Я рассказываю о специальных школах для западных коммунистов, террористов, левых, пацифистов и прочей нечисти. Говорю о том, что незадолго до моего отъезда Вдохновитель вскользь упомянул о возможности покушения на одного видного политического деятеля. Мои допрашиватели никак не прореагировали на это. Любопытно, шлёпнут этого политика или нет? Допрашиватели слегка оживились лишь тогда, когда я начал рассказывать об особой диверсионной группе, в которой агенты обучаются методам дезорганизации западной банковской системы. Допрос прервали. Пригласили ещё какую-то персону. Попросили меня повторить сказанное. Деньги, само собой разумеется, важнее жизни какого-то политика.

Как организована в Москве подготовка агентов для работы на Западе, сказал я в заключение, это надо изучать здесь, на месте работы этих агентов. Все то, что происходит в секретных учреждениях в Москве, так или иначе отражается здесь.

Путь к дому

Солдаты особого десантного батальона подплыли к мосту и болтали с девчонками. Солдаты и девчонки всегда и везде одинаковы в мирное время, но оказываются качественно различными, когда начинаются войны. Неплохо бы выпить. Но я гоню эту мечту прочь: нет денег. А копеечное пособие я должен получить лишь послезавтра. Завтра — голодный в полном смысле этого слова день. Надо будет позвонить Писателю, авось покормит. Надо будет начать рассказывать ему какие-нибудь сказки о советской жизни, чтобы я приобрёл для него практическую ценность. Странно, давно ли человек покинул Союз, а уже все позабыл. И факты советской жизни воспринимает как иностранец. Затем мысли мои перескакивают на сегодняшний допрос. Я чувствую, что допрашивающие никак не могут составить обо мне твёрдое мнение. Почему? Как профессионал, я знаю, что неопределённость, текучесть, изменчивость, многомысленность всего есть особенность советского общества. Оно состоит из желеобразных единиц и в целом есть нечто желеобразное. Это — общество хамелеонов, само в целом являющееся гигантским хамелеоном. Нечто устойчивое и определённое гомосос находит в своём социальном окружении и в стечении обстоятельств. Я — загадка не только для допрашивающих меня, но и для самого себя. Загадка в данный момент неразрешимая, ибо разгадка её лежит в той совокупности событий, которые произойдут с течением времени. Я есть лишь возможность, но с широким диапазоном. Соревнуйтесь, товарищи и господа! Кто я — зависит прежде всего от вас самих.

Сравнение нас с хамелеонами удобно для успокоения советологов, но все-таки поверхностно. В нас все же есть устойчивая основа — наша историческая мания. И обратите внимание: ничто не является таким прочным в истории, как то, что не имеет внутренних основ, — мифы, религии, предрассудки...

О терроре

«Большевики были против индивидуального террора, — говорил Вдохновитель. — А почему? Потому что террор уже имел место и уже сделал своё дело: разрыхлил царский режим, подготовил массы людей к массовому террору. Когда речь идёт о социальной революции, без индивидуального террора не обойдёшься. Технически социальный переворот и начинается с устранения личностей определённого рода. После переворота на Западе мы сами прекратим индивидуальный террор и уничтожим террористов. И устроим там свой, массовый террор. Революция, технически говоря, и есть превращение индивидуального противозаконного террора в узаконенный массовый».

Когда я вспоминаю такие разговорчики Вдохновителя, меня посещают радужные идеи насчёт развития терроризма в Советском Союзе. Например, послать бы пару квалифицированных специалистов из «Красных бригад» в Москву, они бы быстро наладили там подготовку террористов на европейском уровне. Не успел, однако, я додумать эту идею до конца, как почувствовал на

расстоянии гомерический хохот Вдохновителя. «Вы там глупеете не по дням, а по часам, — прохрипел он, задыхаясь от смеха. — Ты позабыл, где эти специалисты для „Красных бригад“ и прочих организаций такого рода готовятся?! Да таких специалистов у нас самих пруд пруди. Только они нам без надобности у себя дома. Знаешь, сколько важных персон у нас погибает ежедневно только от пьянства и обжорства? К чему нам ещё террористы?! Возьмём крайний случай: покушение на Брежнева. В него можно всадить хоть сотню пуль, ничего этим все равно не добьёшься. Если нужно, с него сдерут шкуру, натянут на примитивнейшего робота, и тот будет ещё лучше прежнего Брежнева исполнять его функции. А о покушении так никто и не узнает. Как будто его вообще не было.

Госпожа Анти

Позвонила госпожа Анти и предложила встретиться в кафе в десяти минутах ходьбы от Пансиона. Я согласился, надеясь на то, что она угостит меня хотя бы чаем или кофе.

Внешне госпожа Анти оказалась очень похожей на известную в Москве борциху (борциха — женский вариант борца) против антикоммунизма. По убеждениям же она оказалась её противоположностью — борцихой против коммунизма. Явление поразительное: каждый советский прохвост имеет своего негативного двойника на Западе. Как и тот важный человек, она начала меня поучать. Некоторое время я терпел. А потом сказал ей, что к такому обращению не привык, что даже в КГБ со мной беседовали с большим уважением, и попросил её «заткнуться». Она заорала, что ей теперь ясна моя сущность (никогда раньше не предполагал, что у меня есть некая сущность!), что я — агент Москвы. Я попросил её сообщить об этом тем, кто меня допрашивает, ибо доверчивые чиновники из разведывательных служб не верят в то, что я — агент КГБ. И от себя она может добавить, что я прибыл сюда не столько для установления коммунизма, который я не люблю (ибо испытал на собственной шкуре), сколько для разрушения капитализма, который я хотел бы испытать, но не на своей, а на чужой шкуре. Она ничего не поняла и пообещала разоблачить меня в прессе. Хотя чай заманчиво дымился на столике, я молча покинул госпожу Анти, дав себе слово никогда с подлинными антикоммунистами дела не иметь. Они отличаются от подлинных коммунистов только обратным знаком своей злобности и глупости. До полуночи бродил по безлюдным улицам чистенького города. Временами вспоминал предупреждения моих бывших соотечественников, что на Западе вечером выходить на улицу опасно — ограбят и убьют. Но на меня никто не обращал внимания. Где вы, грабители и убийцы? — тщетно взывал я. Ограбьте и нарежьте меня! А не то я сам от тоски кого-нибудь зарезу!

Реальные и мнимые агенты

Угроза госпожи Анти разоблачить меня публично как советского агента рассмешила меня. Я уже точно знал, что она этого ни в коем случае не сделает, потому что считает меня настоящим агентом, а не мнимым. А знал я это по той причине, что уже открыл здесь одно удивительное явление. В КГБ мне о нем почему-то не сообщили. Неужели не заметили? Если так, то я преувеличивал их интеллектуальные способности. Явление это состоит в том, что здесь публично разоблачают как советских агентов лишь ни в чем не повинных людей, а настоящих агентов не разоблачают или разоблачают тогда, когда они арестовываются и предаются суду (очень редко) или высылаются (ибо имеют дипломатический иммунитет). Почему? Потому что невинные люди больше похожи на агентов, чем реальные агенты. Последние быстро приспособляются и начинают вести себя так, как хотелось бы их возможным разоблачителям. Невинные люди ещё пытаются вести себя независимо, чем вызывают раздражение у разоблачителей. Разоблачать реальных агентов опасно, а невинных людей — безопасно. Известны случаи, когда реальные агенты подавали в суд на своих разоблачителей и выигрывали процессы. Случаи же, когда в суд подают невинные люди, практически не встречаются. Говорят, был всего один такой случай, причём невинно оклеветанный человек процесс проиграл.

Допрос

Дом, куда я время от времени хожу для бесед, строился в гитлеровские времена. И потому очень похож на московские здания сталинских лет. На фасаде — три скульптуры: рабочего, крестьянина и женщины с ребёнком. Рабочий — с молотком, а крестьянин — с косой. Если бы он был с серпом, то сходство с Москвой было бы полным. Женщина с ребёнком символизирует Родину. Она режет хлеб. Обе руки у неё заняты. Младенца она не держит совсем. Тот сам вцепился своими детскими ручонками прямо в сонную артерию мамы. Впечатление жуткое.

— Что вы думаете о деятельности западной пропаганды в Советском Союзе?

— Она построена так, чтобы провоцировать в Советском Союзе именно такие явления, которые здесь, на Западе, можно истолковать как оправдание затрат на неё. Так что она работает в основном на себя.

— А в чем, по-вашему, должна выражаться реальная эффективность нашей пропаганды в Советском Союзе?

— В явлениях внутренней советской жизни, т.е. в явлениях несенсационных и часто недоступных западным наблюдателям. Люди, поддавшиеся влиянию западной пропаганды, должны оставаться в Союзе, должны жить и действовать в глубинах советской жизни, не рассчитывая на известность и помощь со стороны Запада.

— Но тогда невозможно будет проконтролировать работу лиц, вовлечённых в эту пропаганду.

— Этим делом должны заниматься умные и образованные люди, настоящие знатоки советской жизни, которым можно будет доверять.

— А где таких людей взять?

— Несколько человек можно найти готовыми, остальных можно подготовить.

— Но это — единицы, от силы — десятки. А нам нужны тысячи.

— Для настоящего дела важнее качество, а не количество. Лучше одна толковая статья, переданная по радио несколько раз, чем десятки пустяковых материалов, мелькающих один за другим и не западающих в душу. Лучше заслать одну стоящую книгу, но заслать на самом деле и в больших количествах, чем десятки книжонок, годных лишь на макулатуру...

— Такая перестройка...

— Я не предлагаю ничего перестраивать. Я предлагаю лишь кроме того, что у вас уже есть, наладить серьёзное изучение советского общества. Чтобы наносить врагу эффективные удары, надо знать его подлинную натуру. Ваше дело — наносить удары по вашему врагу, моё дело — изучать вашего врага.

— И вашего.

— Советское общество не враг мой, а лишь объект изучения.

В Пансионе

Вечером пансионеры рассаживаются перед телевизором и смотрят все передачи подряд. Считается, что это — лучший способ изучения иностранного языка. Удовольствие получаешь. И никаких усилий прилагать не надо. Язык сам входит в тебя. Это мнение справедливо лишь отчасти: так легко усваивается лишь язык жестов, мычания и воплей. Потому наши пансионеры до сих пор объясняются с местными жителями на пальцах. Самые способные добавляют всякого рода «эки», «ики», «ммыки» и прочие мычащие звуки. Энтузиаст (как самый способный) пошёл дальше всех — использует в своих содержательных беседах даже жесты ног. Зримое и слышимое, но непонимаемое в телевизоре даёт повод для разговоров, на какие упрощённый и стерильный западный человек не способен. Сейчас показывают «Дон Жуана».

— Когда это сочинили, а они до сих пор показывают, — говорит Нытик.

— Неужели им не надоело?

— Совратил пару девиц, а шуму не оберёшься, — говорит Циник. — У нас в школе был учитель физкультуры. То, что он целый педагогический совет совратил (у нас почти все учителя были женщины), это не в счёт. Он совратил больше сотни несовершеннолетних девочек. И что же? Даже в стенгазете ни строчки об этом не напечатали. Даже из партии исключили лишь с банальной формулировкой «за морально-бытовое разложение». Здесь о таком человеке все газеты и журналы трубили бы. По телевизору показали бы. Кино сняли бы. А у нас...

— Выключите эту муть (это относится к «Дон Жуану»)! — орёт Энтузиаст. — Может, по другой программе что получше идёт.

По другой программе показывают американский детектив. Все в один голос

выражают удовлетворение и, одновременно, возмущение по поводу того, что проглядели начало. Кто включил эту дурацкую оперу?! Вешать таких мало!

Допрос

— В советской системе наверняка есть уязвимые места, ударив в которые можно разрушить всю систему.

— Есть, конечно.

— Вот именно! Например, советское общество максимально централизовано. Там все решает небольшая кучка высших руководителей. Уничтожить её, и...

— И через пять минут на её месте появится точно такая же «небольшая кучка высших руководителей».

— Что же делать?

— В советском обществе очень много уязвимых мест. Но удар ни в одно из них не смертелен для него. Только удар во все уязвимые места может дать желаемый эффект. А к ним надо подобраться. Это — задача для истории, а не для кучки диверсантов.

— Вы уклоняетесь от ответа.

— Вы в самом деле думаете, что такая огромная страна управляется «небольшой кучкой высших руководителей»? Хорошо, пусть «небольшая кучка». А где и когда она собирается? Вы уверены, что советские власти не приняли во внимание существование таких... мыслителей, как вы? Советское общество обладает мощной системой власти и управления и удивительной способностью быстро восстанавливать разрушенные органы и звенья власти. Если вы даже уничтожите половину населения страны, то первое, что в оставшейся части будет восстановлено, — это система власти и управления. Там не власть создаётся для народа, а народ создаётся как материал для функционирования власти.

Мы

«Когда я начинал свою деятельность в КГБ, — говорил Вдохновитель, — мой начальник не уставал вбивать нам в голову одну идею: все, что угодно, только не терроризм! Мы можем допустить на какое-то время даже небольшие политические организации. Но не должны проглядеть ни одного террористического акта. Если это дело уйдёт из-под нашего контроля, на завоеваниях революции можно будет ставить крест. Вот почему дело индивидуального террора мы должны крепко держать в своих руках». — «Ну а как же вы проглядели попытку покушения на Брежнева?» — спросил я. «Мы все подготовили наилучшим образом, — сказал он. — Но в последний момент... Эта операция — пустяк. Вот то, что мы чуть было не проглядели „армянскую группу“, — это посерьёзнее. А тут сработала чистая случайность...»

Запад

По телевизору показывают женщину. Ей семьдесят пять лет. В шестьдесят пять лет начала заниматься каратэ. Цель — защититься от возможных насильников (в их районе много случаев изнасилования женщин). После года занятий была в состоянии защититься от одного насильника, после пяти лет — от двух, а теперь может обороняться от трех. Надеется через десять лет достичь такого совершенства, что и пять насильников с нею не справятся. Все в восторге. Никто не поинтересовался, была ли у неё возможность применить свои навыки в каратэ на деле.

Идея «Центра»

Поговаривают о создании «Центра», объединяющего эмиграцию. «Старая идея КГБ, — говорит Шутник, — а тут с ней носятся как со свеженькой. Создали бы лучше ресторан по советским образцам. Допустим — „Ильич“. Удобно говорить: пошли к „Ильичу“, были у „Ильича“. И неясно, какой Ильич имеется в виду. Нынешнему Ильичу приятно. Велит помочь на первых порах. А обслуживать по-советски. По стенкам — лозунги: „Жри, что дают!“, „Не нравится — не ешь!“, „Вас много, а я одна!“, „На всех не угодишь!“, „Ишь, чего захотели!“, „Сам дурак!“, „От хама слышу!“. Но если без шуток, то советскую эмиграцию можно объединить только на просоветской основе». — «Вы думаете, — сказал я, — что тут только мы такие умники? Думаете, те, кто идею „Центра“ внедряет в массы, хуже нас это понимают? Готов пари держать, что эту идею основательно обсудили на Лубянке в Комитете интеллектуалов, прежде чем пустили её в оборот». — «А что это за Комитет интеллектуалов?» — спросил он. «Плод моего воображения», — сказал я.

Женщины

До зарезу нужна женщина! И дело тут не в физиологии. Мне женщина нужна не столько для тела, сколько для души — чтобы поговорить можно было с полным взаимопониманием, душу излить, солидарность почувствовать. Мы в Советском Союзе, между прочим, были избалованы в этом отношении. Такого количества понимающих и способных на сопереживание женщин, как в Советском Союзе, нет нигде. Я не один такой. «Найдите мне бабу, — без конца пристаёт ко мне Нытик. — Тоскливо одному. А бабы — они понимают». — «Здесь полно баб для тела, — говорю я. — Но баб для души нет. На этом, брат, надо поставить крест».

Сооружение

Из окна моей комнаты видно грандиозное строительство. Что строят, догадаться не могу. Потому я называю строящееся сооружение просто Сооружением. Оно состоит из множества серых бетонных угловатых блоков. Никаких намёков на окна и двери. Значит, Сооружение — не для жилья. Такую нелепую архитектуру я вижу впервые. Доразвивались, говорю я себе, ощущая некоторое превосходство над «зажравшимся» Западом. Такую чушь не смогли бы придумать даже у нас.

В собственной ловушке

В Москве мне приходилось заниматься проблемами, касающимися больших масс людей. Перед моими глазами проходили тысячи человеческих судеб, в большинстве случаев — печальных. Но я сам был устроен терпимо, и чужие драмы исчезали за колонками цифр, диаграммами, условными знаками. Процент людей, изгнанных из коллектива за пьянство и вновь устроившихся в нормальном коллективе, — таков. Процент вставших на путь уголовщины — таков. Большинство браков расторгается... Величина... Степень... И все! Теперь я на своей шкуре ощущаю, что значит быть ничего не значащей единичкой в чужих хладнокровных расчётах.

Это так просто. Загадка тут есть, но для экспериментаторов из специальных служб. А для подопытных жертв никаких загадок вообще не бывает. И так — лишь единичка в массовом процессе, а не специальное индивидуальное задание. Обидно. Ну что же, раз так, я и буду вести себя как «единичка».

Плевать мне на ваши великие цели! Буду жить для себя, и только для себя!

Придя к такому решению, я вспомнил азы своей профессии: раз ты есть единичка в массовом явлении, то любое твоё поведение, кажущееся тебе проявлением индивидуальности, учтено в расчётах организаторов этого массового явления. Ты в принципе не можешь на Них наплевать, так как и это твоё наплевательство принято во внимание и вошло в твоё «особое» задание. Ты можешь поступать как угодно, и все равно это будет то, что Им нужно, ибо таких, как ты, тысячи, и вы все вместе делаете то, что нужно Им. А Им нужно лишь то, что получается в результате вашей массовой деятельности. Ты попал в свою собственную ловушку. Вспомни, как ты излагал Вдохновителю план засылки на Запад нескольких десятков тысяч произвольно выбранных человек, которые сыграли бы все логически мыслимые роли для нас! Тогда это было «для нас». Ты был наивен: Они оказались способными на несколько сот тысяч человек.

Разговор с шефом

— Вы, конечно, читали призыв лидеров вашей эмиграции к объединению.

— Конечно, не читал.

— А что вы об этом думаете?
— Ничего путного из этого не выйдет.
— Как вы можете судить заранее?
— На то и наука, чтобы судить заранее. Мне известен человеческий материал и общие принципы организации.
— Ясно. Не смогли бы вы в двух словах определить, что такое советский человек?
— Смогу. Это — образованный человек. Всякий образованный человек по типу есть, по крайней мере в потенции, гомосос.
— Вы говорите загадками.
— Наоборот, решениями возможных загадок. Самые совершенные образцы гомососов порождает наиболее образованная часть советского общества. Широкие народные массы ещё не доросли до уровня настоящего гомососа. Не исключено, что они до этого уровня никогда не дорастут. В этом нет надобности. Лишь бы ядро общества стало гомососным. А образованные слои западного общества мало в чем уступают гомососам.

Коллектив

Самая большая потеря для гомососа — отрыв от коллектива. Я почти совсем не переживаю потерю родственников и друзей, московской квартиры, выгодного положения в смысле работы. Но мне ни днём ни ночью не даёт покоя то, что я потерял свой коллектив. Не обязательно мою последнюю лабораторию или предпоследний институт, а любой какой-то наш (мой) коллектив. Вовлеченность в жизнь коллектива почти во всех важных и пустяковых аспектах бытия — вот основа нашей психологии. Душа гомососа лежит в его приобщенности к коллективной жизни. Даже идеологическая обработка, вызывающая у нас протест, отсюда выглядит иначе, а именно — как средство вовлечения индивида в коллективную жизнь. Идеология унифицирует индивидуальное сознание и соединяет миллионы маленьких «я» в одно огромное «мы».

Даже восстание против советского общества есть явление в рамках коллективности. Оно обычно есть бунт в коллективе, а не за отделение от него. Самое мощное средство борьбы против бунтарей в этом обществе — исключение их из коллективов. Выброшенные из нормальных коллективов, они оказываются не способными создать устойчивые и преемственные коллективы не столько в силу запретов и репрессий со стороны властей, сколько в силу отсутствия условий для нормальной коллективной жизни. В нелегальном коллективе не платят зарплату, в нем не сделаешь карьеру, не повысишь квалификацию, не улучшишь жилищные условия, одним словом — не получишь всего того позитивного, что даёт нормальный советский коллектив, зато будешь иметь в избытке все то негативное, что даёт любой коллектив.

Я сам принимал участие в разработке методов борьбы с оппозиционерами, бунтарями, диссидентами, критиканами и прочими явлениями того же рода именно с этой точки зрения. Доля и моей мысли легла в инструкции, в

соответствии с которыми действуют чиновники ЦК и КГБ, а также руководители здоровых советских коллективов. И вообще, лучшие умы этого общества идут не в оппозицию, а на борьбу против неё.

Здесь есть организации, которые очень похожи на советские коллективы. Но — в их худших проявлениях, а не в лучших. Они не дают той защищённости индивиду и душевной теплоты, какие есть в советских коллективах. Здесь корыстные интересы сильнее и острее. Люди холоднее и беспощаднее. Это звучит комично, но тут нет партийной организации — высшей формы внутриколлективной демократии. Хочу посидеть на партийном собрании. На субботник хочу. Я готов даже на овощную базу поработать сходить и в колхоз на уборку поехать...

Абстрактный и реальный коллектив

Абстрактно рассуждая, первичный (базисный) коллектив коммунистического общества есть нечто в высшей степени разумное, можно сказать — предел мечтаний лучших представителей рода человеческого. Но в конкретном воплощении этот абстрактный идеал выглядит несколько иначе. Например, руководитель группы из десяти сотрудников — явление вполне естественное. Но столь же естественно и то, что он использует своё положение в корыстных целях. Человек, который взял меня на работу в свою группу после окончания университета, был полнейшим ничтожеством в науке и довольно подлой тварью в житейском отношении. Я три года «ишачил» на него за одно только обещание помочь «протолкнуть» маленькую статейку в печать под моим собственным именем. Чтобы попасть в старшие научные сотрудники, я должен был напечатать монографию. Пусть маленькую, но все-таки отдельную брошюру или книгу. Чего мне стоило напечатать два десятка статей до этого, не хочу вспоминать. За одно это можно возненавидеть советское общество со всеми его достоинствами. Когда же дело дошло до монографии, начался сущий ад. Мою работу дважды проваливали на учёных советах. Причём делали это люди, считавшиеся моими хорошими знакомыми и друзьями. Наконец, я решил схитрить: напечатал книжечку в провинциальном городе, отдав весь гонорар в качестве взятки за напечатание. В конце концов я «пробился» — стал старшим научным сотрудником. А чего это мне стоило? Если бы Бог предложил мне повторить жизнь, я бы из-за одного этого периода «пробивания» не согласился бы на это. А во что мне обошлась малюсенькая кооперативная квартира?! Даже хорошо знавшие меня, люди, устроившие себе превосходные квартиры, зачислили меня в проходимцы. Возможно, я и вёл себя в этой истории как проходимец. Но ведь жить-то где то надо.

Мне становится одновременно обидно, грустно смешно, когда допрашивающие меня чиновники зачисляют меня в привилегированный класс советского общества. Ещё бы! Член партии. Старший научный сотрудник. Лично дружил с сотрудниками аппарата ЦК КПСС и КГБ, среди которых были лица в высоких чинах. Что ещё нужно? Гляжу я на этих сытых и самодовольных болванов, и хочется выругаться трехэтажным русским матом.

Но я вижу, что объяснять им что-либо бесполезно. Вам хочется считать меня персоной из привилегированных слоёв, думаю я, считайте! Я ничего не имею против. Я не собираюсь искать здесь справедливости. Я знаю, что такое земная справедливость. Самое справедливое учреждение на земле — здоровый советский трудовой коллектив. Я на своей шкуре испытал его беспощадную волчью справедливость. Так неужели я буду искать справедливости здесь, на вашем лицемерном Западе?!

Когда я давал согласие на эту эмиграцию, я в глубине души надеялся вырваться из смертельных дружеских объятий советского коллектива. Но здесь, на Западе, мне раскрыли свои объятия такие же коллективы, отличающиеся от советских лишь отсутствием достоинств последних. Вырвавшись из родной гнусной семьи, я вынуждаюсь здесь вступить в аналогичную гнусную семью, только совсем чужую. Я делаю все для того, чтобы избежать этого и остаться одиноким, никому не подконтрольным волком. Чем это кончится? Боюсь, что, отбившись от стаи, я становлюсь лёгкой добычей для охотников. Я уже вижу красные флажки и слышу крики загонщиков.

Сдёргивание маски

Официально считается, что социально здоровый гомосос не может совершать поступки определённого рода, создающие чрезвычайную ситуацию. А раз он такой поступок совершил, значит, он был нездоровым, но прикидывался здоровым. И теперь коллектив должен разоблачить его — сдёрнуть с него маску, припереть к стене, вывести на чистую воду. Я через такую процедуру «сдёргивания маски» прошёл. Все мои невинные прошлые прегрешения пошли при этом в ход. Раньше я считался человеком, который «не дурак выпить и с бабами покуролесить». Теперь выяснилось, что я — пьяница и развратник. Раньше я считался плохо устроенным в бытовом отношении, недотёпой, который с большим трудом добился решения жилищной проблемы на самом жалком уровне. Теперь выяснилось, что я — аферист и мошенник. Гомосос, совершающий потенциально осуждаемые поступки, но не попавший в ситуацию «одергивания маски», не ощущает себя морально ущербным существом. Попав же в такую ситуацию, он начинает ощущать себя морально неполноценным, даже будучи убеждён в своей невинности. Я знал, что моя ситуация «одергивания маски» есть лишь спектакль. Но я все равно переживал её как подлинную. Она и была такой, ибо все её участники выполняли свои роли в ней правильно и естественно. Однажды ощутив себя морально ущербным в такой ситуации, гомосос уже не может избавиться от такого ощущения. Я был смертельно ранен. И вряд ли оправлюсь от этой раны.

Циник

Циник выехал на Запад с намерением устроиться с комфортом, посмотреть мир и стать миллионером. В Союзе он был гениальным «организатором» и имел все, что душа пожелает. Но возжаждал большего. Ещё живя в Москве, переправил свои ценности на Запад. Попался при этом в лапы ещё более гениального «организатора», и тот обобрал его до нитки. С тех пор возненавидел советских эмигрантов, особенно — диссидентов, поскольку считал их виновниками эмигрантской эпидемии.

— Здесь все набивают себе цену, — говорит он, — и производят себя в более высокий ранг, чем были в Союзе. Лейтенант КГБ выдаёт себя за майора, бездарный сотрудник журнала «Безбожник» — за крупного учёного, десятистепенный писака — за ведущего писателя, технический помощник сотрудника ЦК — за члена ЦК... А Запад сам помогает раздувать важность эмигрантской мелкоты. Зачем?

— Западу лестно иметь дело с высокими советскими чинами. И хочется думать, что советский строй рухнет изнутри.

— Зачем вы уехали? Вы же в Москве жили припеваючи! Я бы на вашем месте попросился обратно.

— Не торопитесь меня хоронить. Кто знает, может быть, у меня будет свой особняк, пара машин, куча чернокожих и желтокожих любовниц, яхта в теплом океане...

— Понимаю. Конечно, такой человек, как вы, зря не уехал бы. Вы правильно поступаете. Продаваться, так за миллионы.

Энтузиаст

Энтузиаста выбросили на Запад, руководствуясь таким соображением: пусть на Западе своими глазами посмотрят, что из себя представляют советские поборники прав человека. Но пока на него смотрит в основном не Запад, а я. Запад смотрит на него только тогда, когда он, Запад, сам хочет взглянуть на это порождение советского общества, т.е. когда Энтузиаст умыт, побрит и поменял бельё, когда он заготовил тезисы своего заявления, желаемые для Запада, когда сам он, как говорится, хочет показать товар лицом. Я же вижу его в основном тогда, когда не хочу, в его спонтанных и неконтролируемых проявлениях. И скрыться от него нет мочи — догонит на лестнице, достигнет в туалете. И заорёт на весь Пансион, что он со мной не может согласиться, что я ошибаюсь, хотя я ровным счётом ничего не утверждаю, что моя позиция есть позиция КГБ.

Но видать, это — кара Божия для меня. Когда-то мне довелось принимать участие в совещании по поводу диссидентского движения. Я тоже выступал. Мне хотелось показать себя умным, и я высказал мысль, за которую мне могли здорово влечь. «Во всяком стабильном обществе, — сказал я, — оппозиция по психологическим, моральным и интеллектуальным качествам адекватна правящим кругам общества. Так что, не зная лично диссидентов, я заранее

могу сказать, что они такое». В зале начался смехок и шиканье. Почувствовав, что попал впросак, я тут же вывернулся. «Поэтому весьма эффективным средством борьбы с нашим диссидентским движением, — сказал я, — может быть отбор характерных экземпляров диссидентов и выбрасывание их на Запад. Запад своими глазами убедится в том, какое это жуткое дерьмо (в зале опять смех), и интерес его к советским диссидентам спадёт».

Иногда Энтузиаст кажется несчастным и беззащитным существом, выброшенным жестокими властями в неведомый мир. Но, приглядевшись к тому, как он носится по всяким учреждениям и выбивает то, что ему «положено», как он циркулирует по Европе, вовлекает в сферу своих маниакальных устремлений молодёжь, я воспринимаю его как советскую тварь, которая своего добьётся ценой демагогии, лжи, лести, гнева, слез, занудности. Советские люди проходят такую мощную тренировку на добывание, выколачивание, вымогательство, изворотливость и прочее, что Запад для них — не поле боя, а всего лишь примитивный полигон.

В Москве Энтузиаст имел свою узкую специальность среди диссидентов: изображал из себя подлинного социалиста. Когда появились еврокоммунисты, он «примкнул» к ним. Его и выкинули на Запад как пример советского еврокоммуниста: пусть на Западе увидят этот еврокоммунизм в чудовищно карикатурном, а значит, в подлинном виде. Прибыв на Запад, Энтузиаст рассчитывал быть обласканным руководителями западных коммунистических партий. Те его игнорировали: у них своих еврокоммунистов в избытке, не хватает им ещё какого-то советского параноика! Он обиделся и начал поносить еврокоммунистов за неправильное истолкование своего собственного еврокоммунизма.

Но на Западе нельзя выдумать чепуху, для которой не нашлось бы защитников. Нашлись таковые и у Энтузиаста. Они оплачивают ему поездки по Европе, устраивают встречи с людьми, ведут агитацию насчёт журнала. А журнал ему нужен до зарезу. У него есть что сказать миру. «Журнал! — кричит он неумолимо. — Во что бы то ни стало журнал! Полжизни за журнал! Это — то основное звено, ухватившись за которое мы вытащим всю цепь! Ленин тоже начинал с этого!»

Утром Энтузиаст отправился на переговоры с госпожой Анти. «Умнейшая женщина! — радостно вопил он на весь Пансион. — И журнал у неё неплохой. Слишком антикоммунистический, но это поправимо. Мы её обломаем!»

Вернулся в Пансион он поздно вечером, унылый, потухший. «Эта дура, — пробормотал он вяло, — категорически против любого коммунизма. Я её спрашиваю: почему мы должны отказываться от правильного и хорошего коммунизма? А эта стерва твердит одно: чем правильнее и лучше коммунизм, тем он хуже. Где тут логика?»

Я к Энтузиасту привык и уже не мыслю своего существования без него. Когда он уезжает на свои конференции и встречи, я скучаю по нему и жду возвращения. И он по возвращении чуть ли не кидается мне на шею от радости.

Разговор с Писателем

— Стыдно признаться, но мы не знаем фактически самых основных механизмов советской системы, хотя живём в ней десятилетиями. Как устроен и работает, например, районный комитет партии? Я уж не замахиваюсь на ЦК.

— Хотите, опишу?

— Боюсь, что не извлеку из этого пользы. Чтобы описать это на уровне литературы, мало знать с чужих слов. Надо самому ощутить и пережить.

— Займитесь эмиграцией. Тут все на виду. И вы сами живёте в толще её.

— А цель? Показать, что эмиграция — плохо, — значит сработать в пользу советской пропаганды. А хорошо — значит лгать. И не так-то просто напечатать. Знаете, кто здесь есть главный враг советского эмигранта? Другой советский эмигрант, оказавшийся здесь раньше его. Ту же долю внимания и благ Западу приходится делить на все большее число претендентов. А наше положение особенно скверное. На Запад из Союза выплеснулась масса посредственности, претендующей на талантливость. И она первым делом старается задушить проблески таланта среди своих. Эмиграция вообще есть диктатура бездарности. Я ехал сюда, думая, что русские писатели будут приветствовать меня. Мол, нашего полку прибыло, и мы теперь ещё сильнее будем бить по общему врагу. Не тут-то было. Никакого общего врага нет. Есть только личные враги. Враг всегда тот, кто к тебе ближе и кто непосредственно угрожает или мешает твоему благополучию. Уезжая из Москвы, я рассчитывал здесь на успех и благополучие. Но то, что из Москвы казалось успехом, оказалось на деле раздутым убожеством. Все возможности печататься и иметь какую-то прессу захватили ранее приехавшие прохвосты вроде меня.

Уметь и понимать

Писатель прожил жизнь в советском обществе, ничего не поняв в его механизмах. Он не исключение. Одно дело — уметь жить в данном обществе и кое-что знать о нем для этого. И другое дело — понимать механизмы этого общества. Интересно, что самые нелепые представления о советском обществе имеют его нынешние критики. Они считают ложью все то, что утверждает советская официальная наука, и тем самым обрекают себя на ещё большую ложь. Гомососы не нуждаются в понимании механизмов своего общества, так как это понимание не улучшает их способности жить в обществе. Они нуждаются в заблуждении, ибо оно оправдывает их неведение, уже определённое обстоятельствами.

Допрос

— Как можно пробудить терроризм в Советском Союзе?

— Очень просто. Забросить туда оружие, особенно — взрывчатые вещества. Обучить людей владеть этим оружием и делать бомбы. Затем — забросить

средства транспорта, квартиры и отдельные дома, документы, средства питания и многое другое. Отменить в стране систему прописки и обязательность работать в каком-либо учреждении. Само собой разумеется, отменить смертную казнь, ввести западное судопроизводство, улучшить условия содержания заключённых. Когда вы это все сделаете, от желающих заниматься террористической деятельностью отбоя не будет.

— А если без шуток?

— Я не шучу. Знаете, в чем коренное отличие Советского Союза от Запада в этом отношении? Здесь борются с терроризмом, а в Союзе борются с возможностью его появления. Тут лечат болезнь, а там занимаются профилактикой. И знаете, что больше всего возмущает советских эмигрантов на Западе? Терроризм.

Гомо советикус

В университете конференция на тему «Гомо советикус». Пригласили нас — пансионеров. «Зачем?» — удивился Нытик. «Как наглядное пособие», — сказал Шутник. Он оказался прав. Ораторы наперебой объясняли нам, что такое есть советский человек. Приводили цитаты, сыпали цифрами, фактами, именами. Всячески демонстрировали, какие они умные и высокоморальные сравнительно с тупой и гнусной тварью, именуемой советским человеком. Потом попросили нас высказаться. Вытолкнули меня как единственного из пансионеров, говорящего по-немецки. «Я, — сказал я, — являюсь характерным представителем той породы жалких и гнусных существ, которых вы изволите именовать гомо советикус. Я польщён той характеристикой, которую вы здесь дали нам. На самом деле, господа, мы гораздо хуже. Мы ухитрились разгромить в своё время могучее государство, созданное представителями высшей расы гомо сапиенс, и создать своё могучее государство, в страхе перед которым вы тут, извините за грубое выражение, уже давно наложили в штаны. Мы, господа, гораздо опаснее. И знаете почему? Мы не такие уж идиоты, как вам хотелось бы. А главное — мы способны терять не только за чужой, но и за свой собственный счёт».

Мне не аплодировали. «Домой» я возвращался одиночестве. Болван, говорил я себе, тебе давно пора понять, что эти люди заинтересованы в ложной картине советского человека, ибо она их кормит. А истина не кормит никого. Она лишь причиняет страдание тому, кто к ней стремится, и вызывает злобу у тех, к кому искатель истины апеллирует. Переходи в православие или делай обрезание, пока не поздно. И соглашайся со всем, что о нас говорят западные умники.

Допрос

— Какие мотивы побуждают советских людей, эмигрирующих на Запад, становиться агентами КГБ? Каков процент эмигрантов суть агенты КГБ?

Какого рода задания они получают?

— Для штатных сотрудников КГБ работа на Западе есть сравнительно хорошая работа. За возможность поработать на Западе идёт борьба. Обычные граждане соглашаются быть агентами КГБ по разным причинам. Строгое обобщение тут невозможно. Одни — просто потому, что советские люди до мозга костей. Другие — за возможность выехать на Запад. Третьи — на всякий случай. Я знаю одного эмигранта, который сам предложил быть агентом КГБ, так как боялся, что советские войска скоро придут в Западную Европу. Процент агентов среди эмигрантов невозможно высчитать. Большинство вообще формально не считают себя агентами, так как не подписывали никаких обязательств. Они дали своё согласие устно, причём — часто косвенно, намёками. Кроме того, КГБ в принципе имеет возможность использовать любого эмигранта в своих интересах. Даже врагов советского режима. Например, разрешая переписку и телефонные разговоры с родственниками и друзьями в Советском Союзе, КГБ получает важную информацию. А сам факт разрешения переписки и разговоров играет роль, сея подозрения в сотрудничестве с КГБ.

— Что вам известно о заданиях, получаемых агентами КГБ, которые приезжают сюда в качестве эмигрантов?

— Главная задача перед всеми — внедриться в западное общество и найти источники существования. Некоторые получают индивидуальные задания. Например, Н. получил задание пропагандировать нынешнее советское руководство как самое либеральное и миролюбивое и распространять легенду, будто в советском руководстве есть некие «ястребы», которые якобы хотят восстановить сталинизм. Гораздо более серьёзное личное задание получил М.: наладить снабжение средних чиновников КГБ и ЦК всякими «заграничными штучками» — кожаными пиджаками, джинсами, дублёнками, противозачаточными средствами... Он этим и занимается довольно успешно.

— Какое конкретно задание получили вы?

— Мне вроде бы предоставлена полная свобода действий. Но честно говоря, моя роль здесь мне самому ещё не ясна. Когда агентов мало, их деятельность строго детерминирована. А когда их много, в этом нет надобности. Тогда можно не вынуждать агента к строго определённой линии поведения. И в массе разнообразно поступающих агентов можно выбирать подходящих индивидов для данной определённой задачи, а любой поступок агента рассматривать с точки зрения возможного его использования.

— Какое решение приняли вы?

— Сообщить вам, кто я есть, попросить помочь мне устроиться здесь и использовать мои профессиональные способности.

— А где гарантии, что вы не будете работать на КГБ?

— Как? Научите!

Разговор с Писателем

— Вы слишком плохо о людях думаете. Неужели мы все такие ничтожества?! Неужели мы суть лишь единички в чужих расчётах? Есть же у нас

индивидуальная судьба? Есть же что-то в этом и от наших усилий?

— Массовый процесс априори не считается с индивидуальностью. В гнусном спектакле не могут участвовать значительные актёры. Кто бы ни были эти актёры, им все равно отводятся жалкие роли.

— Не могу согласиться. Я, например, выдержал многолетнюю жестокую борьбу.

— Это входит в игру. Вынудить сильных людей на жестокую борьбу за пустяки и с пустяками — это есть один из принципов системы.

— Обидно. А ведь я мог бы принести огромную пользу России, если бы меня захотели использовать.

— Вас уже используют.

— Как?!

— Тем, что подчёркнуто не хотят использовать.

— Не понимаю. Объясните!

— К сожалению, не могу. Я сам не понимаю.

— Мы все сошли с ума. Есть тут у меня один знакомый. Тоже эмигрант. Живёт здесь шесть лет. Ни слова по-немецки не говорит. А по-русски стал говорить с немецким акцентом. Смешно?

— Очень. А хозяин нашего Пансиона в совершенстве изучил русский мат. Ругается целыми днями, особенно — в присутствии женщин. Смешно?

— Очень.

Сооружение

Загадочное Сооружение растёт с каждым днём. Но работающих людей там совсем не видно. И не видно, когда подвозят строительные материалы. Здание как будто растёт изнутри, из земли. Как живое существо. Могучее и страшное. Таинственные цилиндры, напоминающие башни средневековых замков, уже вознеслись выше всех зданий в нашем районе. Теперь я каждый день подхожу к окну, чтобы отметить, насколько выросло моё Сооружение. Назначение его я до сих пор не могу разгадать, хотя перебрал все возможные варианты, от тюрьмы до Дворца культуры и церкви.

Допрос

— Что вам известно об Институте социального прогнозирования?

— Некоторые из моих знакомых работают там. Из их слов я смог составить себе только очень общее представление об этом ИСП. Я имел шансы попасть туда, но я отказался.

— Почему?

— Сотрудники ИСП допускаются к самым секретным делам и автоматически становятся «невыездными лицами». А меня тогда иногда выпускали за границу. И я хотел выезжать. Кроме того, сотрудникам ИСП запрещается публиковать свои работы, а я надеялся сделать себе имя в науке.

— И вам это удалось?

— Нет. Мне все равно пришлось заниматься исследованиями, результаты которых сразу же становились секретными. А публиковать я мог только то, что укладывалось в рамки идеологии. На этом имя в науке не сделаешь.

— Так что же вам все-таки удалось узнать об ИСП?

— Сначала этот институт планировался как исследовательский центр в составе Академии общественных наук при ЦК КПСС. В задачу ему вменялось исследование общих тенденций развития человечества в наше время и его перспектив в предстоящем столетии. Но секретарь ЦК по идеологии сказал, что марксизм давно решил эту проблему исчерпывающим образом. И незачем зря тратить силы и средства на создание института, который все равно не сможет сказать ничего больше. Тогда этим институтом заинтересовались в КГБ.

— В каком смысле?

— В будущей войне самыми сложными проблемами будут проблемы социальные, т.е. проблемы организации жизни завоёванных нами (это принималось как аксиома) стран Западной Европы. Надо уже сейчас разработать всевозможные варианты наших действий в Западной Европе после победы. Надо учесть уроки немцев и быть готовыми работать с точностью часовых механизмов, но с учётом возможных вариантов.

— Какие варианты имелись в виду?

— Различные варианты для различных стран и их различного состояния в результате поражения или разгрома. Было введено понятие социологического типа ситуации, подлежащей организации. Разрабатывались некоторые абстрактные модели поведения.

Что касается конкретных районов Европы, то была разработана система критериев оценки их состояния, чтобы сразу же ввести в действие соответствующий вариант организации. Причём как критерии оценки, так и варианты организации должны быть достаточно простыми. Настолько простыми, чтобы, например, командующий армией или представитель Ставки Верховного командования мог принять решение и отдать распоряжение действовать. Успех дела может зависеть буквально от нескольких часов.

— Какого уровня могли достигнуть исследования ИСП в настоящее время?

— Полагаю, никакого.

— Как вас понимать?

— Очень просто. Надежды насчёт научных открытий в сфере предсказания будущего беспочвенны. Во-первых, предсказание будущего в СССР есть прерогатива высших партийных властей, и какой-то научной мелкоте не позволят вообще делать такие открытия. А во-вторых, будущее не предсказывают, а планируют. Будущее невозможно предсказать в принципе. Но его можно запланировать. История же есть стремление в какой-то мере и форме соответствовать плану. Здесь как с пятилетними планами: они выполняются всегда как руководство к действию, но никогда не выполняются как предсказания. Проблема не в том, что произойдёт, а в том, что надо делать, чтобы история шла желанным для нас путём.

— Ну а каковы могут быть там результаты в смысле планирования будущего?

— В Советском Союзе много гениальных мальчиков, которые за минимальное

вознаграждение готовы творить чудеса. Но вряд ли эти чудеса пойдут в дело.

— Почему?

— Потому что они сотворены за ничтожное вознаграждение. А за большое вознаграждение там делают только халтуру.

Память

Мне вдруг показалось, будто я иду по московской улице. Москва... Самый серый и скучный город в мире. Самый жестокий и безнадежный. И самый близкий и дорогой. Будущее человечества. Гнусное будущее, но все же будущее, идущее на смену яркому и динамичному прошлому Запада. А не выдаю ли я свою личную неустроенность на Западе за будущую судьбу самого Запада? Это было бы хорошо, если это было бы так. Но я боюсь, что это не так. Нынешнее положение на Западе есть вершина того, чего вообще может достичь человечество во всех отношениях, есть исключение из исторической монотонности. Теперь — только вниз, только хуже, только к закономерной монотонности. Сохранить нынешнее состояние Запада как можно дольше — вот проблема номер один для... А для кого? Как это ни странно, для нас — для гомососов.

В Москве у меня была приличная по московским условиям квартира. Когда я её приобрёл, я был наверху блаженства. И больше уже ни о каком улучшении жилищных условий не мечтал — это был потолок моих бытовых возможностей. Два года я наслаждался своим счастьем. Целых два года. Сколько в моей квартире было выпито вина, сказано слов, передумано мыслей! Всего лишь два года. И вот ничего этого нет.

В Москве у меня было много знакомых, которые в любое время готовы были составить мне компанию выпить и поболтать. В Москве были люди, которые выкачивали из меня идеи, использовали их и ценили. Пусть для себя, а не для меня. Но отдавать что-то людям — это тоже жизнь. А здесь я имею компаньонов лишь от случая к случаю и на короткий срок. И никто тут не хочет эксплуатировать мой интеллект. Как только люди, которые могли бы это делать, обнаруживают мускулы моей мысли, они почему-то пугаются их и исчезают. А я именно сейчас дозрел до такого уровня, что мог бы завалить идеями целую академию наук.

Кончились сигареты. Надо «стрельнуть». Но город словно вымер. А что, если сломать сигаретный автомат? Вспомнил слова одного из наставников КГБ: никакой уголовщины. Обидно будет, если из-за пачки сигарет пропадёшь. Я загадал: первому, кто мне предложит закурить, продам душу. За одну-единственную сигарету. Но охотники за душой советского человека так и не появились.

Во сне мне виделся совершенно пустой город. Я искал человека. Любого. Мне казалось, что вот в этом помещении есть люди. Входил — пусто. Вот сейчас за углом увижу человека!.. Никого...

Раздумья на мосту

Я стою на мосту и смотрю, как вдалеке солдаты особого десантного батальона в ярко-оранжевых спасательных жилетах надувают резиновые лодки. Судя по их жестам, они там издают какие-то звуки. Но эти звуки заглушаются воплями чаек и мефистофелевским хохотом-кряканьем уток, которых кормят бывшие нацистские преступники и будущие жертвы коммунистических преступников. Солдаты погрузились в лодки и подплывают к мосту. Они уже знают меня. Что-то кричат, смеются, машут руками. «Привет вам, солдаты особого десантного батальона! — кричу я в ответ и приветствую их поднятием руки (похоже на „Хайль!“). — Веселитесь, голубчики. Скоро придут наши солдаты и проколют ваши резиновые лодки. Хотя ваша речушка воробью по колено, утопят вас в ваших спасательных жилетах, как котят. Возьмите меня к себе на службу, и я вас научу, что надо иметь, чтобы лупить советских солдат».

— Что, если не секрет? — слышу я за спиной насмешливый голос.

— Нужно иметь одно, а именно — не иметь ничего.

— О, да вы никак философ!

— Всего лишь советский эмигрант.

Человек что-то промышал и испарился. Судя по его возрасту, он уже однажды получил по шее от советских солдат. Моё воинственное настроение, однако, скоро сменилось трезвым пессимизмом. Хотя Запад и кажется хаотичным, легкомысленным и беззащитным, Москва все равно никогда не завоюет мировое господство. Москва способна защитить себя от любого противника. Москва способна нанести разрушительный удар по Западу. У Москвы достаточно средств, чтобы запакостить всю планету. Но у неё нет никаких шансов стать господином мира. Чтобы властвовать над миром, надо иметь в своём распоряжении достаточно большой народ, ощущающий себя народом господ и способный быть таким господином на деле. Русский народ является в Советском Союзе единственным, кто подошёл бы на эту роль. Он является базисом и оплотом империи. Но он не обладает качествами народа господ. И положение его в советской империи больше похоже на положение колонии для всех прочих народов. До тех пор, пока русский народ не станет самым образованным, культурным, зажиточным и привилегированным внутри страны, о мировом господстве и думать нечего. Более того, став на деле привилегированным и господствующим народом в стране, русский народ должен будет ещё добиться своего превосходства над другими народами во всех основных мирных сферах жизни. А на это нужны десятилетия, если не века. А положение русских в Советском Союзе таково, что их не допустят даже до уровня равенства с другими народами, не то что до превосходства. Между прочим, сами русские, которые как-то возвысились над массой своих соплеменников, не допустят возрождения России как нации. Короче говоря, резюмировал я свои размышления, можно строить сверхгениальные планы. Но их невозможно осуществить из-за не заслуживающего внимания пустяка. Отец ещё до войны рассказывал такой анекдот. В одном учреждении было очередное собрание. На повестке дня два вопроса: 1) строительство сарая; 2) создание избытка предметов потребления при коммунизме. За неимением досок для сарая сразу перешли ко второму вопросу. Москва могла бы

построить грандиозное здание мировой империи, но у неё, увы, нет для этого досок.

В Пансионе

В Пансионе праздничное возбуждение: Энтузиаст получил отставку у своей возлюбленной уборщицы. Причина отставки — уборщица повысила плату за услуги, поскольку в стране произошла инфляция, а Энтузиаст отказался удовлетворить законное требование уборщицы. Циник сказал, что Энтузиаст допустил непростительную ошибку, так как на проститутках он потеряет больше: те увеличили плату не в полтора раза, как уборщица, а вдвое. Энтузиаст понял, что сваял дурака, и кинулся исправлять положение. Но было уже поздно: уборщица отдала это время эмигранту из Польши. Циник сказал, что она тем самым выразила солидарность с «Солидарностью». Запад все-таки борется с советской угрозой. Взбешённый Энтузиаст обругал американского президента, западногерманского канцлера и Римского Папу.

Мы и Запад

Увидел в газетах портрет одного из самых гнусных советских руководителей. Не смог одолеть любопытства. И нарушил свою клятву не прикасаться к западной прессе. Оказывается, это исчадие рода человеческого сдохло. Сдохло просто от старости, а в газетах тут намёки, будто его «убрали». Называют его «гением закулисных кремлёвских махинаций». А он был выдающимся ничтожеством и посредственностью — я лично с ним не раз имел дело и работал на него. Газеты называют в качестве возможных преемников маразматиков, которым пора на тот свет, — им тоже под восемьдесят. Им тоже приписывают качества выдающихся деятелей, хотя и в негативной форме. Гадают о предстоящих переменах в руководстве и в «политике Кремля». В чем причина таких чудовищных ошибок западных людей в оценке явлений нашей жизни? В том, что они и нашу жизнь меряют на свой аршин. И кроме того, они не хотят признаться в том, что их систематически дурачат побившие все исторические рекорды московские примитивы. Если тебя обвёл вокруг пальца гений зла, это понятно. Это оправданно. Этим даже можно гордиться: мол, наша нравственность не позволяет нам опускаться так же низко. Но чтобы обыгравший тебя партнёр был даже не человеком, а лишь примитивной социальной функцией в облике человекообразного существа, этого не может быть. И в результате примитивнейшие в интеллектуальном отношении партийные чиновники вроде Сталина, Хрущёва, Брежнева, Суслова, Громыко и т.п. превращаются в западном представлении в гениев зла. Пусть зла, но — в гениев.

Память

У вас будет период отчаяния и растерянности, говорили мне в Москве. Но это скоро пройдет. Я верил моим наставникам. Я у них был не первый и не последний. Они знают дело с уверенностью арифметических учебников для начальных классов. Только бы эта кагэбэвская арифметика сработала в отношении меня. Но пусть скорее пройдут эти отчаяние и растерянность! Пусть придёт ясность! Любая. Рискованная, авантюрная, обывательская, аморальная, преступная, благопристойная, двуличная... Я устал её ждать. «Я рад за тебя, — говорил Вдохновитель. — Поживёшь в своё удовольствие. Лови момент. Нам не так уж много осталось жить». — «А почему бы тебе самому не податься в этот западный рай?» — спросил я. «Исключено, — вздохнул он. — Я обречён быть тут. Я, между прочим, даже в Сибирь или на Урал не могу в туристический поход сходить. Только в строго определённых санаториях. Только на „дачах“. За мной следят даже в общественных уборных».

О будущей войне

После Первой мировой войны казалось, что следующая война будет химической и все человечество погибнет от газов, говорил Вдохновитель. Но война не была химической. И человечество не погибло, а возросло чуть ли не вдвое. Теперь кажется, что Третья мировая война будет атомной и что все человечество погибнет от атомных бомб и радиации. Но она не будет атомной. И человечество уцелеет. И скорее всего, ещё более умножится. Почему она не будет атомной? Потому что нам самим невыгодно, чтобы она была атомной. И мы не позволим, чтобы она была атомной. Мы навяжем миру такой тип войны, какой выгоден нам. И наш противник пойдёт на это. Это не гипотезы и не бред сумасшедшего. Мы все силы бросили на эту проблему. В принципе мы её уже решили. Нам нужно ещё несколько лет для полной уверенности. Вот почему мы так яростно боремся за мир.

Будущая война, говорил Вдохновитель, будет все равно войной масс людей против других масс людей, а не просто техники против техники. Человек навсегда останется главным оружием в войне, ибо он есть носитель оружия. Главным театром военных действий будет все-таки Западная Европа. Такова наша воля. И мы её навяжем миру. Вот почему нам нужно любой ценой отколоть Западную Европу, нейтрализовать, деморализовать, разъединить, разрыхлить. Вот почему наше присутствие там в любой форме есть наша стратегическая цель.

Допрос

— Является нынешняя советская эмиграция уступкой властей или умышленной операцией?

— Она есть результат стечения многих обстоятельств, среди которых были и упомянутые вами.

— Наносит она ущерб стране или приносит выгоду?

— Если не считать нескольких выдающихся деятелей культуры, потери от неё для страны ничтожны, а выгоды очевидны.

— А утечка мозгов? Например, много математиков покинуло страну. А упадок целых областей культуры? Пресса сравнивает это с потерями Германии от эмиграции во времена нацизма.

— Сравнение нелепо. Эмигранты изображают дело так, будто с их отъездом в Союзе наступил полный крах. Это ложь или самообман. Математики, о которых вы упомянули, — фигуры незначительные. С их отъездом уровень советской математики не снизился ничуть. Даже потери в музыке и в балете вполне восполнимы. Неужели вы думаете, что страна с неисчерпаемыми ресурсами человеческих талантов зачахнет от таких потерь? Но эмиграция уже выполнила роль, на которую советское руководство рассчитывало. Теперь её будут резко сокращать.

— А мировое общественное мнение? А стремление людей покинуть страну?

— Не преувеличивайте силу того и другого. И не считайте советское руководство пугливым. Эмиграция была допущена не из страха перед Западом, а из разумного расчёта. И если согласно аналогичному расчёту она окажется нецелесообразной, её сократят, какой бы шум ни подымали на Западе. Но Запад вроде бы уже не склонен к шуму на этот счёт.

— Вы говорите так, будто вы — официальный советский чиновник, дающий интервью для прессы.

— Советские чиновники не всегда врут.

— Если эмиграция выгодна Советскому Союзу, то почему же советское руководство будет её сокращать?

— У советского руководства есть много других хлопот. В этом комплексе дел оно будет вынуждено сократить эмиграцию, дабы решить другие, более важные проблемы.

— Но сокращение эмиграции усилит диссидентское движение в стране.

— Основные силы диссидентства уже выброшены из страны. Движение в принципе исчерпало себя. Люди в Союзе уже узнали, что эмиграция — далеко не рай. А на Западе уже узнали, что далеко не все диссиденты суть воплощение добродетелей. Короче говоря, советское руководство уже выпустило избыточный пар из советского котла, и взрыва не произойдёт. Нужны многие годы и чрезвычайные обстоятельства, чтобы созрели условия для нового потенциального взрыва.

— Какие, например?

— Новая мировая война, например.

Слух

Есть слух, будто меня прочат в руководство будущим «Центром». Профессор вроде будет директором, Дама — заместителем по общим вопросам и по кадрам, а я — заместителем по научной части. Энтузиаста как будто

подменили. Завидев меня, он ещё издали издаёт радостные восклицания и исходит улыбками. В вечерних дискуссиях поддакивает мне, если даже я издеваюсь над его правильным социализмом. Хотя я не очень-то верю в реальность этого слуха, все-таки приятно сознавать, что где-то тебя принимают в расчёт.

Реальность

Моё блаженное состояние длилось всего несколько дней. Энтузиаст вернулся в Пансион радостнее обычного и сразу же накинулся на меня без всякого повода.

Это значит, что слух не подтвердился. «Погодите, — сказал я Энтузиасту ледяным тоном, желая подпортить ему настроение, — назначат меня директором „Центра“... не заместителем, а именно директором!.. тогда я вам покажу, что такое настоящий социализм». Энтузиаст побледнел и залепетал что-то насчёт борьбы мнений среди единомышленников. На деньги, сэкономленные на уборщице, он купил на распродаже джинсы и дублёнку — мечту гомососа.

Допрос

— Что вам известно об исследованиях в области парапсихологии в СССР?

— Разговоры на эту тему велись в Комитете интеллектуалов, но в самых общих чертах. Примерно в таком духе. Самый мощный источник всех зол и самое мощное оружие — человеческий мозг. Вместе с тем самое дешёвое и уязвимое. Зачем тратить огромные средства на атомное и бактериологическое оружие, которые в случае массового применения почти наверняка выйдут из-под контроля и последствия которых, скорее всего, кончатся мировой катастрофой? Гораздо интереснее сосредоточить внимание на человеческом мозге и найти способы воздействия на него. То, что здесь называют парапсихологией и что служит предметом увлечения для советских неудачников, есть лишь маскировка этой программы.

— Но ведь эта знаменитая целительница есть факт! И есть многочисленные свидетельства воздействия на психику на расстоянии!.. Передача информации, например!..

— Эта целительница на девяносто девять процентов жулик и советская «липа». Специально для западных сенсаций. И для советских калек всякого рода. Таких «целителей» в России было пруд пруди. А что касается воздействия на психику на расстоянии непостижимыми для науки путями — это сказки для невежд. Слухи такого рода распускаются специально с целью отвлечь внимание от главного — от изобретения оружия, поражающего мозг людей научно контролируемыми путями. Что же касается воздействия на волю и сознание людей на расстоянии, то могучие «идеальные» средства для этого

давно существуют и действуют: идеология, пропаганда, манипулирование массовым сознанием. И это воздействие давно осуществляется практически.

Открытие

Здание Пансиона довольно старое. Никакого мусоропровода. Мусор мы носим сами в целлофановых пакетах в подвал, где стоят мусорные баки. Однажды, сунув свой пакет в бак, я обратил внимание на обрывки бумаги со словами на русском языке. Ну и что, подумал я, ты же тоже выбрасываешь таких обрывков воз. И пошёл к себе. Но что-то заставило меня вернуться обратно и собрать бумажки. Запершись в комнате, я сложил обрывки. Хотя кое-каких кусков не хватало, прочесть можно было. Это, по всей вероятности, был фрагмент черновика докладной записки о поведении советских эмигрантов в городе. Я заранее был уверен в том, что такие доносы тут делаются регулярно, и не одним человеком. Но моя уверенность носила абстрактный характер. Я переживал её, как сытый человек переживает тот факт, что голод есть недостаток пищи и что многие на планете голодают. Прикоснувшись же к реальности доноса, я почувствовал себя как человек, сам оказавшийся в ситуации голода. Кто автор вот этого доноса? Кому он предназначен? Конечно, проще допустить, что все пишут доносы на всех, и жить себе спокойно. Спокойно? А если в этих доносах идёт речь о тебе? А если они могут повлиять на твою судьбу? Нет, это игнорировать нельзя. Надо установить наблюдение за советскими эмигрантами, выносящими мусор, и за их бумажками. Рано или поздно должно что-то мелькнуть, касающееся тебя. Главное — делать это надо в соответствии с методами конкретной социологии и проявить терпение. Если бы мои бывшие коллеги в Москве узнали о том, как я использую свою профессиональную подготовку и способности, они надорвали бы животы от хохота. Новая отрасль науки: социология помойки. А я, чего греха таить, рассчитывал на то, что мне будет предложена хорошая работа в солидном университете или исследовательском институте.

Сооружение

Чем больше я смотрю на моё Сооружение, тем менее безобразным оно мне кажется и тем больше овладевает моим воображением. Оно очень похоже на развалины гигантского средневекового замка. Я бы на месте строителей так и оставил его в недостроенном виде. В таком виде оно напоминает о бренности всего сущего.

Мы и Запад

Время от времени здесь разоблачают советских шпионов. Но как это делают! Тут никто не удивился бы, если бы появилось такое сообщение ТАСС: в

такое-то время и в таком-то месте группа советских шпионов будет пересекать границу в направлении Запада; просьба к пограничным службам и западным властям не препятствовать переходу и оказывать содействие советским разведчикам, ибо они переходят границу с научными целями — воровать секретные научные открытия и технические изобретения.

Тени прошлого

Мои отношения с Дамой улучшаются. Я оказался даже в числе приглашённых к ней домой. Собрался цвет эмигрантского общества. Было довольно весело. По советскому обычаю много пили и жрали. Пели русские песни, в том числе «Катюшу». Отпрыск старого дворянского рода был убеждён, что это — старинный русский романс. Я его поправил: цыганский романс. И он охотно согласился со мной. И стал обращаться ко мне на «ты», точь-в-точь как в захудалой московской забегаловке. Мне было очень приятно. И мы с ним здорово поднабрались.

Никогда не бывавший в Советском Союзе поп говорил о мощном религиозном подъёме в России. Его дружно поддержали. Я тоже присоединил свой голос к ним. Дело дошло до того, сказал я, что даже старые большевики вместо «Интернационала» на партийных собраниях поют «Отче наш». А советского патриарха наградили орденом Октябрьской Революции за религиозный подъем. Поп сказал, что Церковь выстояла в борьбе с режимом, и это главное. Когда советский режим рухнет, тогда она... Рухнет вместе с режимом, добавил я. Поп не успел сообразить, что я сказал, и автоматически согласился. Потом он весь вечер оправдывался, что согласился с моей репликой по инерции. Сравнительно молодая женщина, которую все почему-то называли княгиней, успокоила надоевшего всем попу: сказала, что советский режим рухнет не скоро. Человек, говоривший по-русски с американским акцентом, сказал, что он тоже считает это «пресловутое русское религиозное возрождение» выдумкой КГБ. Он попросил меня рассказать ему кое-что об этом. Я наговорил ему кучу сказок и анекдотов. Среди них анекдот о том, как поп погрозил верующему, отказавшемуся целовать крест, поставить вопрос о его поведении на партийном бюро. Человек с акцентом хохотал так, что буквально чуть не свалился со стула. Но в этом балагурстве я высказал и здравые мысли. Русская Православная Церковь, сказал я, существует целиком и полностью под контролем властей. Если бы раскрыть эту реальную картину контроля в деталях, тут в неё просто не поверили бы. Решили бы, что это есть выдумка КГБ. Почему религия допускается в Советском Союзе? Она отвлекает на себя известную сумму недовольства и помогает властям манипулировать массами населения. Она удобна. И между прочим, выгодна государству экономически. Я знал хороших специалистов в Москве, которые располагали богатейшим материалом на эту тему и могли бы написать сенсационные книги, разоблачающие сказки насчёт «религиозного возрождения». Но материалы эти засекречены, а книги такие печатать запрещено. В строжайшем секрете хранятся материалы, разоблачающие сущность современной русской Церкви! Почему? Да потому, что власти заинтересованы в сохранении именно такого

положения вещей.

Человек с акцентом попросил меня назвать имена специалистов, о которых я упомянул, а также имена агентов КГБ в «религиозном возрождении», если таковые мне известны. Я ему продиктовал длинный список, включив в него всех известных мне сотрудников Института атеизма и всех московских интеллигентов, кокетничающих с православием. С особым удовольствием я назвал имя популярного в Москве болтуна и шизика, который считается там вождём и теоретиком неоправославия. «Почему вы предполагаете, что он служит КГБ?» — спросил человек с акцентом. «Я не предполагаю, — сказал я, — а знаю. Я с ним вместе в школе учился. Он уже тогда был стукачом». — «Но может быть, он раскаялся», — сказал человек. «Стукачи никогда не раскаиваются, — сказал я. — Они могут перестать быть стукачами по ненадобности или по расчёту. Но повторяю, они не раскаиваются, ибо им не в чем раскаиваться».

Потом обсуждали программу преобразования России после падения советского строя. На первом месте фигурировала, конечно, идея монархии, но с многопартийной системой и свободными профсоюзами. Я поинтересовался, что они намереваются делать с фабриками и землёй — передать их в частную собственность или сохранить как собственность государства. Как, например, они поступят с железными дорогами, авиацией, телевидением и прочими гигантскими организациями и отраслями хозяйства и культуры? Как намерены организовать управление страной? И сохранится ли империя? Насчёт империи мнение было единодушное: империя должна быть сохранена, дело Петра Великого должно быть продолжено. А что касается прочих проблем, то достаточно прогнать большевиков, и все само собой образуется. Я сказал, что они правы. Но к сожалению, большевиков в России уже давно нет, и хозяйка может мои слова подтвердить: она была членом партии и даже избиралась в бюро областного комитета партии, но была ревностной христианкой и никогда не была большевичкой и коммунисткой. Мои слова возымели неожиданное действие. Присутствующие с почтением взглянули на хозяйку: член бюро обкома — это все равно что графский титул. Отпрыск дворянского рода встал, молодцевато вытянулся и щёлкнул каблуками.

Формула шакалов

До Пансиона меня подвёз человек, который лет десять назад был по туристической путёвке на Западе и не вернулся домой. Невозвращенец говорил об эмигрантской среде с явным презрением. Вот фрагмент из его речей.

Мы являемся на Запад с сознанием, будто выстрадали и заслужили здесь лакомый кусок, будто Запад обязан нам этот кусок дать. Выстрадали, да и то немногие. Но почему заслужили? Кто обязан платить за страдания, если даже они были? И за чьи страдания? Запад нам ничем не обязан. Запад делает великую глупость, принимая нас и давая нам возможность тут жить. За одно то, что Запад признает справедливость претензий советских шакалов, его следует презирать. От нас надо всячески обороняться, от нас надо «железный

занавес» опустить. Я вспоминаю случай после войны. Я демобилизовался из армии и поступил в университет. Тогда в здании университета каждую неделю устраивали вечера отдыха. Однажды я прихватил с собой своего бывшего командира, который тоже демобилизовался и через Москву ехал домой. Парень красивый, орденами увешан. Но больной. Подцепил в Германии сифилис и не успел ещё залечить его. На вечере стал ухаживать за девчонкой-первокурсницей. Та, конечно, клюнула на него сразу. Я напомнил ему о том, что он болен. Он сказал, что ему на это плевать, — он выстрадал, заслужил, ему положено. «Кто тебе должен, у того и бери, — сказал я. — При чем тут эта девчонка?! Она не повинна ни в войне, ни в твоих ранах, ни в твоих болезнях». Но он игнорировал мои аргументы. Тогда я сказал категорически: «Либо ты оставляешь девчонку, либо я ей скажу, что ты болен». Девочка мне не поверила. Он сказал ей, что я завидую, сам хочу заполучить её. И увёл её. С тех пор я ненавижу тех, кто требует то, что им не принадлежит ни по какому праву, у тех, кто им ничего не должен. Невозвращенец пожелал мне удачи, но ни слово: не обмолвился о возможности новых встреч. Не назвал своего имени. И не дал адреса. А я не стал просить его об этом.

Лучи будущего

В Пансионе не спали. Меня встретили так, как встречают в Москве человека, вернувшегося из-за границы: как, мол, там? На месте ли ещё Эйфелева башня? Я сказал, что насчёт будущего России можно не беспокоиться, о нем думают лучшие сыны и дочери нашего народа. Пансионеры тут же включились в число этих лучших сынов и дочерей. Художник с женой настаивали на конституционной монархии, но без партий вообще. Они уверяли, что в дореволюционной России уровень жизни и демократии был даже выше, чем на Западе. Энтузиаст настаивал на югославском варианте с учётом польского опыта, причём с подлинно марксистской партией во главе. Шутник предложил поставить во главе России египетского фараона. Нытик говорил, что все равно там ничего путного не выйдет, и лучше всего после падения советского строя оставить там нынешний советский строй — не такой уж он плохой. Бывает и похуже. Я сказал, что мне все равно, что будет после падения советского строя, так как после этого там вообще ничего уже не будет, кроме крыс, клопов и тараканов. И может быть, подлинных социалистов. Но как теоретик я считаю, что надо восстановить частную собственность. Поскольку народ не захочет возвращения дореволюционных частников, то фабрики, заводы и прочие учреждения надо отдать в собственность нынешним партийным руководителям, директорам, заведующим, министрам, генералам и прочим чинам. Против меня ополчились все: никакой речи быть не может о частной собственности! Самое большее — сдать в аренду крестьянам землю, чтобы снабжали овощами города. Я сказал, что без частной собственности в России снова вырастет то, что она уже имеет. Не исключено, что Энтузиаст станет Генеральным секретарём «правильной» КПСС, но я сомневаюсь, что он будет вести себя лучше Брежнева. Я лично предпочитаю Брежнева. Он хотя и не такой умный, как Энтузиаст, зато он не врывается в мою комнату без стука, не

флиртует с антикоммунистами и презирает еврокоммунистов, как они того и заслуживают. Энтузиаст заявил, что он теперь мне руку не подаст. Но уже через полчаса он предложил мне принять участие в конкурсе на лучшее название его будущего печатного органа. «Если журнал, — сказал я, — то „Колокол“, а если газета — то „Искра“.

Самый счастливый день

Сегодня у меня самый счастливый день за все время жизни здесь. Совпало так много приятного. Я получил документ, позволяющий мне съездить в Париж на некую конференцию. Некая организация выдала мне безвозмездно некую сумму денег. Я зашёл в ресторан и съел хороший обед. Познакомился с красивой женщиной и договорился о встрече вечером.

Я иду мимо роскошных витрин, преисполненный Великим Счастьем. «Боже, — шепчу я, — благодарю тебя за такой щедрый дар». Я свернул в парк и... очнулся в кустах. Голова раскалывается от боли. Ни денег. Ни бумаг. Шатаюсь, иду в полицию. Хотя личность мою установили быстро, меня держат до поздней ночи. На свидание я не пошёл: поздно и денег нет.

Дома до утра ломаю голову над вопросами «Кто?» «Зачем?». Очевидно, кому-то надо было, чтобы я поехал в Париж, а кому-то надо было, чтобы я не поехал. Или просто захотели ещё раз припугнуть? Зачем? Н: ужели я такая важная персона, что заслуживаю индивидуального покушения? Если бы у меня был доступ к средствам массовой информации, я бы на весь мир заявил следующее: умоляю, не преувеличивайте важность моего присутствия на Западе, рассматривайте меня как заурядное советское ничтожество, каким я являюсь на самом деле!

Враги

О нападении на меня стало известно в Пансионе. Все считают, что это — дело рук КГБ, и настаивают на предании этого случая гласности. Зачем? Полиция вряд ли подтвердит моё заявление. А из одних моих слов сенсацию не сделаешь. Все советуют мне быть осторожнее, не гулять в темноте, избегать глухих мест, не ходить в одиночку. Последний совет особенно умилил меня: где тут взять спутников? И я решил поступать как раз наоборот: гулять допоздна, в одиночку и в глухих местах. Это как раз безопаснее, ибо мой противник подобен нынешней молодёжи, которая предпочитает заниматься любовью на виду у всех. Мой враг сам боится глухих мест и темноты. И тем более одиночества. Для него наиболее безнаказанная позиция — делать своё дело на виду у всех. В толпе и на свету он незрим. Да и кто он, мой враг? Самая разумная позиция в таком положении — считать, что все суть твои враги.

Друзья

Энтузиаст уверяет, что удар, который получил я, предназначался ему. Кагэбэшники просто нас перепутали. «Как же так? — возмутился я. — Ведь я же в два раза выше вас». — «Очень просто, — сказал он. — Они смотрели сверху, а сверху я даже побольше вас. А главное — вы же совсем не опасны для Советского Союза. Зачем вас убивать? А я сейчас для них враг номер один». — «Вы правы, — сказал я. — И во избежание путаницы я теперь буду ползать на четвереньках, дабы кагэбэшники сверху видели, что я — это не вы. Но все же я сомневаюсь в том, что вас убьют. Палачи из КГБ придумают вам более страшную месть». — «Какую?» — гордо вскинул патлатую голову Энтузиаст. «Они вас будут игнорировать», — сказал я. «Этот номер у них не пройдет! — заорал он. — Я их заставлю считаться со мной!»

Энтузиаста сменил Профессиональный Революционер — представьте себе, и такие здесь водятся. Он считает, что в России нужна новая революция, дабы осуществить на деле идеалы прошлой революции. Получает от кого-то деньги на свой журналчик. Большую часть этих денег тратит на поездки на курорты. Беззастенчиво эксплуатирует для своего журналчика вновь прибывающих простаков из Союза, оправдывая это «общими интересами борьбы против советского лжесоциализма». В этом пункте он сходится с Энтузиастом. Но в позитивной части своей программы преобразований они принципиально расходятся. Энтузиаст хочет строить подлинный социализм, но все же в советском стиле, а Революционер — подлинный социализм, но в западном стиле.

Революционер выпытывал у меня детали покушения. Тоже уверял, что это — «кагэбэвские проделки». И тоже уговаривал сделать заявление для печати. Я сказал, что ещё не научился по удару в затылок определять, от какой именно организации исходит удар. Вот получу ещё несколько подзатыльников, произведу научное обобщение, тогда и сделаю заявление. А вдруг это — «Красные бригады»?

Исчерпав тему покушения, Революционер перешёл к своей программе для советской оппозиции. Я сказал что выработать такую программу очень просто. Он же вытащил записную книжку. Спросил, не возражаю ли я, если он запишет кое-что из моих слов. Пишите сказал я, мне не жалко. Советский строй — дерьмо Советская власть — дерьмо. КПСС — дерьмо. КГБ — дерьмо. Советская жизнь — дерьмо. Надо все это послать на ... На этом месте лучше ничего не делать, так как все, что тут можно сделать, будет ещё худшее дерьмо.

Он сказал, что во всем согласен со мной, за исключением последнего пункта. Нужно все-таки и нечто позитивное. Хорошо, сказал я, вот вам несколько позитивных идей. Есть общие правила составления программ, рассчитанных на массовый успех. Например, нужно желаемое изобразить как исторически закономерное (история идёт именно туда, куда нам хочется) и как соответствующее неким неотъемлемым качествам человеческой природы. Чего мы хотим? Мы — это, само собой разумеется, советские люди. Мы хотим сохранить все достоинства советского образа жизни, отбросить все его недостатки и вместо них получить все достоинства западного образа жизни.

Конечно, последний мы понимаем по-своему, т.е. как изобилие еды, одежды и прочих благ, а также наличие всевозможных свобод. Так вот, этот гибрид из воображаемых благ коммунизма и капитализма и надо сформулировать как тот идеал, за который будут сражаться лучшие представители советского народа. Это же так просто. «Но ведь мы за это и боролись там, в Москве!» — воскликнул Революционер. Верно, сказал я. Хорошая программа и должна на бумаге закрепить то, за что идёт борьба на самом деле. А ещё лучше — то, что уже достигнуто. Мы в институте в Москве обычно планировали на будущее то, что уже сделали в прошлом году. И получали регулярно переходящее Красное знамя райкома партии, а в последний раз получили звание «Предприятие коммунистического труда».

Революционер ушёл. И снова возник Энтузиаст. Завёл разговор о событиях не то в Боливии, не то в Чили. Мне все равно, о каких событиях и в какой стране он бормочет: я не имею представления как о тех, так и о других. Но Энтузиаст переживает их страстно. Мне надоело, и я сказал ему, что он не знает о том, что там происходит. Он в ответ сказал, что я тоже не знаю. Я согласился, но добавил, что я не знаю лучше, чем он. Он потребовал пояснить смысл моего утверждения. «Вы собираетесь перестраивать мир, — сказал я, — а с такой примитивной задачей справиться не можете. Вот вам ещё одна примитивная логическая задачка. Вы говорите, что, живя в Москве, вы были ближе к смерти, чем здесь. Допустим, вы завтра умрёте. Интервал времени между вашей жизнью в Москве и завтрашним днём больше, чем интервал времени между вашим приездом на Запад и завтрашним днём. Так почему же вы тогда были ближе к смерти? Даю вам слово, если вы решите эту проблему, я позволю вам перестраивать мир по вашему усмотрению. Я позволю даже установить правильный социализм в Советском Союзе». Энтузиаст обозвал меня схоластом и софистом. Но тут появился Шутник и перевёл разговор на другую тему.

— Здесь много иностранцев, — сказал Шутник. — Надо создать из них партию и начать борьбу за власть. Захватив власть, выгнать всех немцев из Германии.

— Отличная идея, — сказал я. — Вполне реалистическая. Уверяю вас, сами немцы попрут в эту партию. У них очень сильно чувство вины и стыда за немцев. Причём только сами немцы способны как следует организовать изгнание немцев из Германии.

— Вздор! — возмутился Энтузиаст. — Как это можно выгнать народ из своей страны?!

— Очень просто. Опыт на этот счёт уже есть. Вспомните о Восточной Пруссии!

— А кого вы на место немцев поселите?

— Евреев, конечно. Ну и арабов.

— Они перережут друг друга!

— Тоже неплохо. Ну, немцев из Советского Союза и ГДР.

— А куда вы высылите немцев?

— В Сибирь. Там места всем хватит.

— Но если вы высылите немцев из Германии, то тут все придёт в упадок, и иностранцы покинут Германию.

— И прекрасно! На освободившееся место мы переселим немцев. И после этого тут можно будет спокойно и сытно жить.

Сон

Вдохновитель был мрачен и пьян.

— Что случилось? — спросил я.

— Откровенный разговор с начальством. Я сказал, что хочу наилучшим образом наладить нашу работу на Западе.

— А начальство?

— Сказало, что нынешнее положение является наилучшим, так как устраивает всех, за исключением таких «гениев», как я. К тому же есть важная причина, почему улучшение нашей работы на Западе нежелательно нашему руководству.

— Какая?

— Соотношение сил. Пока оно в нашу пользу, но это не очень заметно врагам. Если мы будем работать ощутимо лучше, это заставит противника усовершенствовать свою деятельность. И тогда соотношение сил начнёт меняться в худшую для нас сторону. Хороша логика?

— Логика идиотов вообще несокрушима.

Ценный документ

Чуть свет за мной прислали машину — впервые за все время проверки. Значит, что-то из ряда вон выходящее произошло. Оказывается, появился новый персонаж — офицер КГБ, приехавший сюда в составе какой-то делегации и «избравший свободу». Он привёз «ценнейший документ» — запись разговора шефа КГБ с генералом, ответственным за операцию «Эмиграция».

Допрашиватели захотели, чтобы я высказал своё мнение о подлинности «документа». «Хотите, — сказал я, — я расскажу вам содержание „документа“, не читая его? „Документ“, конечно, подлинный. Но он сделан специально для вас». — «Дезинформация?» — спросили они. «Наоборот, — ответил я, — самая точная информация». — «Какая?» — спросили они. «С эмиграцией решено закругляться», — сказал я. Допрашиватели переглянулись и забрали не прочитанный мною «документ» обратно.

Они ни словом не обмолвились о покушении. И я держал себя так, будто ничего особенного не случилось.

Пенсионеры

В парке одни пенсионеры. Наверняка все консерваторы и реакционеры. А что в том плохого? В мире избыток прогрессивности и революционности. Значит, пенсионеры суть благо. Лишь пенсионеры ещё могут спасти Запад.

Пенсионеры суть бывшая молодёжь, но утратившая иллюзии юности и приобретающая здравый смысл. У них есть время для размышлений. У них есть жизненный опыт. Бояться им нечего, можно выражаться прямо и откровенно. Их жизнь идёт к концу, и потому они заинтересованы в продолжении человеческой жизни в тех же формах. Старики! Будущее человечества в ваших руках! Объединяйтесь в борьбе против грядущего прогресса! Один старичок по моей морде и одежде догадался, что я — иностранец, и сказал соседу по скамейке гадость по моему адресу. Его собачка злобно кинулась на меня. Свою концепцию насчёт пенсионеров я, разумеется, тут же сменил на противоположную. Все зло в стариках. Долой стариков!

В Пансионе

В Пансионе Шутник и Циник решают проблемы новой мировой войны.

— Они тут тоже не такие уж лапти. Здесь тоже готовятся к войне. Потихоньку, тайно.

— Нельзя тайно готовиться к большой войне. Надо весь народ готовить к войне. Особенно — молодёжь. Случись что, Советский Союз в пару дней превратится в единый военный лагерь. А тут месяца два нужно для борьбы со своей молодёжью и с пацифистами.

— В новой войне массы населения не будут играть большую роль. Атомное оружие...

— Допустим на минуту, что изобретён способ менять курс ракет противника и даже направлять их обратно. Что тогда? Война снова станет войной масс людей в первую очередь.

Вернулся с помойки Энтузиаст, выносивший накопившийся мусор, и развёл демагогию насчёт западных отбросов.

— Здесь в отбросы идёт то, за что в Советском Союзе люди готовы платить большие деньги и стоять в очередях.

— Вы думаете, тут не знают цену вещам? Знают получше нашего. Потому и выбрасывают. Дешевле выбросить, чем хранить.

— И если эти отбросы сохранить, положение в мире не изменится заметным образом.

— В мире действительно сотни миллионов голодных и нищих, — внёс я свой вклад в дискуссию. — Но из этого не следует, что этот сытый и богатый народ обязан тоже быть нищим и голодным. Не вина этих людей, что в мире появились многие миллионы других людей. Зачем они появились? Население к концу века увеличится ещё на много сотен миллионов человек. Зачем? Почему этот народ должен о них заботиться? Каждый народ имеет право на борьбу за своё существование и благополучие. В ваших экскрементах тоже можно обнаружить питательные вещества, за которые в других местах планеты идёт борьба. Что из этого следует? Легко быть гуманным за чужой счёт. У вас уже три пиджака. Отдайте один нищим в Индии и Камбодже!

Энтузиаст сказал, что я «перегибаю палку», и побежал в туалет. Эти дни он шлялся по разным приёмам и жрал по пять раз на день задарма.

— Если вы так выскажетесь публично, — сказал Циник, — сами здешние

богачи обзовут вас реакционером и расистом. Тут все за демократию, равенство, справедливость, гуманность.

— На словах. Это не мешает им использовать иностранных рабочих и смотреть на них как на низшую расу.

— Тут пять миллионов иностранных рабочих и два миллиона своих безработных. Но попробуйте заставить этих безработных работать на таких условиях, на каких работают иностранцы!

— Современное общество нуждается в большом числе людей, положение которых можно сравнить с положением рабов в Риме. И оно же одновременно порождает большое число людей, сравнимых с римскими плебеями. Это — общий закон. Он действует и у нас, только в скрытой форме. Что бы ни говорили гуманисты, общество не может долго существовать без иерархии и неравенства. Наш опыт — блестящее тому доказательство.

Чужая жизнь

Художник с женой живёт в комнате рядом с моей. Стена тонкая. Я часто слышу их интимные разговоры. Они уверены, что на Западе перегородки между комнатами звуконепроницаемы, и не церемонятся в выражениях.

— Нужны деньги, — говорит он.

— Я могу устроиться работать манекенщицей.

— Тут другие пропорции нужны. Да и старовата ты.

— Не хаами!

— Здесь другие понятия о молодости.

— Ну, натурщицей в художественной школе. Или у частного.

— Тут все частники. А натурщицы все проститутки.

— Это в Москве натурщицы проститутки. А здесь проституток и без натурщиц хватает.

— Нереально. Может, уборкой квартир заняться?

— Тут этим делом турки занимаются.

— Этот тип, что вчера приехал, наверняка агент КГБ.

— Тут все кагэбэшники.

— Странно, меня в КГБ ни разу не вызывали и не предлагали стучать. Ты что-нибудь понимаешь в этом?

— Меня тоже не вызывали и не вербовали. Вся эта болтовня о советских шпионах — сплошное враньё. погоди храпеть! Мне, между прочим, не семьдесят лет.

— Между прочим, самый знаменитый бабник в истории, Казанова, писал, что самую приятную ночь он провёл с семидесятилетней графиней.

— Враньё!

— Ничего подобного. Просто это была единственная ночь в его зрелой жизни, когда он выпался всласть. Ха-ха-ха!

— Дурак!

Я вычеркнул Художника и его жену из моего списка советских агентов.

Бессоница

Не спалось. Полистал книгу критика советского режима, которую тут раздувают как выдающееся явление. Наткнулся на такое утверждение: революцию делают для того, чтобы человеком никто не руководил. Закинул книгу под кровать. Затем полистал программу некоего «Демократического Союза». В программе пятьдесят пунктов. Один пункт касается сбора пожертвований в пользу «Союза». Этим пунктом, пожалуй, создатели программы могли бы и ограничиться, сформулировав его более чётко: дайте деньги!!! В программе сказано, что власть в стране должна принадлежать «всему народу, т.е. всем гражданам страны в целом, и только им». А чуть подальше сказано, что она должна принадлежать «большинству населения», а осуществляться — «его избранныками». Но ведь в Советском Союзе именно это и осуществлено давным-давно. Авторы программы настаивают на действиях «в рамках закона», а далее говорят о неких «независимых группах», игнорируя то, что эти группы в рамках закона могут быть запрещены. Полистав этот шедевр политического мышления, я его тоже забросил под кровать.

Сон

Под утро я все-таки заснул. Мне приснилось, что я присутствую на чрезвычайном совещании в КГБ. На Западе вступило в строй новое секретное предприятие, и на совещании обсуждается вопрос, как заполучить секреты этого предприятия. Выдвигаются различные предложения: устроить демонстрацию протеста, заставить оппозицию в парламенте сделать запрос, заставить журналистов опубликовать разоблачительные материалы, послать террористов, внедрить своих людей, устроить правительственный кризис, пригласить специалистов к себе на симпозиум, устроить международный конгресс... Короче говоря, были высказаны все возможные варианты. Потом взоры всех присутствующих обратились на меня. «Не надо ничего делать, — сказал я. — Надо лишь немного подождать, и они сами раскроют нам все свои секреты. Даже просить будут, чтобы мы их приняли. И заплатят нам за это». Все участники совещания с гневом обрушились на меня. «Значит, мы не нужны! — кричали они. — Значит, нам делать нечего! Бей этого мерзавца! Он — агент ЦРУ!!!»

Зигзаг истории

История с покушением сразу заглохла. Все делают вид, будто никакого покушения вообще не было. Как будто кто-то дал команду молчать. Мне самому стало казаться, что тот «счастливый день» есть случайный зигзаг истории.

Идея «Центра»

Писатель сказал, что идея создания «Центра», объединяющего усилия эмиграции по критике Советского Союза, обсуждается «на высшем уровне». Вот где я смогу применить свои профессиональные способности. Он готов походатайствовать за меня.

Допрос

- Вы в Советском Союзе занимали привилегированное положение.
- Я был всего лишь кандидатом наук и старшим научным сотрудником.
- Но вы были членом КПСС.
- Большинство членов КПСС живёт на нищенском уровне.
- Вы были близки с ответственными работниками аппарата ЦК и КГБ.
- Это мне не давало ничего, кроме личного общения. Самая влиятельная фигура из них — Вдохновитель. Он жил в маленькой квартирке, получал немногим больше меня, не имел особых бытовых привилегий. Да и чин у него смехотворно низкий.. Такие люди нигде большую карьеру не делают.
- Вы коммунист?
- Понятие «коммунист» многосмысленное. Если я, к примеру, имею одни штаны, я не чувствую себя бедным. Если имею двое штанов, не чувствую себя богатым. Я не чувствую себя голодным, питаюсь тухлой картошкой. И не чувствую себя сытым, съедая свежий бифштекс. Я буду рад, если займу хорошую квартиру. Но я могу жить и в крохотной комнатухе. Я мог бы вписать своё имя в историю науки. Но я могу раздавать свои идеи даром и кому попало, как я это и делал до сих пор. В этом смысле я есть настоящий коммунист. Но я не верю в коммунистический рай и могу смеяться над марксизмом и советским образом жизни похлеще западных антикоммунистов и советских «критиков режима». В этом смысле я не коммунист.

Правда

- Мы обязаны рассказать западным людям голую правду о нашем обществе, — говорит Писатель.
- Голую — это хорошо, — говорю я. — Это они любят. Сейчас тут ничего не смотрят и не читают, ест нет чего-нибудь голого.
- Я не шучу.
- Я тоже. Со мной был тут такой случай. Пригласили меня в один исследовательский институт рассказать об основных чертах советского общества. Показали институт, рассказали об организации его работы. В Союзе я бывал в исследовательских центрах. Сравнительно с общими условиями в стране уровень жизни условия работы в них казались мне сказочными. Но то, что я увидел здесь, ошеломило меня. Советские центры показались теперь убожеством. Например, профессор, который меня принимал, имеет всего одну

лаборантку. Но дело, которое он один с ней делает равно по масштабу делу целой советской лаборатории из пятидесяти человек. Доклад мой состоялся после осмотра института. Легко сравнивать, сказал я, различные страны с однотипным социальным строем. Но сравнение стран с различной социальной системой и вынесение приговора, какая из них лучше и какая хуже, есть дело истории. Вот сравним, например, ваш положение (я указал на упомянутого профессора) положение учёного такого же калибра в советском исследовательском центре. Такой учёный у нас имеет свою лабораторию и минимум пятьдесят подчинённых. (В этом месте все собравшиеся смеялись.) Но, сказал я, посмотрим на это дело вот с какой стороны. Вы начальник всего над одним человеком, а ваш советский коллега есть начальник над пятьюдесятью. С учётом места в советской системе в целом, ваш советский коллега психологически ощущает себя и воспринимается другими как генерал, командующий крупным подразделением. Чувствуете разницу? Что лучше — жить, чтобы производить и повышать производительность труда, или производить (причём не обязательно высокопроизводительно), чтобы жить социальной жизнью? Потом началась дискуссия, в которой они буквально громили свои комфортабельные и стерильные условия. Я узнал, что многие из сотрудников изнывают от скуки. Душевная депрессия — обычное дело. Кое-кто попадает в психиатрические лечебницы. Смешно, они воспринимали как благо наши собрания, коллективные поездки в колхозы, общественную работу и прочие опостылевшие нам атрибуты советской жизни. Я их предупреждал, что реальный коммунистический образ жизни является искушением в основе, но именно на этой основе он превращается в новую форму закрепощения. Но они видели лишь первую часть моей формулы — искушение. Вот и попробуй говорить им некую голую правду. Таковой просто нет.

— Ваш пример звучит очень литературно. Вы не возражаете, если я его запишу?

— Пишите! На то вы и писатель.

Объективность

Запад мечется между двумя крайностями — между крайним преувеличением военной мощи Советского Союза и крайним преувеличением его бытовых недостатков. Вот в журнале фотографии, из которых создаётся впечатление, будто Советский Союз — отсталая в хозяйственном, бытовом, культурном и промышленном отношении страна. Но, господа, откуда же тогда достижения в космосе, военная мощь, выдающиеся музыканты, победы в спорте и прочее? Советский образ жизни лежит не между упомянутыми крайностями, а совсем в иной плоскости. А в какой именно, этого не хочет знать никто. Страх объективности в понимании общественной жизни — одно из самых поразительных явлений нашего сверхнаучного века.

А можно ли вообще тут быть объективным? Вот по телевидению показывают фильм о партийном съезде в Москве. Впечатление жуткое. Особенно — от вида советских руководителей. Вот партийные чинуши с тупыми жирными

мордами встали и запели «Интернационал», держа в руках листочки с текстом забытого всеми партийного гимна. Вот они вопят слова гимна «Вставай, проклятем заклеименный, весь мир голодных и рабов». Взгляните на их рыла в этот момент! Вот вам подлинное не лицо, а именно рыло, харя, мурло коммунистического общества в самом выразительном воплощении. Ну а местные жители? Они смотрели фильм с полным равнодушием и даже с некоторой долей уважения к этой морде коммунизма.

Сооружение

При закате солнца Сооружение выглядит как волшебный замок или храм. Нет, скорее, как космический корабль. Но вот темнота растворяет внешние контуры, и на месте сказочного видения образуется страшный чёрный провал.

Знать и понимать

Твоя задача, говорил Вдохновитель, не знать, а понимать. Знаний у нас в избытке, а понимания — кот наплакал. Мой шеф, например, знает поимённо всех важных деятелей Западной Европы и всю их подноготную. А что в том толку? Западные кремленологи знают детали жизни наших руководителей лучше, чем мы. А что это им даёт? Нам нужны ключи не к Жоржу, Герману, Джону. Нам нужны ключи к странам, массам, процессам, эпохам. Для этого мало знать. Для этого надо понять. Можно не понимать с большими знаниями. А понять можно и с малыми знаниями. Не засоряй голову пустяками. Просто живи. Думай. Жди. И понимание придёт рано или поздно.

Планы и свершения

Я покидал Москву с тайным намерением изучить Западную Европу и разработать план наиболее быстрого и безболезненного завоевания её Советским Союзом. Я предполагал, что мне для этого будет достаточно двух лет. Потом я собирался послать свой план в КГБ. Хотя я и не совсем дурак, я все же рассчитывал на то, что мой план произведёт там сильное впечатление и я получу хороший пост в той системе, которая будет претворять мой план в жизнь. Я не рассчитывал на первое место в этой системе. Я рассчитывал лишь стать тайным советником некоей номерной персоны — играть роль тайного гения при явном идиоте.

Мои планы были утопическими по двум причинам. Первая причина — сроки. Я здесь живу скоро год, но почти ничего не знаю о городе, в котором живу. Если я такими темпами буду осваивать всю Западную Европу, мне потребуется тысяча лет. Вторая причина — степень доверия к моим предложениям. Чем лучше я буду понимать Запад, тем ближе эта степень будет к нулю.

Потом я устал строить такого рода планы. Я всеми доступными средствами старался вырвать самую мизерную подачку у Запада, планы завоевания которого я перед этим разрабатывал. Старался безуспешно. А ведь узнай Запад о моих планах, он наверняка отвалил бы мне подачку пожирнее, потому как я был бы для него не отбросом разваливающегося советского общества, а представителем могучей державы.

Устав от безрезультатных попыток вырвать подачку, Но отдохнув от утопических планов завоевания Запада, я с головой окунулся в новые планы. Только на сей раз я начал разрабатывать планы ослабления Советского Союза и уменьшения его влияния на Западе. Почему лишь ослабления и уменьшения? Потому что я на сей раз решил быть не утопистом, а реалистом. А как реалист я понимал, что уничтожить Советский Союз и остановить совсем его вторжение на Запад невозможно. А планы свои я решил послать в ЦРУ. На сей раз я не рассчитывал ни на какой пост. Я рассчитывал лишь получить подачку чуточку побольше той, какую мне подбрасывают сейчас.

Когда я составлял планы покорения Запада, я принимал очень сильное допущение, а именно: допускал, что Запад умен и будет сопротивляться советскому нашествию. Начав же составлять планы защиты Запада, я принял другое очень сильное допущение, а именно: что Советский Союз умен и будет неуклонно добиваться осуществления своих намерений в отношении Запада. Но в последнее время я стал сомневаться в правильности своих допущений. Сила Запада не в уме и решимости защищаться, а в глупости и готовности капитулировать. С другой стороны, сила Советского Союза состоит точно так же в его глупости и неспособности достаточно долго выдерживать высокий уровень решимости. Следовательно, решил я, в интересах научной точности мои допущения следует поменять на противоположные. Но тогда... Тогда никакие планы не нужны вообще, ибо все происходящее в мире происходит в полном соответствии с этими допущениями. Именно идиотизм происходящего есть самое идеальное воплощение гениальных планов — вот в чем суть дела.

И я забросил свои планы защиты Запада. Пусть все идёт так, как оно идёт независимо от тебя, решил я. Дело не в том, что история идёт неправильно. Она как раз правильно идёт. Дело в том, что твоё присутствие в ней неправильно. В сражении между двумя могущественными идиотами умному карлику места нет. Его раздавит кто-то из сражающихся, а то и оба совместно. Надо уйти в сторону. Уйти незаметно, чтобы никто не обратил внимания на твой уход. Но уйти как можно скорее. Общество не заинтересовано в тех великих открытиях, которые могли бы вписать твоё имя в историю науки. Наоборот, оно заинтересовано в том, чтобы их не было. Твоя позиция есть позиция космического пришельца, равнодушного, а значит — враждебного всему земному. Так что убирайся обратно в свой Космос, т.е. в свою мизерную личную скорлупку, и помалкивай!

Разговор с Писателем

— Вы замечаете, как резко меняется к худшему отношение к нашей эмиграции на Западе? В чем дело?

— Раньше мы появлялись здесь как вестники слабости советского строя и укрепляли надежду на его скорое крушение в силу внутренних причин. Теперь мы приходим сюда как вестники силы советского строя, как авангард атакующей армии. Мы теперь вызываем тревогу на Западе за его ценности и существование. Мы разрушаем надежду на крах Москвы в силу внутренней несостоятельности.

— Ну и хорошо!

— Конечно, хорошо. Но в таких случаях действует закон переноса реакции с сильного и реального врага на слабого и мнимого. Запад начал защищаться не от самой советской угрозы, а от тех, кто пытается разьяснить сущность и силу этой угрозы.

— Вы, к сожалению, правы. По моим наблюдениям, Запад вообще погряз во лжи, лицемерии и самообмане. Тут все и во всем врут. Врут по поводу расовых и национальных проблем, по поводу диссидентов, по поводу пацифистов... А что творится в литературе и по поводу литературы!.. А кино!.. Знаете, к какому страшному выводу я пришёл? Это и есть настоящая, высокоразвитая цивилизация! Цивилизация в принципе есть ложь, ибо цивилизация есть искусственность.

Правда есть нечто естественное. И потому она обычно неприятна и страшна. Ложь цивилизации есть сокрытие правды. Например, представители различных рас обычно ненавидят друг друга согласно естественным законам бытия. Что делает цивилизация? Привносит в расовые отношения ложь. Все делают вид, что расы равноценны, что царит стремление к межрасовой любви и дружбе. Все дружно осуждают тех, кто обращает внимание на естественные явления в расовых отношениях, как расистов. Или другой пример. Население планеты превысило естественные нормы. Зачем? Разве от увеличения числа людей увеличивается масса счастья на земле? Разве степень прогресса находится в прямой зависимости от числа людей? В России при Петре население было всего двенадцать миллионов. Потом, несмотря ни на что, начался рост населения. Почему? Благодаря крепостному праву. Человек приобрёл материальную и престижную ценность для помещиков. Людей стали разводить. А теперь-то зачем их разводить? Теперь их сокращать надо. Что вы об этом скажете?

— Хорошо, что нас никто не слышит.

— Я уже достаточно насмотрелся и начитался тут всего. Доминирующее на Западе искусство превосходит официальное советское искусство только более изощрённой техникой исполнения, яркостью, массой и упаковкой. А суть его та же: замаскировать настоящую закулисную жизнь Запада и романтизировать её. Западный человек тоже погружён в систему массового оболванивания, только на несколько иной, чем у нас, манер. Я начинаю замечать, что советская система оболванивания оставляет больше свободы для таких людей, как мы, сохраниться духовно в качестве личности. Там хотя бы протест против массового оболванивания имеет результатом свою противоположность — обособление индивидуальности. А здесь такой протест есть обычный элемент самой системы оболванивания.

Историческая мания

Художник приобрёл краски, которые похожи на масляные, но сохнут молниеносно. Жалуется: эти краски сохраняются всего пятьдесят лет. А ему нужны краски, сохраняющиеся столетиями. Вечные материалы нужны. Бездарный художник, ещё не продавший ни одной картины, претендует на вечность. Писатель, хотя и говорит вслух о себе весьма пренебрежительно, на самом деле пишет «не на потребу дня», а на века. В чем природа этой мании «на века»? Смутное ощущение того, что не будет даже десятилетий. Маниакальность в натуре нашего общественного строя. Мы должны стремиться к абсолютно полному изобилию всего, чтобы удовлетворить самые примитивные потребности людей. Мы должны мечтать о грандиозном перевороте в культуре, чтобы сделать хотя бы мизерный реальный вклад в неё. Потому наши диссиденты и критические писатели, приобретая какую-то известность на Западе, заболевают «манией бога» — начинают воображать себя творцами мировой истории. О наших вождях и говорить нечего. А чем лучше их мы — я и мой двойник в Москве, Вдохновитель? Его речи в духе античной трагедии преследуют меня до сих пор и до сих пор находят отзвук в моей душе.

Мысли о войне

В войне победит тот, кто быстрее восстановит единство своей страны после чисто военных операций и помешает это сделать противнику, говорил Вдохновитель. Подготовка к войне есть прежде всего подготовка к тому, что будет после войны. У нас есть целый институт, который занимается проблемами организации и дезорганизации населения после будущей мировой войны, а именно: тем, как восстановить единство и управляемость своего уцелевшего населения, как разрушить остатки единства вражеского уцелевшего населения и установить над ним свой контроль. Эти проблемы исследуются для всех возможных вариантов будущей войны. И что самое интересное — готовятся специалисты, которые будут практически заниматься этим, будут снабжены соответствующей информацией и наделены полномочиями. Разумеется, специалисты для стран противника в первую очередь. Они будут постепенно засылаться в страны Запада и оседать в предположительно наименее уязвимых местах. Возможно, они заранее получают указания насчёт таких мест, и в таком случае их расселение не играет роли. Если мы сумеем подготовить достаточно большое число таких специалистов и заслать их на Запад, проблема их расселения вообще будет снята. Возможно, что такие специалисты будут находиться в Союзе вплоть до начала войны и будут выброшены в большом числе на Запад, когда определятся результаты первого удара.

Вот на столе лежит пылинка, говорил Вдохновитель. Ты её невооружённым глазом вообще не разглядишь. А между тем есть бактериологические и психологические бомбы такого размера, которые по разрушительной мощи

превосходят старые авиабомбы весом в тонну. Полстакана таких бомбочек достаточно, чтобы полностью парализовать США. Но каждая такая микроскопическая бомбочка обходится стране пока много дороже, чем старая авиабомба весом в тонну. Ещё дороже обходится хранение таких бомб. Есть трудности их доставки и рационального использования. Плюс неожиданности. Одним словом, для решения всего комплекса проблем, связанных с такими бомбочками, нужны огромные средства, развитие целых отраслей науки и техники, тончайшая технология, электроника... Самые гениальные фундаментальные открытия в этом направлении сделаны. Но чтобы реализовать их, нам нужна западная технология и электроника. Одним словом, чтобы разгромить Запад, мы нуждаемся в помощи самого Запада.

Все рассматривают начало будущей войны как проблему чисто техническую и отчасти как политическую, говорил Вдохновитель.

Но начало большой войны зависит не только от состояния военной техники, массы оружия и тщеславия политиков и генералов. Оно зависит от психологического и идеологического состояния народов. Какой-то народ как целое должен быть готов к войне психологически, чтобы его руководители смогли развязать новую войну как будто бы по своему произволу и как будто бы неожиданно. Такого народа в мире сейчас пока ещё нет. Но наш народ ближе всего к этому состоянию. Короче говоря, проблема новой мировой войны есть проблема для мыслителей вроде нас с тобой, а не для чиновников и особых служб.

Сооружение

Моё Сооружение все более обретает неземные, космические формы. Похоже, что тут будут помещаться учреждения, связанные с освоением Космоса. Поэтому, надо думать, строители и выдумали такую фантастическую и одновременно устрашающую архитектуру, вызывающую ощущение огромности Космоса, мистического ужаса перед Бесконечностью и Неизбежностью. Башни Сооружения уже переросли самые высокие здания города.

Вести с Родины

Энтузиаст ворвался ко мне с круглыми от ужаса глазами. «Вы тут безмятежно дрыхнете, — заорал он, — а в мире черт знает что творится!» — «Что случилось? — спросил я, вскакивая с постели. — Война?» — «Нет, кое-что похуже! — орал Энтузиаст. — В Советском Союзе вводят налог на собак! Представляете: налог на собак!» Услышав это, я несколько успокоился. «Я бы на месте советских властей, — сказал я миролюбиво, — ввёл бы налог на клопов». — «Вы все обращаете в балаган, — укоризненно сказал он, — а ещё диссидентом считались!..»

А ведь в КГБ действительно хотели изобразить из меня диссидента. Думаю,

что это была грубая ошибка. И сделали они это из чисто формальных соображений. С этой точки зрения и советская система обладает всеми недостатками большой системы вообще.

Партийное собрание

Писатель увлёкся своей болтовнёй и совершил непростительную ошибку: вошёл в квартиру Дамы, захватив меня с собой. Дама при виде меня безмерно удивилась. Писатель увёл её в кухню, и они зашептались о моем неожиданном визите. До меня долетели слова Дамы «деловое совещание», «важные проблемы», «серьёзные люди». Потом — слова Писателя «привлекать», «использовать», «помочь»... В конце концов они, очевидно, договорились. Вышла сияющая Дама. Сказала «что-то вы нас позабыли», «что-то вы загордились», «а что вы не раздеваетесь», «нет, нет, мы вас так не отпустим». И я был допущен в гостиную. Тут, помимо известных мне Мужа, Профессора, двух сотрудников антисоветской радиостанции, руководителя местного эмигрантского общества и руководителя местного отделения известного эмигрантского союза, присутствовали ещё несколько пожилых мужчин и женщин. Меня представили «в общем и целом». Они кивнули, руки мне не протянули и имён своих не назвали. Хозяйка бросила на меня последний тревожный взгляд. Перевела глаза на седого хмурого мужчину. Тот слегка кивнул. Я истолковал этот кивок так: не бойтесь, он — тоже наш человек, пусть понемногу втягивается. «Товарищи... хи-хи-хи... извините, господа, — начала Дама. — На повестке дня нашего... совещания... хи-хи-хи... вопрос о единстве и согласованности действий в рядах советской эмиграции на Западе. Слово для доклада имеет...» (А мне слышалось: закрытое партийное собрание советской разведгруппы в городе М. считается открытым, слово для доклада имеет член Баварского областного комитета партии...) Седой угрюмый человек не спеша вынул из папки бумаги. Полистал их. «Э-э-э... господа, — произнёс он хорошо поставленным голосом партийного работника не меньше чем районного масштаба. — Вы все прекрасно понимаете, какой сложный момент мы переживаем и какие важные задачи встают перед нами...»

Наши заботы

«Толковый мужик, — сказал Писатель, имея в виду Седого, когда мы шли домой. — И вообще, дельный разговор был. Приятно сознавать, что люди искренне озабочены...» — «Чем? — спросил я. — Хотите, я вам расшифрую некоторые идеи доклада? Вот, например, докладчик говорил о падении престижа Советского Союза на Западе, об усилении антисоветской пропаганды и о её новых формах. Вроде все верно. Ни к чему не придерёшься. Но падение советского престижа на Западе прекрасно сочетается с усилением его фактического влияния. Престиж падает в одном, а влияние усиливается в другом. Люди так или иначе причастные к советским интересам на Западе

могут делать что угодно, в том числе — заниматься антисоветской пропагандой. Но эта деятельность должна быть организована и направляема так, чтобы конечный её продукт был в пользу Советского Союза. Так что некая акция по усилению антисоветской деятельности может дать результат прямо противоположный декларируемому. Есть наука манипулирования людьми. Наука не менее точная, чем физика. И опыт есть. И кадры. Задача КГБ — лишь знать положение и манипулировать людьми. А люди сами сделают все, что нужно, причём без формального сотрудничества с КГБ».

Исповедь Писателя

А вообще говоря, вы во многом правы, — признается Писатель. Сразу по приезде сюда я написал книжку. Кое-что в ней не понравилось издателям. Меня попросили исправить и подсказали, в каком направлении. Я отказался. Книгу все-таки напечатали: договор был заранее подписан. Напечатали — и книги как будто не было. Она исчезла, не успев по-явиться. Так что какая разница — не печатают (как у нас) или убивают равнодушием (как здесь)? Теперь я бы предпочёл первое: по крайней мере, в героях какое-то время ходишь.

Мы в Союзе привыкли к тому, что если книга хорошо написана, то этого достаточно, чтобы она нашла дорогу к читателю. Книга может стать бестселлером независимо от прессы и критики, даже вопреки им. Здесь вы можете сочинять сверхгениальные книги. Но без рекламы и прессы их никто читать не будет. И покупать не будут.

А читатель! У нас книги глотают в день по несколько штук. Запоем читают. А здесь? Есть у меня один знакомый тут. Очень интеллигентный человек. Он запланировал... обратите внимание, запланировал!.. прочитать во время отпуска одну широко рекламируемую книгу. А он тут типичен как читатель. Свободы! Многие ли у нас на самом деле нуждаются в них? Если человек нуждается в свободе, он и у нас рано или поздно её добьётся. Для себя лично, конечно. А для кого же ещё? Сейчас в Москве практически можно напечатать все, что захочешь. Для этого надо всю жизнь прожить в литературной среде и отдать много сил на то, чтобы суметь напечатать то, что хочешь. Ну и что? Преодоление несвободы и достижение желаемого в результате жизненной борьбы приносит высшее удовлетворение.

Между прочим, если бы я напечатал в Москве книжечку вдвое менее критичную, чем та моя злополучная книжка, она имела бы резонанс не только там, но и здесь. А в нынешних условиях я смог бы её напечатать.

Тут до сих пор видят в нас лишь нечто экзотическое, отклоняющееся от привычных норм. Потому тут в качестве советского образа жизни видят лишь крайности и исключительные явления нашей жизни, каких нет на Западе. Тут были бы все очень довольны, если бы Советский Союз на самом деле был большим концентрационным лагерем. Вот почему наша разоблачительная литература имела тут беспрецедентный успех. Когда начинаешь писать об обычных явлениях советской жизни, читатели теряют интерес: у них эти явления у самих есть. А ведь, казалось бы, только после этого должен был бы

появиться настоящий интерес: ведь речь идёт о них самих. Надо иметь долгий опыт жизни в нашей стране, чтобы обратить внимание на важность очевидного. Изменение взгляда на давно знакомые явления — это тоже чего-то стоит.

И какой же урок я из всего этого извлёк? Такой же, как в Москве: писать так, чтобы моя писанина устраивала тех, кто вершит здесь судьбами нашей литературы. И московский уровень теперь для меня уже недостижим.

Вся моя прошлая жизнь была негласным сговором с властями, с коллегами, с друзьями. Я и сюда выбрался благодаря такому негласному сговору. Моя квартира кишела стукачами. Я делал вид, что не замечаю этого, и разговаривал с ними, будучи уверен в том, что мои слова где-то фиксируются и взвешиваются. В частности, я поклялся не лезть в политику, не писать антисоветских книг, встречать доброжелательно любых гостей из Москвы. Одним словом, я дал им понять, что я — типичное советское дерьмо. Попав сюда, я сделал попытку обрести независимость. Ради неё я и удирал сюда. Но не успел я оглянуться, как оказался в той же сети сговоров. Только в ещё более цепкой и унижительной. Из неё уже не вырвешься — некуда. Из неволи ещё есть выход: на свободу. А из свободы уже никаких выходов нет. И самое ужасное состоит в том, что Запад уже не есть объект для великой литературы. Советский Союз — вот самое интересное с точки зрения литературы явление столетия. В Москве, а не в Нью-Йорке, не в Париже, не в Лондоне вырастает древо жизни. Русская литература имеет неповторимую возможность описать этот феномен... Не разоблачить, а именно описать в его могучей жизнеспособности и стать благодаря этому великой литературой. Я не апологет советского строя. Но я пришёл к выводу, что великая русская литература теперь возможна только как апологетическая, но ни в коем случае как критическая.

Я вычеркнул Писателя из моего списка советских агентов. Интересно, сумею ли я вычеркнуть из этого списка себя?

Агент

Я совсем не ощущаю себя советским агентом. Обычно я вообще забываю об этом. В Москве у меня был один знакомый в военной разведке. Он мне говорил то же самое. Его (назову его Агентом) забросили на Запад методом женитьбы. Позже, на курорте, познакомились с парой из того же города. Назову их Мужем и Женой. Агент стал любовником Жены. Случайно узнал, что Жена работает в фирме, выполняющей военные заказы. Он понял, что удача сама пришла к нему. Он вообще придерживался принципа: либо удача сама придёт, либо не придёт, несмотря ни на какие усилия. Это в кино и в романах, где события многих месяцев и даже лет сжимаются в полтора часа или в сотню страниц, шпион ощущает себя шпионом и ведёт себя так, будто он каждую минуту рискует жизнью, говорил он. А в реальной жизни растянуто. Я два года прожил на Западе, вообще позабыв о том, что я — шпион. Даже узнав, что Жена имеет доступ к военным секретам, я не сразу использовал эту возможность.

Однажды он предложил ей поехать на очень дорогой курорт вдвоём. Но, сказал он, для этого надо много денег. Их можно легко заработать. Пусть она приносит из своего учреждения всякую макулатуру, какая подвернётся. А он её будет сбывать за хорошие деньги «одному кретину из одной фирмы». И она начала усердно таскать ему «макулатуру» в таких количествах, что он еле поспевал пересылать её в Москву. Сам он в этих документах разобраться не мог. И не хотел: он уже привык ничего не делать. Так продолжалось три года. Наконец в Москве в этой «макулатуре» обнаружили все то, что касалось нового важного изобретения для управления танками.

Теперь представьте себе, что таких агентов десятки. Они живут обычной жизнью. Совсем не ощущают себя агентами. Они не делают ничего криминального. Они ждут удобного случая. Такой случай выпадает не всем. Но если агентов много, то он кому-то из них обязательно выпадает. Причём агенты такого рода не обязательно забрасываются из Москвы. Сами западные граждане за сравнительно небольшие деньги могут продать вам все, что душа пожелает. Риск провала невелик. А система наказания на Западе настолько слабая, что она не может удержать людей от искушения.

Мои источники

Я прожил жизнь в Москве. Я не одну цистерну водки выпил с сотрудниками ЦК, КГБ и прочих важных служб. А они тоже люди, к тому же гомососы, склонные к пьяной сердечности и откровенности. Нельзя ли западным агентам в Москве использовать эту возможность? Систематически — нет. Для этого надо очень много агентов. Нужно, чтобы они жили свободно, как местные жители. И нужно самому быть гомососом, дабы иметь доступ к душам собутыльников. Подкуп? Как система тоже не пойдёт. В советских условиях не так-то просто истратить большие деньги. Люди, имеющие доступ к секретам, дорожат своим положением и находятся под контролем. Настоящие секреты удалены от мест, где могут действовать западные агенты. А секреты, доступные им, либо липа, либо пустяки, либо дезинформация. Но зачем западным агентам советские секреты, аналогичные тем, какие тут, на Западе, раздобывают советские агенты? В Советском Союзе для Запада интереснее другое: механизмы общества, которые не могут понять никакие агенты и которые можно понять с небольшими усилиями и без агентов.

Я покоряю Европу

— Что бы вы сделали, если бы были главой советского руководства?

— Ничего. Глава советского руководства имеет лишь видимую и чисто символическую власть.

— Допустим, вы обладаете реальной властью.

— Первым делом перестаю тратить средства на Кубу. Можете делать с ней, что хотите.

— Отлично!

— То же самое делаю с Африкой и Азией. Можете забрать себе и всех арабов.

— Прекрасно! Остановись я на этом, может быть, мои допрашиватели закончили бы проверку и дали бы своё «добро» насчёт моей работы. Но моё честолюбие понесло меня дальше.

— Поступая так, я никакого ущерба своей стране не наношу. События в этих частях мира все равно пойдут в желаемом для Москвы направлении. Без вмешательства Москвы они даже лучше пойдут. К тому же я отдаю вам наши дорогостоящие хлопоты в Африке, Азии и Латинской Америке не даром, а за хлеб, мясо, электронику. И за невмешательство в нашу Восточную Европу.

— Гм!

— Все силы страны бросаю на улучшение положения своего населения, на воспитание молодёжи, на подавление оппозиции, на модернизацию промышленности. И конечно, на укрепление армии.

— М-да!

— Оживляю культуру. Расширяю контакты с Западом. Усиливаю наше мирное проникновение на Запад.

— Пойдите!

— Выжидаю момент, когда Запад запутается в своих противоречиях и погрязнет в своих делишках в Азии, Африке, Латинской Америке.

— И?

— И оккупирую Финляндию, Швецию, Норвегию, Австрию, Голландию, Данию, Бельгию.

— ?!

— Францию и Италию тоже.

— Как вы смеете?!

— А почему бы нет, раз есть возможность?

— Но это же Мировая война!

— Ну и что? Рано или поздно война будет все равно.

— Но это же бесчеловечно!

— Но я же — воображаемый всесильный советский руководитель!

— А что вы сами думаете по этому поводу?

— Советские руководители не настолько умны и решительны, чтобы принять такую стратегию. Так что спите спокойно. Советский Союз и впредь будет тащить на себе груз нынешней глупой внешней политики.

— На чем базируется ваша программа как воображаемого руководителя?

— Когда боксёр готовится к решающему матчу, он сбрасывает лишний вес, укрепляет мускулы, концентрируется психологически на Предстоящем сражении и на предполагаемом противнике. Это же очевидно.

— Да, это очевидно.

Я защищаю Европу

— Ну а если бы вы были западным политиком, обладающим реальной властью? Что бы вы сделали в защиту Запада?

— Попытался бы помешать советскому руководству перейти к той стратегии,

какую я изложил выше. Постарался бы взвалить на СССР новые непосильные расходы в мировой активности, вовлечь в новые хлопоты. Усилил бы гонку вооружений. Мешал бы преодолению внутренних трудностей в стране.

— Это очевидно.

— Да. Но тут одно не очевидно.

— Что именно?

— То, что все это очевидно.

Преимственность поколений

— Поразительно, — говорит Циник, читающий русскую эмигрантскую газету. — На сто девяносто шестом году жизни скончался поручик Лейб-гвардии Его Императорского Величества Семеновского полка.... Смешно! Сто девяносто шесть лет, а всего — поручик!

— Не сто девяносто шесть, а лишь девяносто шесть, — поправляет Нытик.

— Все равно смешно. Неужели эти мумии ещё надеются вернуть прошлое?

— Эту газетёнку делают молодые люди. Они не надеются ни на что, но готовы изображать надежду на что угодно, лишь бы за это платили.

За деньги я бы тоже согласился.

Демократия

— Внимание! Начинается передача о гомосеках!

— Совсем сдурели!

— Гомосексуалисты тоже имеют право на существование.

— Гомосексуализм способствует разрушению семьи и подрывает основы общества, так что общество имеет право от него защищаться. К тому же гомосеки составляют ничтожное меньшинство населения.

— При демократии и меньшинство имеет право существовать.

— Смотря какое меньшинство. Гангстеры и террористы тоже в меньшинстве. Демократия не есть свобода всего. Это есть лишь определённая форма политической организации общества. Это — правовое общество. Какое меньшинство имеет право на существование, должно решать большинство.

— Те гомосеки, которых мне приходилось видеть, все были жуткой мразью. Но если они хотят существовать, пусть существуют.

— Но они хотят большего. Они навязывают себя обществу, привлекают к себе внимание и вовлекают в сферу своих интересов нормальных людей. Общество, повторяю, тоже имеет право защищаться от этой заразы. А вообще говоря, обсуждение проблемы гомосексуализма в терминах демократии есть оплошление последней.

— А можно ли наших советских гомосеков считать борцами за права человека?

— А чем они хуже религиозных сектантов?

— И все равно советский строй — дерьмо!

Вести с Родины

Передачу о гомосеках сменила передача о Советском Союзе. Это значит, что здесь отношениям с Москвой придадут большое значение. Сбежались все обитатели Пансиона. Смеёмся, охаем, ругаемся, узнаем знакомые места. Вот западный журналист берет интервью у «простого рабочего».

«Идиот! — кричат все в один голос. — Это же кагэбэшник, за версту видно!» — «Мы все выглядим как кагэбэшники, — вздыхает Нытик. — Когда вас (это к Энтузиасту) показывали по телевидению, тут все были уверены, что вы — агент КГБ». Потом все же показали московские очереди, сказали о продовольственных затруднениях и о новых арестах. И мы успокоились: все идёт нормально. Интересно, стоило на короткое время оторваться от Родины, как уже начинает казаться, что там все пошло по-другому, хотя сам твёрдо знаешь, что по-другому там не будет никогда и ни при каких обстоятельствах. Чуть лучше или много хуже, но не по-другому. Причём люди боятся не столько ухудшения в стране, сколько улучшения. И это понятно: если улучшение, эмиграция теряет смысл. Стоит советским властям улучшить положение в стране (к чему они, к нашему счастью, не способны), как настроение в эмиграционной среде резко ухудшится. Единственное, что даёт здесь ей духовную опору, — это сознание того, что в Советском Союзе «ничего жрать и сажают пуще прежнего». Второе теперь явно ложно: сажать уже некого. А если в Союзе произойдёт радикальное улучшение жизненных условий, на Западе начнётся психологическая и идеологическая паника. Наконец сообщили о повышении цен на продукты питания в Союзе. Какое началось ликование!

Вести на Родину

Пришёл Художник, гордый и неприступный: ему удалось выставить несколько своих работ в захудалой галерее. Сомнительно, что кто-то купит их — здесь такого добра своего навалом. А в Москву он напишет так, будто ему устроили выставку в самом Лувре. И его знакомые художники там будут от зависти сохнуть. Писатель тоже описывает своё положение здесь друзьям и родственникам в Москве так, будто он сейчас — в центре мировой литературы. Это ложь. Но попробуй проживи тут без неё. Если бы мне было кому писать в Москве, я бы тоже, надо думать, написал бы ставшее общим штампом признание, что «свобода раскрепощает творческие силы и пробуждает необычайную энергию», изобразил бы свою социологию помойки как вклад в мировую науку.

Социология помойки

Изучение помойки советской эмиграции действительно захватило меня как учёного. По советской эмиграции можно судить о самом советском обществе, породившем эту эмиграцию. Точно так же по отходам человеческой жизни вообще можно с большой степенью точности судить о самих людях и их жизни. Обычную методику наблюдения я обогатил специальными методами. По клочку страницы я научился восстанавливать текст целой страницы, по косвенным намёкам научился докапываться до существенных сведений. Для КГБ эта моя методика была бы великим благом. Можно было бы по крайней мере в десять раз сократить траты на собирание и обработку помоечной информации. Кто знает, может быть, именно на этом пути мне суждено вписать моё имя в историю науки. Но в моей памяти возник образ Вдохновителя и развеял мою розовую мечту.

Наши враги

— Твой основной недостаток состоит в том, что ты — прирождённый первооткрыватель, — говорил Вдохновитель. — Между прочим, это хорошо, что таких людей на свете мало.

— А что в этом плохого?

— Если бы таких было много, то от земли давно один пшик остался бы.

— А что в этом плохого?

— Действительно! Я об этом как-то не подумал. Но вернёмся на землю. Я думаю, что ты уже извлёк урок из своего жизненного опыта здесь и не будешь проявлять этот свой недостаток там. Помни аксиому нашей профессии: агент не творец, а разрушитель.

— Я это знаю. Я ведь думаю обо всем этом просто так, для развлечения.

— Не финти. Меня ведь не проведёшь. Я сам ещё в худшем положении. Я же вижу сам, что нашему руководству достаточно сделать несколько очень простых ходов, чтобы эту игру выиграть. Выиграть спокойно, бесшумно, без сенсаций. Но я знаю сущность нашей системы и нашего руководства. Они не способны на такие ходы. Если бы я сейчас изложил высшим руко-водителям свой план, доказав его утверждения как теоремы, мне все равно не поверили бы. Ещё хуже того: мне просто не дали бы высказаться. Если бы даже все были уверены в моей правоте, мне заткнули бы глотку прежде, чем я начал бы говорить. Потому нам надо хитрить. Надо сначала перехитрить своих, чтобы потом перехитрить чужих. Другого пути, брат, нет.

— Запад нам пока не враг, а поле нашей деятельности, — продолжал Вдохновитель. — Наши враги пока — наше собственное руководство и наши собственные агенты на Западе. Первые не способны подняться на уровень научного понимания действительности и научно обоснованных политических расчётов. Вторые по-советски выполняют наши планы, т.е. халтурят, обманывают, занимаются не тем, создают видимость дела. Вот тебе характерный пример. Из одного западного государства выслали как шпионов

сразу несколько десятков наших сотрудников посольства, консульства, торговых представительств и культурных обществ. Сенсация мировая. Гневные статьи. Протесты. Демонстрации перед нашими представительствами. Неслыханная ранее антисоветская кампания. Это то, что лежит на поверхности и бросается в глаза. Наши руководители в панике. Одно секретное совещание за другим. Куча народу потеряла свои посты. Резолюции. Приказы. Инструкции. Одним словом, тоска зелёная. Наша агентура завалила Москву своими сообщениями в том же духе. А что в это время происходило в глубине событий и что можно было обнаружить и оценить лишь средствами науки? А вот что. Немного терпения и несколько малозначащих жестов (например, намёк на то, что высшее руководство осуждает поведение некоторых ответственных лиц, и смена этих лиц) — и многие фирмы, сотрудничество с которыми нам было очень важно, подписали бы с нами контракты. Важные особы в государственных и военных учреждениях этой страны дали понять, что они готовы работать на нашу разведку. Но нашу оценку ситуации разгромили, наш проект эффективного использования этой внешне скверной ситуации отклонили, наши агенты на местах повели себя так, что сорвали вербовку упомянутых лиц. Итог — огромный ущерб для нашей страны не только на поверхности исторического процесса, но и в глубине его. Я мог бы привести тебе примеры, когда кажущийся внешний успех был связан с реальными скрытыми потерями. И таких случаев — сотни. Мы изучили их, выработали строгие теории, подтверждаемые фактами и практически не знающие исключений. А как к этому относятся и как используют? Лучше не говорить. Наша операция по подчинению Западной Европы должна проводиться на уровне математически точных расчётов. Как космические полёты. И в принципе может. Но...

Мы — враги

— Но наше положение трагично, — говорил Вдохновитель. — Ты сам не хуже меня знаешь, кто является самым опасным врагом нашего строя: настоящий советский человек, который мог бы своё дело делать лучше других. Он становится опасным для этих других, и они выталкивают его на роль врага всего общественного устройства. Наиболее опасен для советского строя не тот, кто использует удобную ситуацию и вылезает в оппозиционеры, а тот, кто самим обществом вынуждается быть его врагом и насильно выталкивается на эту роль. Сейчас отличить таких настоящих врагов советского строя от мыльных пузырей диссидентства довольно трудно. Но когда эти пузыри лопнут, может быть, кое-что прояснится. Нам надо ухитриться не стать врагами того дела, в которое мы вложили свои души.

Сооружение

Моё Сооружение начали облицовывать какими-то плитами. Они временами сверкают, как зеркала, — временами становятся голубыми, временами — золотистыми. Беспорядочное переплетение блоков и цилиндров обретает строгие формы. Теперь я поражаюсь дерзости архитекторов, решившихся на такие формы. В Москве такое ни за что не разрешили бы.

Допрос

— Как КГБ может использовать вас?

— Скорее всего, никак.

— Почему?

— В силу их внутренних отношений. Им нужна фикция дела, а не реальное дело. И таких, как я, слишком много. Использовать каждого индивидуально невозможно физически.

— А если вас все-таки попытаются использовать?

— Если вы допускаете такую возможность, перехватывайте инициативу. Что вам мешает?

— Наши собственные внутренние отношения. И вас таких слишком много. Мы тем более не можем использовать каждого индивидуально.

— Неплохо сказано. Один — ноль в вашу пользу.

«Центр»

«Центр» утверждён. Кем? Здесь же нет ЦК! Очевидно, тем, кто будет давать деньги. Директором будет Профессор, заместителем — Дама. Энтузиаст считает, что им потребуется профессиональный социолог, а тут никого нет, кроме него. Просит походатайствовать за него. Он готов взять на себя руководство отделом, изучающим советское диссидентство. Готов редактировать журнал: «Центр» наверняка будет выпускать журнал.

Я сомневаюсь в том, что меня возьмут в «Центр», — профессионалу не место в обществе шарлатанов. Но я хотел бы попасть туда. Все-таки какая-то работа. Зацепившись в «Центре», я потом мог бы подыскать место получше.

Нытик тоже просит устроить его в «Центр». Его претензии минимальны: он готов работать сторожем, уборщиком, курьером.

День рождения Писателя

Писателю исполнилось шестьдесят лет. Вся мыслящая часть эмиграции собралась в его квартире. Ели, пили, кричали, как в Москве. И трёп был вроде московского — обо всем на свете, хаотический, местами мудрый, а в целом

нелепый.

— Уровень жизни у них высокий, это у них не отнимешь.

— Это как раз у них можно отнять.

— Будущее Запада зависит от молодёжи.

— Очень мудро. Я иду дальше: оно зависит от младенцев.

— Без шуток! Посмотрите на западную молодёжь! Распущенность. Истеричность. Идеологический хаос. Бунтуют против потребительского общества, а в глубине души сами хотят иметь все, но сразу и без труда.

— Вполне здоровое желание. Я бы тоже не отказался.

— Зажрались, сволочи. Если бы нам хотя бы половину того, что они имеют!..

— Мы видим идеал будущего не во времени, а в пространстве — на Западе.

Ждать во времени слишком долго, а в пространстве можно прийти и взять.

— Когда на каждого западного гражданина будет приходиться два советских шпиона, тогда сами отдадут.,

— Тогда западные люди будут за продуктами в Москву ездить.

— Удивляюсь, почему тут не умеют обнаруживая наших шпионов. Это же так просто: по роже.

— У них демократия. Если ты по паспорту не китаец и нельзя формально доказать, что ты китаец, то ты не китаец, будь ты хоть сам Мао Цзэдун. По роже ты можешь быть самым шефом КГБ. А если согласно бумажке ты диссидент, то ты диссидент.

— Я наблюдал сегодня демонстрацию, — говори Писатель. — Любопытное зрелище. Надо бы описать типичного демонстранта, его психологию и обстоятельства его жизни.

— Попробуйте, — говорю я. — Но если вы выделите те отдельного демонстранта и попытаетесь проанализировать его как нечто индивидуальное, вы вынуждены будете оставить без внимания сам факт его участия в этой демонстрации, его принадлежность к этому разнородному и временному скоплению людей. Если же вы будете рассматривать отдельного демонстранта именно как представителя этого скопления людей, вы вынуждены будете оставить без внимания именно его индивидуальные свойства и обстоятельства.

— Вы думаете, такие явления не заслуживают внимания?

— Заслуживают, но в меру. На такую демонстрацию, например, хватило бы нескольких строчек в описании чего-то другого, допустим — в описании переживаний такой личности, как вы сами.

— Вы, пожалуй, правы. Мои личные впечатления от этой демонстрации важнее для литературы, чем психология участников демонстрации.

— Отразить психологию участника демонстрации через психологию человека, который не имеет ни малейшего представления о жизни и психологии этого участника демонстрации, — на такое способны только члены Союза советских писателей.

Я люблю такой наш ни к чему не обязывающий трёп. Никуда спешить не надо. Время для тебя — совсем не деньги, а ничто. Уходи, время, прочь, теряйся бессмысленно! Бессмысленно ли? Без прибыли — да. Но не бессмысленно. Это — наша жизнь. Жизнь вообще есть лишь потеря времени.

По домам расходимся уже утром. Солдаты особого батальона ещё спят. В парке усердно бегают толстые немцы — сбрасывают лишний вес. Немцы

вообще гениальный народ. Если они за что-то берутся, то делают хорошо и всерьёз. Сейчас они сбрасывают лишний вес. За полгода они все вместе уже сбросили вес населения целой прибалтийской советской республики.

Мы и Запад

Энтузиаст сделал попытку попасть на приём к Президенту. Ему долго морочили голову и в конце концов отказали. Он взбешён. Орёт, что такого бюрократизма даже в Москве нет, что если бы он захотел встретиться с Брежневым, то рано или поздно добился бы этого. Слушая вопли Энтузиаста, я вспомнил про один из методов приёма посетителей высшими лицами нашей страны, который был придуман психологами нашего института. Жаждущему аудиенции назначают день и час приёма. Его встречает один из помощников Высшего Лица и вежливо просит пройти в другую комнату. В этой комнате нет никаких портретов, нет окон. Только стол и два стула. Помощник Лица вежливо предлагает посетителю присесть и изложить суть своей просьбы или жалобы, прежде чем идти к Лицу. Тот с энтузиазмом рассказывает. Выслушав, Помощник предлагает Посетителю пройти в другую комнату. Точно такую же, как и предыдущая. Там точно такой же Помощник просит Посетителя изложить суть его просьбы, прежде чем идти к Лицу. Посетитель повторяет, но уже с меньшим энтузиазмом и не с такими подробностями. Затем Помощник ведёт Посетителя в следующую комнату, где его ждёт та же процедура. Обычно на третьем этапе Посетителя охватывает ужас, и он просит его отпустить домой. Его отпускают. Редко кто дотягивает до пятой комнаты. Комнат, между прочим, всего две. И всего два Помощника. Но посетитель уже на третьем этапе теряет способность идентификации людей и вещей.

Недавно мне об этом методе с ужасом рассказывал один советский диссидент в Москве. Я сделал вид, будто слышал об этом впервые, и посоветовал диссиденту разоблачить «эту преступную систему». Он сказал, что, к сожалению, нет никаких формальных доказательств существования её. И он был прав. Никто из тех, к кому был применён этот метод, не проболтался о нем. Почему? Да потому что этот метод мы рекомендовали применять лишь к интеллигентам. Рабочего и крестьянина такой «тонкой психологией» не проймёшь. К ним применяются методы попроще, например — метод двойников. В сталинские времена, рассказал мне один старый «бухарик», трудящиеся с особой охотой рвались на приём к Будённому и Ворошилову. Однажды и он попробовал попасть к Будённому с просьбой улучшить жильё. Сопровождавший его чиновник был пьян, и вместо комнаты, где его должен был принять Будённый, завёл его в комнату, где дежурило штук двадцать «Будённых». Они пили пиво, играли в шашки, «забивали козла», ругались матом и хохотали. Это было самое жуткое зрелище, какое «бухарику» приходилось видеть в жизни. Его первым делом избили, а затем отвезли в сумасшедший дом. Когда он оттуда вышел через пару лет, его рассказу никто не поверил.

Сооружение

Моё Сооружение облицевали больше чем наполовину. Красота получается необыкновенная. Это будет самое красивое здание изо всех, виденных мною. Я с нетерпением жду, когда оно будет закончено. Теперь я угадываю его будущий вид в деталях, и мои предвидения сбываются. Задумаю, например, что такую-то часть надо закрыть, а в таком-то месте надо дать такую-то облицовку, как на другой же день мои пожелания точно исполняются. Я разгадал замысел строителей. И я уже предвижу, как будет выглядеть Сооружение в завершённом виде. Это будет материализованная сказка.

Признание Шутника

— Я весь мир объездил, — говорит Шутник. — Насмотрелся на нашего брата и на наше влияние в мире. Должен признать, что мы — носители страшной эпидемии. Ещё немного, и мы заразим мир так, что за сто лет не вылечиться. Мы заражаем мир цинично, последовательно, систематично, с сознанием делателей великого прогресса. Мы несём болезнь как высшее здоровье. Мы фактом своего существования придаём всем западным подонкам уверенность в том, что они естественны и что будущее за ними. У меня с каждым Днём растёт ненависть к нам самим.

Мы проходим по мосту. Солдаты особого батальона выскакивали из своих лодочек и с воплями лезли на берег. На сей раз они были с оружием: у них было серьёзное боевое учение. «Я, — сказал Шутник, — служил в армии. У нас аналогичные вещи делаются не лучше. Может быть, ещё хуже. Но не в этом дело.. Здесь халтурят всерьёз. А мы серьёзные дела делаем халтурно. Западные Армии, как бы они ни важничали и ни серьёзничали, все равно производят впечатление опереточных. Советская Армия, несмотря на нелепости, халтуру, глупости, очковтирательство и прочие общие качества советского явления, есть армия настоящая, армия для убийства других и для своей собственной гибели ради убийства других. Советский Союз есть вообще огромная армия, которая всем строем нашей жизни готовится к нешуточной войне. Я не хочу, чтобы она победила».

Я вычеркнул Шутника из моего списка советских агентов. Если дело и дальше так пойдёт, кто останется в списке?

Наши проблемы

— Мы можем заслать на Запад тысячи агентов, говорил Вдохновитель. — Цена каждому из них по отдельности — грош. Но в системе...

— Ты же знаешь, что советский тип системы не способен долго сохранять высокий уровень организации.

— Где же выход? Как добиться того, чтобы система из ненадёжных элементов была достаточно надёжной?

— Один из методов для этого — иерархия систем с постепенным переходом от полностью неорганизованного множества к полностью организованному на вершине пирамиды.

— Знаю. Теоретически это доказано. Но надо попробовать осуществить это на практике. Это будет первый эксперимент такого рода. И вклад в н., у, само собой разумеется.

Я никогда не придавал серьёзного значения моим разговорам с Вдохновителем. Это были разговоры, имевшие (с моей точки зрения) цель в самих себе. Поболтали, более или менее приятно провели время, и дело с концом. Но ведь такие разговоры вели и ведут многие тысячи людей. И они в конце концов имеют следствием какие-то действия людей. Доказательство тому — десятки тысяч наших агентов на Западе. И я тоже здесь. И надо думать, не для сомнений и самоанализа, а для реального дела.

— Помяни моё слово, — говорил Вдохновитель, — мы создадим такую агентурную сеть на Западе, что даже через тысячу лет историки будут дивиться, как это мы ухитрились из такого дерьма слепить такое грандиозное здание. Если мы выиграем будущую войну, — а мы должны её выиграть, — то в первую очередь не благодаря танкам и ракетам, а благодаря нашей агентуре. Будущая война будет прежде всего войной шпионов. И мы суть её подлинные солдаты и генералы.

Не иметь

На улицах полно молодых красивых женщин, готовых отдаться в любую минуту, причём задаром. Но ни одна из них не принадлежит мне. Надо иметь некоторый минимум денег, чтобы иметь женщину, доступную и без денег. Если у тебя нет денег, это заметно во всем твоём существе. И женщина, готовая отдаться без денег любому существу с деньгами, не отдастся тебе по той причине, что в тебе нет денежной субстанции. В Москве аналогичную роль играет социальное положение индивида. Женщины чувствуют эту субстанцию в мужчине и отдаются безвозмездно самой этой субстанции, как таковой.

Мой интеллект, приносивший мне победы над московскими женщинами и составлявший часть субстанции моего положения, здесь не стоит ломаного гроша. Тут даже от себя нужно доплатить, чтобы кто-то согласился заметить твой интеллект. Интеллект здесь становится капиталом лишь на основе капитала, подобно тому, как в Москве он превращался в нечто социально значимое только на основе некоторого социального положения. Умник без денег здесь, на Западе, подобен умнику без должности в Москве. В Москве я считал себя распутником. Здесь я чувствую себя целомудренным. Оказывается, наше отношение к сексу определяется не столько нашей сексуальной практикой, сколько всей системой нашего отношения к жизненным благам.

Война и мир

Как сообщили в газетах и по телевидению, военные учения прошли успешно, несмотря на трудные погодные условия, — моросил дождь. Один солдат утонул, поскользнувшись на камнях, которые были мокрыми из-за дождя. Состоялась многотысячная демонстрация в знак протеста против жертв учений (как это понимать?) и против милитаризации страны. Демонстранты несли лозунги, глядя на которые можно было подумать, что их утвердили в Москве в ЦК КПСС. Чаще всех мелькал лозунг «Лучше красный, чем мёртвый». Тысячи юношей призывного возраста жгли регистрационные (не призывные, а всего лишь регистрационные) повестки перед зданием военного министерства. В схватке с полицией было убито два полицейских и около двадцати полицейских было ранено. Интересно, что в схватке участвовали главным образом лица, не имеющие никакого отношения к призыву молодёжи в армию. И призыва-то никакого не было. Один тридцатилетний «студент», приехавший сюда с севера страны специально с намерением принять участие в борьбе с «фашистами», попал под автобус, удирая от полиции. Хотя очень возможно, что это он убивал полицейских, по всей стране его рассматривают как жертву полицейского произвола. Похороны «жертвы» будут превращены в грандиозную демонстрацию. В город уже съехались десятки тысяч людей со всех концов страны.

Наши возможности

Встретил Даму с Седым. Дама с Мужем (и Седой, конечно) на вечере у Писателя не были — они занимают в эмигрантской иерархии более высокое положение. Положение Дамы с Мужем здесь соответствует уровню партийных руководителей областного масштаба в Союзе. Седой тянет, очевидно, на уровень важной персоны в аппарате ЦК или КГБ. А Писатель и самые именитые его гости котируются в лучшем случае на уровне профессоров, полковников, работников райкома партии и заведующих магазинами.

Дама и Седой обрадовались мне, как радуются старому другу, которого долго не видели (и которого, к счастью, больше не увидят совсем). Я не придаю этому глубокого смысла, так как это тоже в натуре гомососа — иногда проявлять радушие к существу, которое не любят и не хотят видеть. Мы решили «посидеть в ресторанчике». Столик заняли в самой глубине ресторана, у стенки. Седой по старой шпионской привычке сел так, чтобы у него за спиной не было никого, но чтобы он видел весь зал и всех входящих и выходящих. Заказывал Седой. Заказал самое дешёвое — это явно результат тлетворного влияния Запада. А мог бы и по-московски шикануть, подумал я. Ведь все равно возьмёшь счёт и «фирма» оплатит тебе этот «служебный расход». Шутник рассказывал, что тут есть своя техника мелкого жульничества. Например, можно получить счёт на сумму вдвое больше потраченной, дав официанту несколько марок за это.

— Что вы скажете по поводу этих «волосатиков»? — спросил Седой, кивнув

на группу волосатых молодых людей, ввалившихся в ресторан. — Каковы причины происходящих молодёжных беспорядков?

— Недавние военные учения. Но это лишь предлог, а не причины. Причины тут искать бессмысленно. Несколько дней назад группа молодых людей заняла пустой дом недалеко от Пансиона. Какова причина этого явления? Жилищный кризис? Да о таком «кризисе» мы в Москве мечтать не смели. Я разговаривал с «захватчиками». Знаете, они охотно дают интервью и позируют для телевидения. Одна девочка приняла участие в этом деле потому, что её любовник прихватил её с собой. Другая девочка — единственная дочь богатых родителей. У них большой дом. Среди них я не заметил ни одного студента, который старательно учился бы. На мой вопрос об этом они рассмеялись. Одному студенту уже за тридцать. И он вряд ли окончит университет. Короче говоря, можно отыскать некие причины, заставившие того или иного отдельного человека оказаться вовлечённым в это дело. Но невозможно сделать это для явления в целом. Между прочим, полиция решила на сей раз не трогать «захватчиков». К утру они все куда-то испарились. В таких случаях люди нуждаются во внимании. Безразличие порой убивает такие движения. Они хотели спровоцировать сражение с полицией, чтобы привлечь к себе внимание. Такие сражения опасны лишь для полиции, а не для «бунтарей». Тут другое более интересно.

— Что именно?

— Наличие избыточного человеческого материала для массовых явлений такого рода и исключительно благоприятные условия. Никакого комсомола. Никакого КГБ. Либеральная полиция. Транспорт, одежда, еда, климат, демократия, внимание прессы... Число людей, которым нечего делать, которые не хотят трудиться, которые скучают и жаждут острых ощущений, здесь огромно. Особенно молодёжь. Стремление к созданию стихийных объединений огромное. А для многих общественные беспорядки суть времяпрепровождение, бизнес, самоутверждение.

— И что отсюда следует?

— Этой массой людей легко манипулировать. Если дать им цели и умело направить, можно серьёзные делишки проворачивать. Например, сорвать строительство атомной электростанции или военного аэродрома, помешать призыву молодёжи в армию и созданию новых ракетных установок... В принципе для любой заранее заданной цели можно организовать массовое движение. Достаточно проявить инициативу и минимум организаторских усилий. Достаточно нескольких часов, чтобы организовать «стихийную» демонстрацию или бунт с участием нескольких сот человек. За неделю можно организовать демонстрацию тысяч в десять участников. За месяц можно подготовить буквально ураган демонстраций и бунтов. Вы знаете о беспорядках в Ф.? Лишь пять процентов участников — местные жители. Остальные съехались со всех концов страны в три дня. Разумеется, с увеличением масштабов «скандалов» нужно повышать и социальный состав участников, а также уровень прессы. Для «скандальчика» с участием десятков тысяч людей нужно заранее подготовить телевидение, парламентские дебаты, интервью с именитыми персонами. Надо, конечно, привлечь писателей, профессоров, попов и прочих любителей паблисити и игры в духовных

лидеров. Это не проблема. Многие из них от себя готовы приплатить, лишь бы к ним проявили внимание.

— Вы, я вижу, невысокого мнения о них?

— Интеллектуальный уровень любых массовых движений очень низок. Уровень вождей таких движений адекватен уровню масс: иначе вождём не станешь. Ум вождям нужен лишь для того, чтобы суметь превратиться в дурака, соответствующего массе дураков, и чтобы завоевать возможность говорить глупости с умным видом.

Официантка принесла счёт. Седой тщательно его изучил. «Здесь без этого нельзя, — сказал он. — Тут мелочный педантизм уважают». Убедившись в том, что все правильно, Седой попросил «квитунг» с печатью и с указанием того, что это — «служебные расходы».

Когда мы покидали ресторан, по улице с воплями неслась толпа молодёжи, громя витрины, опрокидывая столики у кафе. Молодые люди из нашего ресторана тоже сорвались с мест, не заплатив, выбежали на улицу и помчались вместе со всеми. Ко мне кинулась незнакомая собака и облобызала меня. Потом появился разгневанный хозяин собаки и обругал меня.

Собаки

Местные собаки довольно часто реагируют на меня совсем не так, как их хозяева. Завидев меня, они издали кидаются ко мне, рвутся с поводков. Если им удаётся сорваться с поводков или добежать до меня, прежде чем их остановят хозяева, они лижут мне руки и лицо, смотрят в глаза, радостно повизгивают, улыбаются. Хозяева сердятся, отзывают и оттаскивают их от меня. Они сопротивляются, жалобно скулят и потом ещё долго оглядываются на меня. И я рад им. Мы понимаем друг друга. Как только устроюсь, первым делом заведу собаку. Но такую, как я сам, — без поводка.

Люди

— Не забывай о таком важнейшем факторе истории, как наступление Жёлтого и Чёрного Мира на Мир Белых, — говорил Вдохновитель. — Только мы способны защитить Мир Белых от этой опасности. Потому нам по праву истории надлежит покорить Запад. Покорить, чтобы спасти. Если Запад не покорится нам, он погибнет. Покорившись, он потом возродится снова. Покорив Запад, мы сами покоримся ему, — это общий закон преемственности цивилизации. Надо, брат, мыслить большими историческими отрезками. Не днями и годами, а эпохами.

— Ты идеализируешь нашу роль, — возражал я. — Ты не учишь нашу природу нашего общества и нашего человека. Я знаю, что из себя представляет наше общество: гнусное общество. Я знаю, что из себя представляет гомосос: гнусное существо. Мы не в силах изменить своё болото и изменить самих себя, приспособленных жить в этом болоте. Мы в силах лишь избрести

спасительную ложь о своём болоте и о самих себе и навязать эту ложь всем. А чтобы эта ложь была на века, нам нужно уничтожить материал для сравнения — уничтожить прекрасные житейские реки, озера, моря. Таким нам представляется Запад. Его существование раздражает нас, причиняет нам страдания. У нас один путь возвыситься над ним: принизить и разрушить его. Мы можем спасти Запад от Жёлтой и Чёрной Опасности, навязав ему наш Мир, но не Белый, а Серый.

— Красный, ты хочешь сказать.

— Какая разница? Красный — значит серый.

— Это тоже общий закон истории, подтверждённый многочисленными фактами и не знающий исключений. Самые могучие деревья вырастают все-таки из земли. Самые яркие цветы имеют корни в земле. Согласен, мы — грязь, навоз и прочее. Но мы — почва. Пойми, Запад сам навязал себе ограничители, которые он уже не в силах преступить: гуманизм, демократия, права человека... А мы не будем церемониться ни с кем — ни с чёрными, ни с жёлтыми, ни с красными. Если будет нужно, мы не остановимся ни перед чем. И Запад это знает.

«Центр»

О создании «Центра» объявлено в печати. Профессора при этом произвели в члены Академии наук СССР (в бывшего, конечно), хотя он не был даже настоящим профессором. Даму произвели в профессора. Они, конечно, это враньё не опровергают. Я никаких предложений насчёт работы в «Центре» не получил. Не получил даже личного приглашения присутствовать на торжественном открытии «Центра». Энтузиаст такое приглашение получил. Смотрит на всех свысока. Рад, что меня не взяли в «Центр», и не скрывает своей радости. Говорит, что хотя я и являюсь профессиональным социологом, но в Москве «это дело» поставлено так плохо, что он, Энтузиаст, «разбирается в социологии фактически лучше, чем все советские социологи, вместе взятые» (это его собственные слова).

В Пансионе идёт бурное обсуждение проблемы «Центра».

— Этот «Центр» — подарок для КГБ.

— Как раз наоборот.

— Верно, подарок от КГБ.

— Не занимайтесь софистикой.

— Организовали бы лучше особый центр «Советский образ жизни». Жизнь в нем организовать, как в Советском Союзе. Путёвки туда продавать. Успех был бы бешеный.

— Сомневаюсь. Западные люди и без этого могут в любое время ехать в Советский Союз. Путёвки дешёвые.

— И смотреть то, что им покажут. И жить в особых условиях. А тут — жить так, как живут советские люди.

— Я тоже сомневаюсь в успехе такого центра. Чтобы в полной мере ощутить советский образ жизни, даже года мало. И даже порой десяти лет мало. И потом, посетители центра будут там жить с надеждой скоро покинуть центр. А

настоящий советский образ жизни исключает всякую надежду вырваться из него. Как вы учтёте в таком центре выращивание и устройство детей, карьеру, образование?

— Зачем особый центр, если проще правдиво описать жизнь в Советском Союзе...

— Правдиво никогда не проще. И на таком описании денег не заработаешь. А тут здорово нажиться можно.

— В таком случае по законам бизнеса надо обманывать. Чтобы такой центр принёс доход, нужно, чтобы людям было приятно жить в нем в условиях ужаса. Значит, ужас должен быть декоративный.

— Верно. Я об этом и говорю. Чтобы люди жили не в Советском Союзе, а как бы в нем.

— Вот и этот «Центр» будет изучать не Советский Союз, а как бы Советский Союз.

Откровенный разговор

К нашему разговору прислушивался незнакомый человек. Когда мы замолчали, он попросил меня уделить ему несколько минут. Он хочет побеседовать со мной наедине. Не для печати, а для личного пользования. Я сказал, что предпочёл бы для печати. Он пропустил мои слова мимо ушей и попросил объяснить, чем мои взгляды отличаются от взглядов прочих советских эмигрантов.

— Прежде всего тем, что у меня есть взгляды, а у них таковых нет, — сказал я.

— А во-вторых?

— В главной ориентации сознания. Западные советологи и журналисты совместно с советскими оппозиционерами и «критиками режима» придумали новую ложь о Советском Союзе вместо лжи официальной. И эта новая ложь служит властям так же хорошо, как и ложь официальная.

— Не понимаю. Каким образом критика советского режима может служить режиму?!

— Потому что это — тоже дымовая завеса, только Другого цвета. А цвет дымовой завесы, скрывающей реального атакующего противника, не играет роли.

— А где гарантии, что ваши слова — не дымовая завеса?

— Ваш здравый смысл. Отбросьте предрассудки. Думайте сами. Истина проста, если вы сами возьмётесь за ум. И кроме того, истину говорят только одиночки. А я — одиночка.

— Вы сказали об атакующем противнике. Что вы имеете в виду? Будущую войну?

— Нет, уже начавшуюся атаку Советского Союза на Запад. Пока — мирное проникновение массы советских людей в тело Запада. Последняя эмиграция...

— Но это же несерьёзно. Все эти люди на учёте. Доступ их к жизненно важным пунктам общества закрыт совсем или ограничен.

— А им никакого доступа не нужно. Они уже принимают активное участие в создании дымовой завесы. А главное — само присутствие в теле врага...

— Что они могут сделать?

— Посчитайте, сколько нужно сил для контролирования и изолирования одного человека в условиях нормальной жизни страны. А для десяти? А для тысячи? А для сотни тысяч? Обратитесь к математикам, которые занимаются социальными проблемами, и они вам подсчитают, сколько нужно для «пятой колонны», которая может в случае чего деморализовать эту страну.

— Вы думаете, в Советском Союзе это уже подсчитали?

— Конечно.

— И осуществили на деле?

— Близко к этому, во всяком случае.

— Извините, но это фантазии.

— Попробуйте предайте мои «фантазии» гласности или хотя бы привлеките к ним внимание в тех кругах, которые...

— Это трудно. Нужны серьёзные данные, чтобы...

— А для распространения дымовой завесы никак серьёзных данных не нужно.

— Но тут фактов больше чем достаточно.

— Фактов можно насобирать сколько угодно для любой лжи.

— Скажите, как относится советский народ к оппозиционным явлениям в стране?

— В целом отрицательно.

— Но почему? Ведь критика режима справедлива. Требования оппозиционеров естественны и здравы.

— Смотря с какой точки зрения. С вашей, западной, — да. А с точки зрения советского населения требования оппозиционеров означают требования привилегий, которые недоступны массе населения.

— Ничего не понимаю. Объясните!

— То, что требуют советские оппозиционеры, кажется естественным с точки зрения Запада, где все это есть. Но в массе советского населения, для которой все это недоступно, требования оппозиционеров лишь вызывают раздражение. Лишь небольшая часть населения может быть допущена до этих благ. Естественно, ими пользуются те, кто сумеет урвать кусок, используя своё положение в советском обществе. Но это уже делается по нормам общества, а не вопреки им. Легко возмущаться какими-то фактами советской жизни, сидя здесь, на Западе. А вы попробуйте удовлетворите требования оппозиционеров там, в советских условиях. Легко быть благодетелем и гуманистом за чужой счёт. Будьте благодетелями за свой счёт, тогда, может быть, поймёте, в чем суть дела.

— Но ведь требования диссидентов легко удовлетворить. Например, право на эмиграцию.

— Сколько человек из Советского Союза может принять ваша страна? Насколько мне известно, у вас тут около двух миллионов безработных.

— Это наши проблемы, а не ваши.

— А отношение к диссидентам — наши, а не ваши проблемы. Я вам расскажу одну поучительную историю. В Советском Союзе каждое лето многие миллионы людей посылаются на уборочные работы в деревни. Я тоже не раз ездил. И вот однажды в нашей бригаде появился оппозиционер. Он говорил, что такие поездки в деревню — принудительный, рабский труд, что условия

труда тут ужасные. И ничего не делал в знак протеста. Как вы расцениваете его поведение?

— Мужественный человек. Если бы все последовало ли его примеру, то...

— То продовольственное положение в стране было бы ещё хуже. Для вас этот человек — мужественный борец за свободу, за права человека и прочие красивые вещи. А для нас он был просто паразитом и демагогом. Мы его немного потерпели, а потом выбросили из бригады.

— Как вы могли!..

— Бригаде было поручено определённое дело. А он изображал из себя мужественного и принципиального борца за демократию за наш счёт. Но вот вам другой пример. Вчера по телевидению выступал советский эмигрант. Он красноречиво описывал своё сражение с «режимом» по поводу автомашины. Скажите, желание этого бывшего советского человека иметь автомашину естественно?

— Конечно!

— А знаете, какая у этого человека была зарплата? Чтобы из такой зарплаты накопить на машину, нужно было ждать сто лет. Без шуток: это точно подсчитано. Откуда этот человек взял деньги? А советские люди знают откуда. Для них этот человек есть заурядный жулик. Запад этого не знает. И знать не хочет. Вам не важно, откуда у человека деньги. Вам важно, что они у него есть и что он хочет иметь машину. И машин, между прочим, в Советском Союзе производят не много. Почему эту возможность иметь машину следует предоставить этому зубному врачу, имевшему нелегальные доходы, а не другим, например профессорам, артистам, писателям? У вас есть машина? Так подарите её диссиденту в Москве, жаждущему иметь машину по нормам западного, а не советского общества. А отстаивая право этого человека на машину в Москве, вы тем самым боретесь не за права человека и демократию, а за то, чтобы советское общество выдало этому человеку долю благ, которая ему не положена по нормам советского общества: он её там не заслужил. Вы тем самым боретесь за привилегию для этого человека, против справедливости. И так во всем остальном, включая свободу слова, печати, совести.

— Но должны же мы как-то влиять на советских людей.

— Воздействуя на Советский Союз, Запад преследует свои цели: ослабление своего врага. Метод воздействия — искушение незначительной части населения западными соблазнами и возбуждение её на борьбу с «режимом». При этом рассчитывают не столько на то, что советское общество будет эволюционировать в сторону Запада (это демагогия для маскировки), сколько на то, что оно будет ослаблено изнутри и что Запад займет в нем нечто вроде своей «пятой колонны». Именно в этом состояла сущность западной операции в Советском Союзе, именуемой «Диссидентское движение». Советские власти ответили на это серией своих операций, среди которых важнейшая — операция «Эмиграция». Теперь давайте подводить итоги...

— Я на это смотрю иначе. Вы неправильно понимаете советское общество, советское руководство, советскую оппозицию. Позвольте, я вам объясню...

Мы и Запад

Того самого политического деятеля, о котором говорил Вдохновитель, все-таки убили. Запад в панике. Мои допрашиватели виду не подают, что я их предупреждал об этом, а я не хочу им напоминать сам. Мои мысли работают в другом направлении— Здесь паника. А случись такое в Советском Союзе, реакция была бы противоположной: мол, сплотим ещё теснее свои Ряды, усилим, укрепим, повысим!.. И странно, почему этого заурядного политика возвели в ранг великих? Здесь великие политические деятели невозможны в принципе, ибо их влияние на реальный ход дел ничтожно, власть их незначительна, они подвержены критике, пресса их развенчивает и заземляет, отбор их производится по таким принципам, что они сами больше думают о своём личном положении, чем о положении своих стран.

Шеф спросил меня, что я думаю по поводу этого убийства. «Превосходно удавшийся эксперимент», — спокойно сказал я. «Что за эксперимент?!» — вытаращил глаза Шеф. «Представляете, что тут у вас начнёт твориться, если сразу шлёпнут штук десять таких „великих политиков“, — сказал я без всяких эмоций. Шеф ничего не ответил. „Между прочим, Советский Союз начнёт войну против Запада, — сказал я, — когда тут выпадет снег. Запад будет парализован — и...“ Шеф ушёл не попрощавшись.

Открытие «Центра»

Открытие «Центра» происходило, как отметил в своём вступительном слове Профессор, в торжественной обстановке. В речи Профессора это было единственное место, заслуживающее внимания: это мероприятие очень напоминало торжественное собрание советского учреждения по поводу официального праздника, юбилея, пуска, вступления в строй, вручения ордена или переходящего Красного знамени... Не хватало портретов классиков марксизма и руководителей Партии и Правительства, бюста Ленина, красных знамён и лозунгов. Но мы, годами натренированные лицезреть все эти атрибуты наших торжеств, легко восполнили их отсутствие своим воображением. Наше воображение было подкреплено тем, что собравшиеся бурными аплодисментами и вставанием приветствовали послание «Центру» от Писателя земли Русской. В послании давались чёткие указания «Центру» и всей советской эмиграции (и заодно — президентам всех западных стран, деятелям культуры и рядовым гражданам), что делать и куда вести человечество. Указания сводились к следующим двум краеугольным камням программы спасения Руси, а значит, всего человечества: 1) живи не по лжи; 2) слово «Бог» пиши с большой буквы. Потом зачитали послание Великого Ддиссидента из Союза, которое тоже было встречено бурными аплодисментами и вставанием. В послании говорилось о том, что обстановка чревата последствиями. Потом зачитывали другие послания. Им аплодировали, но не вставали. Сидевший со мною рядом Шутник сказал, что тут не хватает только послания от ЦК КПСС и КГБ. «Не спешите, — сказал я. — Все ещё может

быть». И я не ошибся. Профессор зачитал выдержки из советских газет под соусом «Как наши враги оценивают нашу благородную деятельность на благо...». Когда Профессор делал это, в зале начался шумок, так что пришлось призывать собравшихся к порядку. Дама, исполнявшая в это время функции председательствующего, сказала с упрёком, что тут все-таки не партийное собрание в советском учреждении, можно было бы и потише.

Среди собравшихся можно было увидеть представителей западных разведок и антисоветских организаций. Я заметил, по крайней мере, с десяток человек, относительно которых я на сто процентов был уверен, что они из КГБ, и больше двадцати, насчёт которых моя уверенность была выше пятидесяти процентов.

Затем с обстоятельным докладом о задачах «Центра» выступила Дама. Доклад был заранее заготовлен; она зачитывала его, невольно подражая нынешнему Генеральному секретарю ЦК КПСС. Заметил это не я один. Но было уже несмешно. «Где мы? — спросил меня Шутник. — На партийном собрании?!» — «Берите выше, — сказал я. — На партийной областной конференции по крайней мере».

— Господа, — начала доклад Дама и, довольная, что проскочила опасное место, улыбнулась. — С чувством большой ответственности за судьбы человечества, прогресса и демократии начинает наш «Центр» свою деятельность по...

Обрисовав международную обстановку и ситуацию в Советском Союзе, Дама сделала своего рода отчёт о деятельности советской эмиграции за последние годы (за прошедшую пятилетку, как заметил Шутник). Она отметила, что с каждым годом советская эмиграция наращивает мощь, что сложился многотысячный коллектив борцов против советского режима, что втрое возрос объём антисоветской печатной продукции и в десять раз возросло число встреч, посвящённых антисоветским проблемам, что возросла слаженность в работе различных групп, укрепилось содружество всех трех потоков эмиграции... Успехи с особой силой проявились в том, что... Но, отдавая должное успехам, достигнутым в борьбе с советским режимом (перешла Дама к критической части доклада), бережно подходя к положительному опыту, мы должны в то же время остро, по-деловому вскрывать упущения и недостатки... Необходимо всемерно повышать... Решительно пресекать... Вскрывать имеющиеся резервы... Преодолевать ведомственные барьеры... Чутко относиться к рационализаторским предложениям... Внедрять в дело... Поддерживать почин-Комплексно... Сама жизнь диктует нам новые методы...

— Движимые единым порывом, — выкрикнула Дама в заключение, — мы, советские эмигранты, жертвы советского режима и поборники прав человека, будем твёрдо и последовательно бороться за!..

— Звание предприятия антикоммунистического труда, — закончил фразу довольно громко Шутник.

На нас зашикали.

Мы и Запад

После заседания именитые персоны отправились в ресторан отмечать событие. Конечно, за счёт «Центра», т.е. за счёт местного налогоплательщика. Писателя не пригласили. Он был уязвлён. И вёл себя как московский партийный правдоборец, которого не выбрали в партийное бюро: как обиженный, видящий своё превосходство над окружающими в том, что его обидели.

— Почему они вас не привлекли? — сказал он, заметив меня в толпе неприглашённых. — Это очень странно. Я так старался для вас. Хотя с моим мнением тут тоже не очень-то считаются. Пойдёмте-ка лучше к нам, жена нас покормит получше ресторана.

Солдаты особого батальона на надувных лодках и, как всегда, в ярко-оранжевых спасательных жилетах возвращались в свои комфортабельные казармы.

— Глядите! — воскликнул Писатель. — Что это?!

— Воины.

— Что это на них? — Спасательные жилеты.

— Зачем? Тут же воды по колено.

— Чтобы ближе к боевой обстановке.

— А почему они без оружия?

— Они же западные солдаты. Оружие им ни к чему. Они думают, как бы уцелеть.

— А почему жилеты такие яркие?

— Чтобы противник их издали заметил и прекратил стрельбу.

— Вы шутите?

— Ничуть. Тут всех волнует одна проблема: куда бежать в случае прихода Советской Армии и как наименее выгодным образом капитулировать перед ней.

— Странно. Перед нами никогда не стояла проблема, как жить под немцами. Мы воевали против них. И первым делом мы выбрасывали излишние средства самозащиты — противогаз, каску, штык. Как любил говорить наш политрук, солдат должен иметь с собой только то, что позволяет ему быстрее Добежать до своей гибели.

— Хорошие слова.

— Он погиб, тот политрук. Я был трижды ранен, сражаясь за Советский Союз. Но если бы сейчас Советская Армия ринулась сюда, я пошёл бы добровольцем воевать против неё.

Жена Писателя накормила нас ужином по-московски. Писатель сказал, что это хорошо, что мы не пошли в ресторан: у него от ресторанной еды изжога бывает. Потом мы смотрели по телевизору совершенно пустой, но технически великолепно сделанный фильм. Писатель сказал, что для западного искусства вообще характерно несоответствие формы и содержания. Грандиозно ни о чем — вот его суть. А у нас, в Москве, наоборот: убого о грандиозном.

Когда шёл домой, на улицах не было видно ни одного прохожего. В Москве в это время улицы полны народу. Недалеко от Пансиона со мной поравнялась полицейская машина, некоторое время она медленно двигалась рядом со мной, потом внезапно умчалась на большой скорости. Стражи порядка, очевидно, решили, что я не представляю опасности для их демократического общества.

Суть дела

Ночь проходит без сна. Чтобы скоротать время, вспоминаю разговоры с Вдохновителем.

Не надо преувеличивать мощь нашей агентурной сети на Западе, говорил Вдохновитель. Не надо преувеличивать наше воздействие на Запад вообще. Не надо думать, будто Запад такой уж легковверный, ранимый, беззащитный. Там тоже есть понимающие и деловые люди, занятые «советскими делами». Короче говоря, оставим детективный и идеологический вздор и будем рассуждать здраво и трезво. Запад — это махина. И если эта махина покатилаь в каком-то направлении, то никакая советская политика в отношении Запада и агентура на Западе не способна свернуть её с этого направления. Проблема стоит для нас так: катится эта махина в общем и целом в желаемом для нас направлении или нет, и если да, то что мы можем сделать, чтобы она и дальше катилась туда же, причём — стремительнее, чтобы она сама сметала на своём пути тех, кто хочет воспрепятствовать этому движению. Наша деятельность может иметь успех только в том случае, если она соответствует объективным тенденциям истории — вот в чем суть дела. Нам надо выяснить с полной определённостью, так это или нет. Всякого рода сведений о том, что творится в мире, у нас в избытке. От всякого рода специалистов и знатоков отбою нет. Чем больше сведений и чем больше знатоков, тем меньше уверенности в том, что мы достаточно правильно и глубоко понимаем происходящее. Нам сейчас до-зарезу нужно всего несколько человек, которые способны на такое дело и которые заслуживали бы нашего доверия. Нужны настоящие гении в этом деле.

Предстоит самое великое сражение в истории, говорил Вдохновитель. От него будет зависеть, останемся мы в будущем на века или сойдём со страниц истории как временный зигзаг и курьёз. Мы на карту ставим все. Наши силы не безграничны. Пока ещё можно выбрать путь: либо мы замыкаемся в себе и превращаемся в обороняющуюся крепость, либо мы растекаемся по всей планете и проникаем во все её поры. Выбор пути зависит от того, поймём мы ход истории верно или нет, поверим мы в нашу концепцию её или нет. Сейчас пока мы действуем в силу прошлых установок и по инерции, т.е. вслепую.

А вдруг этот путь ведёт к катастрофе? Мы начинаем терять уверенность и обретать страх. Мы уже не способны довести до конца гениально задуманные и рассчитанные планы. Мы нехотя начинаем их осуществление и охотно бросаем на половине пути. Возьми, к примеру, операцию «Афганистан». Да и операцию «Эмиграция» мы вряд ли доведём до конца. Может быть, у нас хватит выдержки на операцию «Польша». Но она самая примитивная. Да и то там вверху раздаются голоса «прекратить этот шабаш». Сейчас нам нужно нечто аналогичное тому, что в своё время сделали Маркс, Ленин и Сталин вместе. Ирония истории состоит в том, что сейчас такое можно сделать только тайно. Интеллектуальные функции исторического гения теперь могут выполнить только тайный агент вроде тебя и средний чиновник Органов вроде меня. Зато через много лет...

Через много лет, думал я, в качестве гения такого рода будет признан тот, кто в подходящий момент выскажет хотя бы сотую долю того, что может высказать сегодня настоящий гений. К тому же для нас проблемы выбора пути тоже уже нет: мы обречены на то, что происходит независимо и порою помимо нашей воли. И гений тут нужен лишь на то, чтобы удовлетворить своё праздное любопытство. Я его удовлетворил вполне. Мне все ясно, причём на много веков вперёд. Наконец, гений в наше время есть объединение многих посредственностей, выполняющих примитивные функции. Нынешние компьютеры — вот материализация гения нашей эпохи. А продуктами гения, как всегда, пользуются дегенераты и проходимцы. Ученики здешних школ не знают даже таблицу умножения, но все умеют обращаться с компьютерами, которые чуть побольше спичечной коробки. Советские руководители с трудом читают по складам чужие тексты и не способны даже обучиться владеть школьными компьютерами. А решают они эпохальные проблемы.

Сооружение

Есть лишь одно светлое пятно на мрачном горизонте моей жизни (я начинаю красиво выражаться, это симптоматично!) — это моё Сооружение. Оно особенно красиво рано утром, когда восходит солнце. Оно становится таким сияюще-радостным, что хочется плакать от восторга. Это, конечно, будет Храм новой, чистой Религии. В нем будет обитать молодой и ликующий Бог.

Надежды

Утром позвонила Дама. «В руководстве „Центра“, — сказала она торжественно (в её голосе мне послышалось „в партийном бюро“), — есть намерение привлечь вас. Пока, конечно, без оплаты. На общественных началах, так сказать (она в этом месте подхихикнула по-московски). Прочитать вводный курс лекций по социологии сотрудникам „Центра“. Кроме того, мы готовим сборник статей. Не могли бы вы дать в него статью? Гонорар мы пока не платим».

Истратив последние гроши на письменные принадлежности, я засел за статью. Работал с увлечением — изголодался по работе. На другой день статья была готова.

Статья

Чтобы понять реально существующее коммунистическое общество (а именно таким является оно в Советском Союзе), надо быть изощрённым диалектиком. Но диалектический способ мышления либо начисто забыт, либо в окарикатуренном виде служит предметом насмешек для всякого рода

образованных бездарностей и снобов, либо в оглуплённом и опошленном виде вошёл как часть в государственную идеологию. Пренебрежение к диалектическому методу мышления — таково первое серьёзное препятствие на пути к познанию реального коммунизма. Сейчас огромное количество людей думает, говорит и пишет о советском (и вообще коммунистическом или социалистическом) обществе. Но все они погружены в болото житейских страстей, тщеславия и корысти. Одни защищают это общество ценой потери истины, другие критикуют его той же ценой. Одни смотрят на него глазами пострадавшего, другие — глазами выгадавших. Одни хотят показать себя умниками и благородными за счёт подходящей темы, другие хотят урвать кусок благ за счёт указания на язвы этого общества, третьи предлагают программы преобразований и выдают желаемое за возможное и действительное. Никто не хочет взглянуть на это общество просто с точки зрения интеллектуального любопытства, не отдавая предпочтения никакой априорной доктрине, не становясь на позиции никакой (пусть «прогрессивной») социальной категории людей, не выдвигая никаких программ избавления людей от зол этого общества и построения некоего «подлинного социализма (коммунизма) с человеческим лицом». Эта неспособность к некоему незаинтересованному интеллектуальному любопытству есть второе серьёзное препятствие на пути к пониманию реального коммунизма.

В этой короткой статье я и попытаюсь изложить взгляд на реальное коммунистическое общество диалектически мыслящего человека, для которого это общество не есть ни благо и ни зло, который не хочет предписывать ему, каким оно должно быть согласно его политической демагогии или мании величия, который принимает его как объективно существующий факт, достойный, по крайней мере, праздного интеллектуального внимания.

Последствия

Статья произвела переполох в «Центре». Профессор заявил, что это провокация КГБ. Дама сказала, что не ожидала от меня такой подлости. Статья была обречена. Но чтобы придать видимость демократичности «Центру», её дали на отзыв Энтузиасту.

Энтузиаст заявился ко мне важный, без обычного хихиканья, с видом вершителя судеб. Сказал, что ему дали посмотреть мою статейку и высказать своё мнение. Он категорически не согласен с моей концепцией. И если я радикально не переработаю статью, он вынужден будет её отклонить. Я спросил его, как же быть со свободой мнений? Как он собирается строить правильный социализм со всеми гражданскими свободами, в том числе — со свободой слова, если сам проявляет такую нетерпимость в отношении чужого мнения, находясь к тому же в обществе со всеми этими гражданскими свободами? «Мы, — сказал он (обратите внимание: уже „мы“), — не мешаем вам печатать ваше мнение в любом другом месте. И репрессировать вас не

будем, как в Советском Союзе. Но наш (уже „наш!“) журнал (уже „журнал“!) имеет своё политическое лицо (уже имеет, хотя ещё не вышел!). Мы не можем...»

Свобода слова

Я перевёл статью на немецкий и послал в журнал, известный своей «объективностью». Через две недели получил отрицательный ответ. Я поинтересовался, в чем дело. Оказывается, они обратились в «Центр» с просьбой высказать мнение о статье. Дама послала им погромный отзыв Энтузиаста. Я напомнил последнему его фразу о том, что «они» не мешают мне печатать моё свободное мнение в других местах. Он сначала растерялся, начал хихикать и лепетать что-то бессвязное. Потом, ощутив важность своей персоны, принял позу всесильного гиганта. «Борьба есть борьба, — изрёк он. — Мы не остановимся ни перед чем, но откроем глаза миру на...» Я не стал слушать, на что именно эти карлики собираются открывать глаза миру: я опаздывал на очередной допрос. Ты — одиночка, думал я дорогой, и потому ты обречён здесь на жалкое существование. В Советском Союзе ты мог позволить себе быть независимым одиночкой, ибо ты примыкал к официальному коллективу, к официальной партии, к официальному обществу, которые законно и открыто присвоили себе функции мафии. Это лично не оскорбительно. Поскольку советская мафия всесильна, она иногда бывает великодушна по отношению к таким, как я. А поскольку местные мафии ограничены и немощны, они беспощадны и оскорбительны. И я вычеркнул Даму и Профессора из своего списка советских агентов.

Будни

Альянс Энтузиаста с «Центром» не удался. Он их завалил своей макулатурой. Они героически отбиваются от него. Он поносит Профессора, Даму и «весь этот сброд». Уверяет меня, что его вынудили разгромить мою статью, предлагает пристроить статью в журнал госпожи Анти. У него есть соображения насчёт компромисса с ней. Конечно, какие-то расхождения с ней будут. Это все-таки Запад, а не Москва. Свобода слова! Я сказал, что антикоммунистический журнал, развивающий теорию правильного коммунизма, — это будет мировая сенсация. Только возникнет проблема: что считать правильным и неправильным антикоммунизмом и не окажется ли правильный коммунизм неправильным антикоммунизмом? Энтузиаст презрительно хмыкнул и умчался планировать первый совместный программный номер журнала. Кто кого из них перепараноит? Неужели и советские параноики уже превосходят западных?

Битва против Режима

— Великий Диссидент объявил голодовку, — гордо объявил Энтузиаст.
— Сейчас в Советском Союзе плохо с продовольствием, так что почин Великого Диссидента будет подхвачен всем народом, — сказал Циник.
— Я не шучу, — обиделся Энтузиаст. — Он объявил голодовку в знак протеста.
— Против советской интервенции в Афганистане?
— Против отказа властей разрешить его свояченице выехать в США.
— Ну и дурак. Советские диссидентские генералы превратили оппозицию в мелких склочников. Великий Диссидент подобен великану, сражающемуся швейной иглой. А против чего, и сам толком не знает. Циник попал в точку. Много лет назад в Комитете интеллектуалов обдумывали, как вынудить крупных диссидентов заниматься мелкими делишками, вынудить их на крохоборство. Если сопоставить дела Великого Диссидента с масштабами страны и с её историческими проблемами, то замечание Циника о великане со швейной иглой вместо меча будет очень точным. Трагедия советского оппозиционного движения состоит в том, что оно всегда остаётся неадекватным масштабам истории. А Запад, раздувая до невероятных размеров ничтожные дела диссидентов, ещё более усиливает эту неадекватность.
В Пансионе по поводу голодовки Великого Диссидента появились журналисты. Пансионеры, за исключением Циника, изображают восторг. Я от интервью уклонился. На другой день интервью с пансионерами появилось в газетах, но без ответов Циника. И это называется свободой слова! — ругался Циник. Ещё пара таких случаев, и я стану яростным защитником советского строя.

Душа и мозг Истории

— На Западе думают, будто мозг и душу наших исторических устремлений образуют высшие партийно-государственные руководители, — говорил Вдохновитель. — Это грубая ошибка. Душа и мозг нашей истории — ты, я и миллионы других представителей Интеллектуальной элиты. Мы рассеяны в обществе и спрятаны за кулисы видимого исторического спектакля. Нас много. Но нам недостаёт организационного единства и элитарной солидарности. А без господствующей монолитной элиты великие исторические проблемы не решить. В стране есть только одна сила, способная создать такую элиту: это — мы, Органы! Но у нас слишком мало времени и слишком дурная репутация. Надо спешить и насильственно менять наш моральный статус. Для этого надо вернуться к сталинским методам. Западные кретины боятся наших «ястребов», «недобитых сталинистов», «стариков» и возлагают надежды на «голубей», «либералов», «молодых». А бояться надо, как раз наоборот, нас. Душой сталинизма, между прочим, тоже были молодые.

А где они, эти молодые гении, думаю я. Исчезли бесследно. Их имена никогда не появятся на страницах истории. Мы прилагаем титанические усилия к тому, чтобы общество использовало хотя бы ничтожную долю нашего гения — гений вообще есть служение людям. Общество нехотя делает это, но охотно наказывает нас же за нашу способность.

— Не думай, что я — сталинист, — говорил Вдохновитель. — Я хочу лишь сказать, что сталинизм до сих пор рассматривали либо со стороны (глазами западных наблюдателей), либо с точки зрения личного аппарата власти Сталина и системы репрессий. Настало время посмотреть на сталинизм снизу, т.е. как на массовое явление, как на великий исторический процесс подъёма миллионов людей с самых низов общества к образованию, культуре, творчеству, активности. Много погибло, это верно. Но гораздо больше уцелело, изменило в корне образ жизни, поднялось, жило интересной, сравнительно с прошлым, жизнью. Это был беспрецедентный в истории культурный, духовный и деловой взлёт огромных масс населения. Это был процесс творческий во всех основных аспектах жизни. Он ещё не оценён по достоинству. Думаю, что нужны столетия, чтобы отдать ему должное со всей объективностью. То, что мы имеем сейчас, — убогость, серость, унылость по сравнению со сталинским периодом. Но мы с тобой не историки, а деятели и мыслители, — говорил Вдохновитель. — Я заговорил о сталинизме вот почему. Если бы мне новый Сталин предложил хотя бы на два-три года полную власть в моей сфере деятельности, но предупредил бы, что я через эти два-три года буду расстрелян, я принял бы это предложение. Я хотел бы хоть раз в жизни и хотя бы на короткий срок влить свою мысль и волю в какой-то ручеек большой истории. При Сталине это было возможно. Теперь — нет. Знаю, что дело тут не в личности Сталина, а в характере самой эпохи, породившей в том числе и Сталина. Но мы привыкли персонифицировать эпохи и связывать несбыточные надежды с личностями.

Творческая лаборатория

Сегодня Писатель разговаривал со мною так, будто его выбрали секретарём партбюро или председателем месткома. И он имел для этого достаточно серьёзные причины: у него взяли интервью для журнала. Причём интервью не о тяготах цензуры в Москве и не о свободе творчества на Западе, а о его, Писателя, творческой лаборатории. «В конце концов, довольно политики, — горделиво говорил он, глядя в потолок, — я же художник. Я же мастер слова. Мне же важнее говорить о моих приёмах творчества. Знаете, какой вопрос для меня был полной неожиданностью?» Жена Писателя, прислушивавшаяся к нашему разговору из кухни, тоже рассмеялась. «Ни за что не догадаетесь», — сказала она. «Они спросили, — опередил её Писатель, — применяю ли я Допинг?» — «А он спросил их, — решительно вклинилась Жена, — что такое допинг?» — «Представляете, как они хохотали, — снова взял инициативу сам Писатель. — Сказали, что мы, русские, все очень остроумные, что этот мой ответ будет сенсацией для их читателей». — «Они сказали, что поместят это на обложке журнала вместе с его портретом», — перебила его Жена. «Потом

они сказали, — перебил её Писатель, — что я, как и все русские, пью водку. А я спросил их...» — «А он спросил их, — перебила его Жена, — разве водка — допинг? Это же национальный русский напиток вроде вашей кока-колы».

Успех

— Напечатали, сволочи! — кричит Энтузиаст, размахивая эмигрантским журнальчиком с его статьёй. — Первый серьёзный труд в мировой науке о советском диссидентском движении! Читайте!!!

— Извините, не могу. Я принял решение...

— Знаю, но не одобряю. И это не по-товарищески.

— Ладно, сдаюсь.

Я бегло просматриваю сочинение Энтузиаста. С первых же строчек мне ясна картина: типичное советское очковтирательство. По такому принципу составляются все советские отчёты. И хотя в статье все вроде бы есть правда, но в целом получается типично советское враньё.

— Здорово! Советскому строю осталось жить считанные минуты.

— Вам бы все шутить!..

— Я не шучу, я грущу. Мне жаль, что коммунистическое общество пожило так мало и что скоро исчезнет насовсем.

Мнение Циника

Энтузиаст убеждён, что по крайней мере тысяча копий номера журнала с его статьёй будет заслана в Советский Союз и его влияние на «освободительное движение» там ещё более возрастет. Циник сказал, что он согласен с заявлением Энтузиаста, так как знаком с системой засылки антисоветской литературы в Союз. Более того, он даже уверен, что КГБ не будет чинить особых препятствий, поскольку хорошо знает цену такой макулатуре и знает, какое влияние она на самом деле оказывает на «освободительное движение» — разочарование, уныние, презрение, раздражение (мол, «там совсем сдурели»). И влияние Энтузиаста на сие «движение» возрастет, но именно в этом направлении. Он бы на месте КГБ стал выпускать в Москве специальный бюллетень, в котором печатал бы сочинения мудрецов вроде Энтузиаста без всяких комментариев. Бюллетень назвал бы «Параноики на службе коммунизма». Впрочем, этот идиотизм вполне в западном духе. Сейчас тут все с ума сходят по поводу предсказаний некоего Нострадамуса. Тысяча книг и статей печатается. Целая эпидемия жульничества и шарлатанства. А книгу с серьёзным анализом реальных перспектив и с серьёзными прогнозами тут их силой читать не заставишь.

Отчаяние

Упоминание Циника о Нострадамусе затронуло мою душевную рану. Сколько средств тратит мир на шарлатанство и спекуляции такого рода! А ведь одной тысячной доли этих средств хватило бы на то, чтобы разработать научную теорию, позволяющую делать достоверные прогнозы насчёт будущего. Не идиотские предсказания вроде таких, какого числа и от какой болезни сдохнет тот или иной советский чиновник и кто ему придёт на смену, а предсказания жизненно важных тенденций и состояний больших групп населения, стран, объединений стран. Я на пари и из чисто интеллектуального любопытства готов с небольшой группой хороших помощников построить такую теорию для предсказания важных поступков советского руководства и эволюции советского общества вообще на ближайшие десять — двадцать лет и построить электронную модель Советского Союза, которая позволила бы использовать общую теорию в приложении к конкретным фактам. Но...

«Но, — слышу я насмешливый голос Вдохновителя, — бодливой корове Бог рогов не даёт. Это хорошо что у тебя там ничего не получается. Мы на это рассчитывали заранее». — «А если вы заранее знали, что я буду думать об этом, почему же вы пустили меня сюда?» спрашиваю я. «Потому что не все мы идиоты, — говорит он. — Потому что мы знаем, что человеческие психические явления не есть нечто раз навсегда установленное, неподвижное, неизменное. Жаль, я тебе не успел показать одного нашего агента, который у нас считается образцом мужества, преданности, непоколебимой веры в наши идеалы и прочих добродетелей. Он бы тебе в деталях рассказал, что такое эти качества в реальной жизни, т.е. растянутые во времени на много лет. Он попался, но выстоял и не предал нас. Но периоды душевного упадка и готовности предать у него были не реже, чем периоды подъёма и желания сохранить верность. Он сказал бы тебе, что такие его качества, как мужество и преданность, были лишь одной из сторон и тенденций в его психической жизни, а также результатом стечения обстоятельств. Однажды он принял твёрдое решение расколоться и продаться противнику. Но противник сам помешал этому. И этот агент стал героем в конечном счёте в силу обстоятельств. Есть примеры противоположные, когда агенты с более высокими, казалось бы, моральными качествами, чем этот агент, становились предателями и теряли выдержку. Короче говоря, в сознании интеллектуально развитого, культурного и образованного человека, т.е. интеллигента, я течением времени происходят все логически мыслимые пакости. Важно, что число различных типов ситуаций, в которых оказывается интеллигент, и число возможных внешних реализаций его внутренних состояний невелико. Это легко заранее высчитать и предсказать. Ну, да на этом деле ты сам собаку съел».

Битва против Режима

Главы западных государств обратились к Брежневу с просьбой разрешить Свояченице выехать на Запад. Пансионеры торжествующе потирают руки: вот, мол, советским властям втык сделали! Циник говорит, что, если советские власти удовлетворят эту просьбу, он перестанет уважать их. Энтузиаст заявил, что если Циник будет и впредь уважать советские власти, то он перестанет уважать Циника и не подаст ему руки.

Вид сверху

Это было ещё задолго до того, как я оказался вовлечённым в операцию «Эмиграция». Мы с Вдохновителем сидели в «Национале», пили вино, болтали о пустяках. Я поругивал наше высшее руководство за неспособность решать, казалось бы, простые проблемы. «Все происходящее будет выглядеть иначе, если на него взглянуть не снизу, а сверху, — сказал он. — Если хочешь, я тебе устрою возможность взглянуть на мир сверху. На одной из цеховских дач будет собрана лучшая часть нашей интеллектуальной элиты. Покажут фильмы о всех сторонах жизни наиболее важных частей планеты, главным образом сделанные по заказам специальных служб Запада и добытые нашей разведкой, а также сделанные нашими разведчиками. Прочитают цикл информационных лекций без всяких идеологических коррективов и цензуры. Затем участники симпозиума на основе полученной информации будут обсуждать проблемы эпохального значения. Если этот опыт будет удачным, то подобные симпозиумы будут проводиться регулярно».

Я, конечно, согласился. Уже через три дня мы получили информацию, какую не накопили за всю прошлую жизнь. А ведь многие из участников симпозиума регулярно ездили за границу. Мы были растеряны и буквально раздавлены тем, что увидели и услышали. Лишь через неделю ко мне вернулось прежнее спокойствие и способность к трезвым размышлениям. В конце симпозиума я пришёл к следующим выводам. Глядя на мир сверху, можно увидеть, что идёт борьба огромных масс людей просто за физическое выживание. Коммунистическая система организации людей в её советском исполнении является с этой точки зрения наилучшей. Наилучшей не для жизни людей в системе, а для выживания данного объединения в борьбе с другими. Сравнительно с Западом она есть единая и централизованная система. А сравнительно с Японией (и отчасти Китаем) она естественна и опирается на естественные качества человеческой природы. Она не предполагает такой жестокой тренировки тела и духа, как в Японии. Она может существовать без жестокой дисциплины труда, аккуратности и точности всего делаемого. Система японского типа предполагает надёжность у всех составных элементов, контролируемость всех условий функционирования. Наша система состоит из ненадёжных элементов, причём — в неконтролируемых условиях функционирования. У нас есть свои методы контроля, организации, надёжности. Все-таки они свободнее и человечнее методов в системе

японского типа, ближе к духовным достижениям западной цивилизации. Мы устремлены все-таки на Запад. Наше руководство, несмотря ни на что, поступает единственно правильным образом. Оно способствует развитию у себя дома типа производства и культуры, адекватного возможностям людей. Оно стремится взять на Западе все то, что мы не способны произвести сами. Не подражать Западу, как Япония, а именно брать там готовое. Япония конкурирует с Западом, мы — нет. Мы его используем. Наше руководство, наконец, стремится прежде всего развивать военную мощь страны, подчиняя этой цели все остальное. Готовить страну к будущей войне и делать в мире все, что может способствовать победе в этой войне, — вот эпохальная задача нашего руководства. А экономическое и культурное соревнование с Западом — это потом, когда мы разгромим Запад.

— Вот ты и взглянул на мир сверху, — сказал Вдохновитель. — Что целесообразно было бы сделать у нас с учётом того, о чем ты узнал?

— Одно, — сказал я, — а именно: настойчивее и последовательнее делать все то, что и делалось до сих пор. Но хотя бы немного повысить качество делаемого.

— Ты попал в точку, — сказал он. — Мы с тобой здесь единственные здравомыслящие люди. Знаешь, даже наши высшие руководители теряют голову, когда их знакомишь с реальностью хотя бы в ничтожной мере. И начинают пороть чушь ничуть не лучше, чем собравшиеся здесь лучшие умы нашего общества. наших руководителей надо обучать науке эпохального руководства с азвом, причём цинично, без идеологической шелухи. И нужен новый Сталин. Иначе мы можем проиграть нашу мировую битву из-за неспособности пойти до конца при исполнении наших гениальных планов.

— Если на горизонте замаячит твой новый Сталин, дай мне знать, — сказал я. — Я буду служить ему беззаветно, не оставляя лично для себя ни крупинки своих способностей.

— Я тоже согласен быть расстрелян за это. К сожалению, — сказал он, — это сейчас пока невозможно. А наши способности недостаточно сильны для того, чтобы составлять липовые отчёты чиновникам среднего ранга.

Правда и ложь

У Писателя целая библиотека антисоветской, разоблачительной, советологической, кремленологической и прочей литературы такого рода. Он черпает сведения и суждения о советском обществе главным образом из этой литературы, а не из своего жизненного опыта. Последний оказался у него чрезвычайно мизерным, как и у всех прочих критиков режима и разоблачителей (за редким исключением). Я не перестаю поражаться этой слепоте людей, купавшихся в океане фактов советской жизни, но не понявших в ней почти что ничего. Вот я держу в руках книгу известного критика советской системы и сталинизма, весьма популярного в диссидентских кругах в Москве. «Красная Армия, — пишет сей бывший советский партийный чиновник, — не хотела воевать (во время войны с Германией), народ жаждал поражения собственного правительства». И дальше: «Дряхлость Сталина

совпала с дряхлостью режима». И такого рода глупости и нелепости почти на каждой странице. «Как вы это расцениваете?» — спрашиваю я Писателя. «Чушь, конечно, — говорит он. — Я был на фронте с первых дней войны. Мы рвались в бой. Но такие оговорки — мелочь. Главное — описание структуры власти и системы тут...» — «Ещё большая чушь, — говорю я. — Это я говорю вам как специалист. Книжечки эти рассчитаны на невежд с определёнными умонастроениями. Интеллектуальный уровень их не выше уровня заурядного партийного аппаратчика. И роль их объективно состоит в том, чтобы задурять мозги западному обывателю насчёт советского общества». — «Что же делать?» — говорит Писатель. «Разоблачайте, — говорю я, — но умно и справедливо. Вы прожили в России шестьдесят лет. Участвовали в коллективизации, та войне, в послевоенной борьбе со сталинизмом... Напишите обо всем этом, но правдиво». — «Не напечатают, — говорит он. — А напечатав, разгромят как советского агента». — «Ну что же, тогда лгите», — говорю я. «Не получается», — вздохнул он.

Решение судеб

Повесился Нытик. Об этом узнали только на третий день, когда из его комнаты потянуло зловонием. Нас попросили помалкивать об этом случае, дабы не портить гармоничную картину эмиграции. Но нас и уговаривать не надо было. Мы сами позабыли о Нытике в тот же день. Как будто его вообще не было. Я вычеркнул Нытика из моего списка советских агентов и из моей памяти.

Битва против Режима

Советские власти разрешили Свояченице покинуть Советский Союз. Циник заявил, что он разочарован. Он думал, что советские власти суть настоящие тираны, а они, оказывается, просто слабаки. Энтузиаст пожал Цинику руку. А я вычеркнул Циника из моего списка советских агентов.

А в этом время

Запад ликует по поводу великой победы сил демократии. Ещё бы не ликовать! Свояченица получила разрешение покинуть пределы нелюбимой Родины! Какое грандиозное событие! А что происходит в это время в глубине советской жизни? На это Западу наплевать. С его точки зрения, никаких глубин в советской жизни нет и не может быть. Что ещё может быть глубже желания Свояченицы покинуть застенки большевизма?! А если в это время «под шумок» уничтожили нескольких настоящих, но никому (кроме КГБ) не известных борцов против «режима», это не в счёт. Поскольку Запад об этом не знает (да и знать не хочет), то этого считай, что вообще нет и не было.

Несколько лет назад был аналогичный случай. Тогда Другой Великий Диссидент вёл героическую борьбу за возможность позвонить во Францию. Великому Диссиденту через три часа после решительного протеста Мировой общественности разрешили разговор с Парижем. В этом разговоре он подтвердил, что ему действительно запретили этот разговор. Запад тогда тоже праздновал победу. А в одном провинциальном городе в это время уничтожили некую «террористическую» группу. Об этом деле мне проговорился по пьянке знакомый следователь КГБ. Он рассказал также, что члены группы пытались установить контакты с западными журналистами и столичными диссидентскими лидерами. Но те сочли их провокаторами КГБ. Очень удобная позиция! Наши ведущие диссиденты не могли допустить даже мысли о том, что, кроме них, в России ещё кто-то способен бороться против «режима», да к тому же бескорыстно и без расчёта на известность на Западе.

Решение судеб

Получил работу в маленьком городке на севере Германии Циник. Весь день мы пьянствовали с ним. «Как устроюсь, сразу напишу, — сказал он на прощанье. — Приезжайте ко мне в гости. Денег у меня будет теперь полно. Выпьем как следует, по-московски. Поболтаем. Не унывайте! Скоро и ваша судьба решится».

Битва против Режима

На первых страницах газет подробности голодовки Великого Диссидента. Где-то на десятых страницах — сообщение о том, что Советский Союз увеличил поставки оружия в страны Африки, строящие социализм, и послал ещё двадцать тысяч войск в Афганистан. Шутник говорит, что Великий Диссидент научился голодать. Теперь он может использовать свой опыт и объявить новую голодовку с... «С требованием вывести советские войска из Афганистана!» — заорал Энтузиаст. «Зачем так мелочиться?! — сказал Шутник. — Есть повод поважнее: лампочка в коридоре перегорела».

Допрос

— Как можно ослабить и разрушить советскую систему изнутри?

— Позвольте, я сначала расскажу вам одну притчу, а потом общую идею. Я мог бы, как Христос, ограничиться одной притчей. Но, как показал опыт истории, даже ближайшие ученики Христа не понимали смысла его притч, а последующие поколения толковали их вкривь и вкось. У нас, у русских, ещё со времён баснописца Крылова идёт хороший обычай: давать популярное пояснение даже самым примитивным притчам. Правда, это тоже мало помогает: люди все равно ничего не понимают. Но зато совесть чиста.

Жила-была хорошая, интеллигентная советская семья. Муж и жена — учёные. Квартирка, разумеется, тесная. Родители умерли — в квартире стало свободнее, светлее, радостнее. Но была одна крупная неприятность у почти счастливой пары: престарелая бабушка. Бабушке было под девяносто, а умирать она и не думала. Крепкая старуха была, чтоб ей на том свете худо было. И даже зубы кое-какие сохранила. Здоровые зубы, как у лошади. И житья от неё, можно сказать, не было.

И решили тогда интеллигентные супруги уморить опостылевшую бабушку голодом. Но не сразу, а постепенно. Рассчитали рацион, достаточный для этого. Муж работал в важном институте, рацион этот на электронных машинах рассчитал. И начали проводить свой замысел в жизнь. Что творилось со старухой — ни в каком фильме ужасов не увидишь ничего подобного. Жёлтая, худая, с лязгающими лошадиными зубами, она бродила по квартире круглые сутки в поисках какой-нибудь пищи. Но... Но ожидаемого эффекта не получилось. Прошло три месяца, ещё три месяца. И ещё три. А старуха становилась даже ещё крепче. Показали врачу. Осмотрел он бабушку. Сказал любящим внукам, что она вполне здорова, что она, как египетская мумия, тысячу лет проживёт.

И охватил супругов ужас. Что делать? Прослышали они об одном Мудром Человеке, который неизлечимые болезни лечил и советы для неразрешимых ситуаций давал. «Эх вы, люди! — сказал Мудрый Человек. — Знаете, что есть самая сильная сила в мире? Добро! Возлюбите свою бабулю, окружите её вниманием, купите курочку, а ещё лучше — уточку. Пусть кушает на здоровье. И живите в мире». Обругали супруги Мудрого Человека последними словами. А что делать? Решили попробовать — все равно терять нечего. Так и поступили. И уже через три дня похоронили любимую бабушку.

— Значит, Запад правильно поступает, поставляя в Советский Союз продукты питания и техническое оборудование?

— Прав был Христос: слыша, не слышат. Помощь Запада не улучшает положения советского населения, она лишь облегчает властям их усилия по укреплению военной мощи страны. Советское общество посложнее той старушки. Какая мера и комбинация добра и зла должна быть причинена советскому обществу, дабы оно удовлетворило вашим заветным мечтам, — это надо ещё суметь рассчитать, причём с учётом природы и состояния этой «старушки». Западным советологам, кремленологам, сотрудникам разведывательных служб, журналистам, критикам режима и дилетантам из эмиграции эта задача не по зубам.

— А кому она по зубам?

— Если такой человек найдётся, то он получит по зубам. Считайте, что это каламбур.

— Смогут ли в «Центре» решить эту задачу?

— Никогда и ни при каких обстоятельствах.

— А смогли бы вы это дело организовать?

— Смог бы, но мне не позволят. -Кто?

— Все те, кто причастен к этому делу. А их — легион.

— Но ведь без участия большого числа людей в наше время серьёзное дело не делается.

— Верно. Но тут нужна интеллектуальная диктатура немногих, но действительно способных и одержимых стремлением к научному успеху людей.

— Эта идея чисто советская. Здесь же демократия.

— Такой демократии и в Советском Союзе в избытке. А вот настоящей диктатуры и там, увы, большой дефицит.

Опять о будущем

В «Центре» идёт симпозиум, посвящённый социально-политическому устройству России после падения советской власти. Собрались специалисты со всего света. Я от скуки тоже забрёл туда. Попал на доклад одного из ведущих теоретиков эмиграции. Основной тезис доклада — Россия должна (именно должна!) вернуться в «послефевральское», но и в «дооктябрьское» состояние. Бурные аплодисменты вдохновили докладчика на новые глупости. «Частное хозяйство имеет неоспоримые преимущества перед общественным, — кидал он в зал свои „несокрушимые“ аргументы. — Например, в частном владении в Советском Союзе находится всего один процент обрабатываемой земли, а овощей на ней производится больше, чем в колхозах и совхозах. Что ещё может быть убедительнее?! Централизованное руководство экономикой препятствует развитию промышленности и прогрессу технологии. Рухнула система планирования. Планы не выполняются. В стране царит хаос. Потерпела банкротство марксистская идеология. Никто уже не верит в марксизм. Идейный разброд разъединяет монолитность общества. Всеобщая коррупция стала движущей силой поведения людей. Исчезли идейные борцы за коммунизм. Деградация культуры...»

Мне стало тошно. Я потихоньку выбрался из аудитории. За мной увязался какой-то тип.

«Стоило эмигрировать, чтобы слушать таких идиотов, — сказал он. — Они думают, что если на данном участке производится столько-то овощей, то будет производиться вдвое, втрое, вчетверо больше на вдвое, втрое, вчетверо большем участке. Силы человека ограничены. На участке вдвое больше он произведёт, может быть, лишь в полтора раза больше. А начиная с некоторого момента увеличение обрабатываемой площади не будет играть роли или будет действовать в обратном направлении. С ростом участков должно возрастать число вовлекаемых в хозяйство людей. А проблемы хранения, сбыта, доставки, конкуренции?!»

О каком идейном крахе советской системы они говорят? — продолжал Тип. — Здесь миллионы людей в любую минуту готовы предать все ценности западной цивилизации. Я тут десятый год. И ещё не встретил ни одного идейного защитника этих самых ценностей. Такие идейные защитники Запада могут появиться только из нас, из советских людей».

Выхода нет

Мы вышли на улицу. «Вот где будущее Запада, — сказал Тип, указывая на группы студентов. — Сумеет ли Запад взять контроль над ними? Впрочем, это их дело. У нас свои заботы. Тут тучи спекулянтов за счёт русской темы, а русских среди них почти что нет. Западное общество настоящих русских не принимает. Здесь кого угодно могут признать, только не настоящего русского. Перед русскими тут какой-то затаённый страх. Западные люди в глубине души хотят, чтобы мы остались на уровне матрёшек, балалаек, самоваров, частушек и переплясов. И очень злятся, когда мы чем-то обнаруживаем своё превосходство. Стараются это замолчать, принизить или испачкать. А у себя дома мы сами делаем все, чтобы помешать своим близким вырасти в нечто значительное.

Они болтают о России, — продолжал своё словоизлияние Тип, — а что они знают о реальной России? Если вы назовёте русского человека лапотником, они вам зададут вопрос: а что такое лапоть? Когда-то мы провели опрос в самых глухих уголках России. Большинство опрошенных ответили, что они никогда не видели лапти. До недавнего времени все русские были убеждены, что картошка испокон веков росла на территории России. Казалось, что русский человек и возник в результате перехода наших животных предков от мясоедения к картофеледению. Пройдёт ещё немного лет, и в России восторжествует мнение, будто картошка растёт только в Америке, причём на деревьях, а Россия производит танки, ракеты, спутники.

Русский народ уже получил своё будущее. И потому он равнодушен к будущему. Он уже имеет свою историческую ориентацию. Лишь катастрофа может изменить её. И вообще, судьба русского народа не есть проблема русская. Это проблема тех, кто боится того, что русский народ проявит свои скрытые силы и будет сражаться за достойное его масштабов место в истории человечества.

Эти болтуны считают себя русскими. Но чтобы быть русским, мало уметь говорить по-русски, вырасти в русской среде, читать русских писателей. Нужно иметь нечто большее: судьбу русского человека. А вот этого они как раз не хотят. Они предпочитают судьбу западноподобных людей, лишь специализирующихся на русской теме.

Считается, что мы, русские, склонны к ностальгии. А дело тут не в ностальгии, а в чем-то другом. В чем — до сих пор не могу толком разобраться. Только оказавшись здесь, я ощутил, чем была для меня Россия и что я потерял. Потерял безвозвратно. Если бы случилось чудо и я вернулся бы обратно, это все равно не было бы восстановлением моей прежней связи с Россией. Будучи оборвана однажды, эта связь уже не может быть восстановлена никогда. Я уверен, что боль от этого разрыва была бы ещё сильнее, если бы я вернулся. Тут хоть какая-то надежда остаётся на то, что можно вернуть прошлое. А вернувшись, расстанешься и с этой последней надеждой. Теперь я хорошо понимаю тех эмигрантов, которые в своё время вернулись в Россию на верную гибель, презрев все грозные факты и предупреждения. Разумом я понимаю, что та Россия, тоска по которой изводит меня здесь, на самом деле давно не существует. Но это нисколько не ослабляет тоску. Наоборот, это ещё более

усиливает её — к ней присоединяется тоска по безвозвратно ушедшему прошлому. Я знаю, что наша российская жизнь и в прошлом была кошмарной. И от сознания этого становится ещё тоскливее. И никакого просвета в будущее».

Мы шли по узеньким улочкам города, битком набитым машинами. Вот специальная полицейская машина увозит шикарный «мерседес», оставленный в запрещённом месте. «Смешно, — сказал Тип, — на Западе машин полно, зато ставить их негде. У нас машин мало, зато места для них сколько угодно. Что хуже?»

Я слушал Типа и испытывал удовлетворение оттого, что я не одинок в своей судьбе. Мы обменялись телефонами. На другой день я позвонил по телефону, который он дал мне. Мне ответили, что такой человек там не проживает.

Моя ошибка

В Москве я сделал попытку построить научную теорию коммунистического общества. Причём не для широких масс населения, а для служебного пользования внутри ограниченного круга интеллектуальной элиты. Рукопись у меня отобрали. Произвели тщательный обыск дома на предмет черновиков. Взяли подписку о том, что я больше не буду работать в этом направлении и не буду распространять свои идеи. Эти меры мотивировались тем, что у нас документы с грифом «Для служебного пользования» вскоре становятся достоянием многих, и моя теория будет играть роль антисоветской пропаганды. Моя идея, что недостатки нашего общества суть необходимые следствия и проявления его достоинств, была сочтена научно несостоятельной и идеологически порочной. Раз основы общества хорошие, то и вырастающие на этой основе явления жизни должны быть хорошими. Значит, наши недостатки преходящи и не имеют отношения к сущности самого нашего общественного строя. Я признал свои ошибки и на несколько лет законсервировал свой мыслительный аппарат.

Согласившись на предложение Вдохновителя и получив разрешение действовать по своему усмотрению, я решил использовать, казалось, неповторимый случай в своих личных интересах. Я сразу дал понять всем соприкасавшимся здесь со мной лицам, что я имею свою объективную теорию советского общества и что могу лучше других организовать научное исследование этого общества. Это была непоправимая ошибка. Тут тоже нужна мобилизующая ложь, а не сеющая пессимизм правда. В моей идее единства достоинств и недостатков коммунизма мои здешние судьи опускают ударение на недостатки и видят лишь констатацию достоинств. С их точки зрения, дурные следствия производятся дурными причинами, и потому коммунизм не может иметь существенных достоинств. Значит, моя научно объективная теория есть просоветская пропаганда.

Решение судеб

Энтузиаст получил «социал-вонунг» — двухкомнатную квартиру за мизерную плату. Теперь он грозит вызвать сюда кучу московских родственников и друзей: КГБ с удовольствием выбросит из страны ещё нескольких паразитов, шизиков, пенсионеров и, само собой разумеется, своих агентов. А немцы со своей «больной совестью» зашли так далеко, что уже не способны воспрепятствовать этому. Грузить вещи Энтузиасту помогали все наличные пансионеры. Он за это время здорово обарахлился на местных распродажах. А из Москвы он ухитрился привезти целую библиотеку книг, в том числе полные собрания сочинений Маркса, Энгельса и Ленина. С отъездом Энтузиаста в Пансионе стало тише и ещё пустее.

Шутник

Из нашего «заезда» в Пансионе остались только супружеские пары Художника и Диссидента, которых я почти не вижу, и Шутник. Шутник ждёт визу на въезд в США. Мы шляемся с ним по городу и пропиваем все, что нам перепадает. Он рассказывает забавные московские истории. Вот в таком духе. — Я жил в самом диссидентском районе Москвы, — говорит он. — Наш дом был почти полностью диссидентский, за редкими исключениями. КГБ, естественно, проделывал у нас всякие штучки, главным образом идиотские. Вы можете объяснить, почему Они Там такие идиоты? Поручили бы это дело мне, я бы в полгода из диссидентов сделал бригаду коммунистического труда. Жил у нас в подъезде один тип, принадлежавший к упомянутым исключениям. Секретарь партбюро в своём учреждении. Этажом ниже жил Н. В КГБ решили устроить провокацию в отношении Н., подсунуть ему доллары, провести обыск и обвинить в валютных махинациях. Агенты КГБ спутали этажи (у нас это неудивительно) и подсунули доллары партийному секретарю. Жена Секретаря устраивала генеральную уборку и обнаружила доллары. Как честные коммунисты, они их утаили и на другой же день ринулись в «Берёзку». Там их задержали. В КГБ на них очень рассердились. Секретаря провалили на следующих выборах в партбюро. А Н. потребовал у Секретаря соответствую'¹ Шую сумму в порядке компенсации, поскольку доллары предназначались для его квартиры. Если бы он их нашёл у себя (а он их наверняка нашёл бы!), он не дал бы такого маху, как Секретарь. Кошмар, не правда ли?

Сооружение

Строительство закончено. Теперь я воочию вижу, что такое Абсолютное Совершенство. Но что же будет размещено в этом Волшебном Замке, Храме, Обиталище Бога, Космическом Корабле, Дворце Красоты и Счастья?

Мария

Писатель жалуется на творческий кризис.

— Мне бы важную тему и острый сюжет, — говорит он, — я в пару месяцев сделал бы такой роман, что...

— Я могу рассказать вам одну московскую историю. Вы из неё можете раздуть роман похлеще Кафки. Жил в Москве учёный. В молодости он влюбился в женщину, которая не захотела выйти за него замуж. Звали её Мария. Он сделал попытку повеситься, но его спасли. Вешаясь, он испытал сексуальное удовлетворение. Женщин до этого (да и после) он вообще не имел. Потом он изобрёл машину. Особую машину — любовную. Назвал её «Марией». Когда он ощущал сексуальную потребность, он шёл к своей «Марии», вешался, удовлетворял свою страсть, а «Мария» спасала его. И жил он с ней так тридцать лет. Он был ей безраздельно Предан. Называл её ласковыми словами. Дарил ей цветы. Объяснялся в любви. Иногда ссорился с ней. Упрекал в холодности. Ревновал. Подозревал в изменах.

— Откуда это известно?

— Из его дневника. Его любимый ученик и ближайший помощник случайно прочитал несколько страниц из него и догадался о существовании «Марии». Выбрав подходящий момент, Ученик сам вступил в связь с «Марией». После этого в дневнике Учителя все чаще стали появляться жалобы на холодность «Марии». И вот она вообще стала уклоняться от связи с ним. Она предпочла молодого Ученика старому Учителю. Настал день, когда «Мария» не захотела спасти своего опостылевшего любовника.

— Это, конечно, в духе кибернетической фантастики.

— Вы правы. Такое объяснение я придумал специально в интересах литературы.

— А что произошло на самом деле?

— Ученик завидовал Учителю и хотел занять его место. Обнаружив «Марию», он сломал в ней маленькую детальку.

— Это банальный детектив. Это для литературы второго сорта. Для серьёзной литературы из этой истории не выжмешь даже страничку.

— Не нравится этот сюжет, могу предложить другой, остро социальный, допустим, как защитить Запад, или, что то же самое, как покорить его.

Как защитить Запад

Что может Запад противопоставить Советской Армии, если та ринется сюда? Во-первых, против каждого танка — десяток трибун, с которых защитники Запада будут свободно критиковать... нет, не Москву, Боже упаси от этого!.. критиковать свой социальный строй и свои правительства. Пусть советские солдаты видят, какая здесь свобода! Во-вторых, вдоль всех границ Запад устроит распродажу по сверхсниженным ценам... а лучше — раздачу... вещей и продуктов, какие советским людям не снились. Пусть они видят, какой здесь высокий уровень жизни! Наконец, в авангарде западных армий пойдут

полчища террористов, борющихся бог весть за что, студентов, бунтующих детей. Советские люди увидят существа, у которых вместо лиц дамские нейлоновые чулки, и слегка задрожат от страха. Затем студенты бросятся занимать под жильё малонаселённые танки, и Советская Армия остановится. А когда орава ребятишек с дикими воплями ринется на танки, переворачивая их и забрасывая их бутылками с горючей жидкостью, то Советская Армия в панике убежит в Сибирь. А на освободившемся месте русские эмигранты (т.е. евреи при поддержке латышских стрелков) восстановят монархию и православие.

Как покорить Запад

А с другой стороны, Западную Европу можно взять голыми руками. Для этого надо всячески расширять любые контакты с Западом. Удешевить эмиграцию. Укрепить её диссидентским элементом. Для этой цели в стране надо наладить массовое производство диссидентов. Учредить особые учебные заведения для диссидентов, включая высшие. Печатать популярные брошюры и книги о том, как стать диссидентом. Пропагандировать диссидентство в печати и через телевидение. Устраивать специальные симпозиумы и съезды, регулярный обмен опытом. Ввести для начинающих диссидентов бесплатное обучение иностранным языкам и технике общения с представителями зарубежных разведывательных служб. После сдачи выпускных экзаменов диссидентов направлять на практику в исправительно-трудовые лагеря строгого режима. По отбытии положенных сроков выдавать свидетельства «Дипломированный диссидент» и высылать обладателей таких дипломов в Западную Европу или в США. При засылке на Запад предоставить диссидентам полную свободу действий. Остальное получится само собой. Через десять лет Запад поднимет руки, согласится на любые условия, лишь бы мы сократили нашу эмиграцию и взаимовыгодные контакты с ними. Тут мы и предложим им наш коммунистический строй.

Писатель сказал, что эти сюжеты тоже для литературы второго сорта, т.е. для сатириков и юмористов. Ему надо в самые глубокие тайники человеческой души забраться. Он мечтает дать глубокий анализ переживаний гениального писателя, оказавшегося в изгнании и лишённого...

Интеллектуальная элита

Домой иду привычным маршрутом — вдоль реки. Вода в реке почти совсем исчезла, так что солдатам особого батальона придётся ставить свои лодки на колёса. Мне кажется, что рядом со мной идёт Вдохновитель и развивает свои сумасшедшие идеи.

— Интеллигенция, — говорит он, — неоднородна, поскольку она теперь есть массовое явление. Твой Писатель — типичный представитель бездарной, тщеславной и алчной массы интеллигентов. Он ещё лучше многих других. Он

не дурак. И, как русский человек, пережил трудности и страдал. Внутри интеллигенции есть очень небольшая часть, действительно являющаяся мозгом и гением общества, — интеллектуальная элита. Если хорошенько покопаться в механизмах нашего общества, то обязательно обнаружишь продукты деятельности интеллектуальной элиты. Масса интеллигенции скрывает этот факт, поскольку она в первую очередь эксплуатирует свою элиту и паразитирует за её счёт. Она присваивает её продукты, фальсифицируя всю ситуацию в культуре общества. Она имеет мощного союзника — власть. Власть тоже тщательно охраняет эту тайну, ибо она в качестве власти узурпирует функцию интеллекта: власть должна выглядеть не только волевой, но и мудрой. Что было бы с армией, если бы всем было известно, что план предстоящего сражения был разработан группой младших офицеров во главе с капитаном, который не умеет даже подать команду «Шагом марш!»?! Возьмём машину сталинских репрессий. Наши разоблачители все приписывают Сталину и его подручным. А на самом деле она была бы вообще невозможна без интеллигенции и в конечном счёте без интеллектуальной элиты. Она была спроектирована, рассчитана, создана и пущена в ход рафинированными интеллигентами. Я входил в комиссию, изучавшую этот аспект сталинских репрессий. Если бы я тебе рассказал, кто из нашей интеллигенции и в какой форме приложил руку к нему, ты не поверил бы. К счастью для истории, все следы на этот счёт уничтожены. И нашим потомкам останется только гадать о фактической роли интеллигенции в преступлениях сталинской эпохи. Впрочем, роль интеллигенции в идеологическом оправдании их уже не скроешь. Сталинские репрессии — дело прошлое. А жизнь идёт. И в таком огромном организме, как наша страна, постоянно складываются циклопические механизмы для решения не менее важных проблем, чем проблемы сталинских времён. Думаешь, эти проблемы можно решить силами официальных учреждений? Сейчас страна готовится к мировой войне. Невозможно даже вообразить себе, какая исполинская мозговая работа идёт в связи с этим. А кто её выполняет? Кто генерирует идеи? Разумеется, посредником между элитой и обществом выступает масса интеллигенции. Мы всю нашу интеллигенцию заставили работать в нашу пользу. Мы и западную интеллигенцию используем в беспрецедентных масштабах. Вот тебе примерчик из многих тысяч примеров такого рода. Вышла на Западе книга критика нашего общества. Одновременно вышел перевод книги Академика Н. Сотрудник нашего посольства заранее узнает, кто будет рецензировать эти книги, в этом отношении мы имеем бесчисленные и безотказные источники информации, не стоящие нам никаких затрат. А бывает и так, что мы сами советуем подходящих лиц, и нам охотно идут навстречу. Происходит якобы случайная встреча дипломата с будущим рецензентом. Дипломат намекает, что в Москве собираются переводить книгу рецензента. Остальное делается само собой. Появляется плохая рецензия на книгу критика режима и превосходная — на книгу советского академика. Что это за книги, ты знаешь сам.

Сомнения

«А не переоцениваем ли мы роль интеллектуальной элиты в нашей Великой атаке на Запад? — говорю я, мысленно обращаясь к Вдохновителю. — Современное общество интеллектуально избыточно. Обычные люди, которых интеллектуалы считают невеждами и дураками, на самом деле имеют интеллект, вполне достаточный для решения всех проблем современной жизни. В понимании этих проблем интеллектуалы не превосходят их нисколько. Скорее наоборот. Они превосходят практически живущих и действующих людей только по уровню словоблудия. Если бы интеллектуалы заняли место руководителей общества, стало бы много хуже, ибо у них нет чувства реальности, здравого смысла. Для них их словеса важнее реальных законов и тенденций общественных процессов. Психологический принцип интеллектуалов таков: мы могли бы организовать все наилучшим образом, но нам не дают. А фактическое положение таково: они могли бы организовать жизнь наилучшим образом лишь при наличии условий, которые практически неосуществимы, и потому они не способны действовать даже на уровне презируемых ими лидеров общества. Фактические руководители подчиняются потоку жизни, и потому они хоть что-то делают. Интеллектуалы недовольны тем, что поток жизни им неподвластен. Они его считают неправильным. Они опасны, ибо выглядят умными, будучи на самом деле профессионально изошрёнными глупцами.

Вот, например, проблема: может ли группа гениев спланировать для руководства страной гениальную политику? Я утверждаю: нет. Почему? Одно дело — замысел и план. Другое дело — условия их исполнения. Гении планируют абстрактно, т.е. отвлекаясь от «мелких» житейских обстоятельств. Без этого они не были бы гениями. Может ли, например, гений из окружения начальника КГБ принимать во внимание тот факт, что советские шпионы в некоем районе Западной Европы будут пьянствовать, жульничать, интриговать, халтурить, короче говоря — вести себя как нормальные советские люди? Нет, конечно. Тот, кто будет исходить из этих явлений, тот в группу гениев допущен не будет. Практически действующий начальник соответствующего отдела КГБ, которого все гении считают формалистом и идиотом, на опыте знает цену шпионской сети в курируемом им районе. Он соглашается с гениальными планами интеллектуалов, но делает по-своему. И хоть что-то имеет в итоге. Так кто же гений на самом деле? Западная интеллигенция, говоришь, служит нам? Верю, ты можешь привести тысячи примеров такого рода, как пример с рецензиями. Но это мелочи. Из тысячи мышей не сложишь одного слона».

«Верно, — слышу я ехидный голос Вдохновителя, — не сложишь. А зачем складывать? Слоны нам не нужны. Нам именно мыши нужны. А ещё лучше — крысы. Миллионы крыс. Причём образованных и интеллигентных крыс».

Подозрение

Любая мыслительная машина портится без реальной пищи для размышлений. Это касается и меня. Я теряю точки опоры и социальную ориентацию. Бросаюсь из одной фантазии в другую, будучи не в состоянии отдать предпочтение какой-то из них. Сейчас мне начинает казаться, что все это — пустые разговоры, что на самом деле идёт подлая и грязная игра. Но играю не я. Играют мною. Игроки — советская и западная контрразведка. Второй я кажусь крупной фигурой из КГБ, прибывшей на Запад с особой миссией. Первая даёт понять второй, что её подозрения основательны. Для второй я удобен как объект, на котором она может продемонстрировать своё профессиональное мастерство и заслужить одобрение своего начальства. Для первой я удобен как средство отвлечения внимания от реальных её фигур. И как дымовая завеса. Я есть лишь карта в игре, которую один игрок подбросил другому, чтобы тот побил её и был доволен своей кажущейся победой. Этому игроку достаточно кажущаяся победа, а его противник готов пойти на кажущееся поражение, чтобы скрыть фактическую победу. Общим важна не объективная истина и справедливость, а их собственные действия, расцениваемые ими самими как успех. От меня лично в этой игре ничто не зависит. Я действительно мог говорить и делать все, что угодно. Судьба моя была предрешена самим фактом выбора меня на эту роль.

«Верно, — слышу я голос Вдохновителя. — Выбрать подходящего актёра на западную роль — на то и нужен хороший режиссёр».

Намерение

Теперь я хочу одного: вырваться из чужой игры и стать сторонним наблюдателем. Видеть и понимать — и больше ничего мне не надо. Я по профессии и по призванию понимаю. Вся моя прожитая жизнь может быть обозначена одним словом — «размышление». Здесь у меня от обычных феноменов жизни почти ничего не осталось, и практически я стал органом познания, как таковым. И оказалось, что именно в роли чистой мысли я меньше всего нужен людям. К тому же гомосос есть личность лишь как частичная функция коллектива. Моя роль чистой мысли сложилась как роль в советском коллективе. Я могу существовать в качестве понимающего, только прилепившись к полноценному советскому коллективу.

«Мы знаем это, — слышу я голос Вдохновителя. — Став сторонним наблюдателем, ты лучше поймёшь происходящее. А когда тебе будет совсем невмочь, мы протянем тебе руку братской помощи из нашего советского коллектива».

Решение судеб

Художник устроился на временную работу в фирму, производящую ёлочные украшения. Говорит, главным художником. Явно цену набивает — такой советской должности здесь вообще нет. Они с женой собрали тихонько пожитки и непроданные картины. Уехали не попрощавшись.

Шпион века

Рано утром Вдохновитель заехал за мной на служебной машине, что делал в исключительных случаях. «На Западе, — сказал он, когда мы выехали за пределы Москвы, — любят всякое ничтожество возводить в великие личности. Не умеющего рисовать художника объявляют величайшим художником века, страшную бабу — первой красавицей мира, пошлого кинорежиссёра — великим новатором, пустого писаку — величайшим мудрецом. Так обстоит дело и в Нашем шпионском мире. И кого только тут не объявляли величайшим шпионом века! А если разобрать по существу, что эти гении шпионажа сделали, то только диву даёшься, за что на них вообще обратили внимание. Настоящие гении обнаруживаются лишь по прошествии столетий. А чтобы наша эпоха очистилась от мусора и обнажила своих подлинных гениев, нужны тысячелетия — слишком уж много мусора накопилось. Но хватит общих разговоров. Сегодня я тебе покажу самого незначительного советского шпиона на Западе».

Через час мы были в дачном посёлке и пробирались через грязь к маленькому домику, затерявшемуся среди недавно отстроенных шикарных дач. Навстречу нам вышел невзрачный старикашка. Вскоре мы сидели на террасе с прогнившим полом, пили привезённую нами водку, закусывая привезённой нами же колбасой. Вдохновитель попросил хозяина рассказать кое-что из своего прошлого. Тот замахал руками: мол, он вообще ничего не сделал такого, о чем стоит рассказывать. «Вот об этом и расскажите», — настаивал Вдохновитель. Старик нехотя начал говорить. «Советских шпионов в Германии перед войной было много. И информация от них поступала в гигантских размерах из всех сфер немецкого общества. Надо было эту информацию обрабатывать и направлять в Москву. Никакой электронной техники не было. И средства связи не такие были, как сейчас. Именно из-за плохой организации обработки и передачи информации начались провалы. Вся наша шпионская сеть оказалась под угрозой гибели. И тут только кто-то и где-то упомянул о забавном паренёке в одном исследовательском институте. Паренёк конструировал и чинил хитроумную аппаратуру, а заодно молниеносно решал в уме головоломные математические задачи, над которыми доктора наук бились порой месяцами, запоминал с одного взгляда целые газетные страницы и проделывал другие „штучки“, забавлявшие учёных института. Паренёка забрали в соответствующее учреждение, кое-чему подучили, переправили в Германию и буквально спрятали под землю. Так он и прожил два года до войны и всю войну в погребе где-то неподалёку от

Берлина. В его задачу входило обрабатывать, ужимать и максимально экономно кодировать мощный поток шпионской информации. Уже через несколько месяцев он достиг такого совершенства, что молниеносно определял степень ценности документа, из многих тысяч страниц извлекал достойные внимания, ужимая информацию порою до нескольких строк. После войны его хотели на всякий случай расстрелять, но потом решили все же сохранить. До 1958 года он просидел на Лубянке в одиночной камере. Потом освободили, дали мизерную пенсию и этот домишко. Ничего из того, что прошло через его голову в те годы, он не помнит. Не помнит и свою систему „упаковки информации“.

«Неужели Они и меня прочат на аналогичную роль», — подумал я, выслушав историю Старика. «Твоя задача будет посложнее, — угадал мою мысль Вдохновитель. — Тут потребуется образование, эрудиция, навыки научной работы. И твои мозги, конечно. Тебя ведь тоже считают мыслящей машиной. Но на домик под Москвой не рассчитывай».

«Наша активность на Западе даёт свои результаты, — говорил Вдохновитель на обратном пути в Москву. — Но какой ценой? Это враньё, будто это не стоит нам ни копейки. Как раз наоборот, это обходится нам в копеечку. Ещё немного, и мы сами вылетим в трубу. Надо в корне менять всю нашу работу на Западе. Убедить наше руководство — наша задача здесь. Твоя задача — узнать там для этой цели то, что не узнаешь ни из каких газет, журналов, книжек, тайных документов. Жаль, у нас уже нет времени обсудить детали...» — «А куда спешить?» — спросил я. «Операция „Эмиграция“ исчерпала себя, — сказал он. — Приказано закругляться. И это в момент, когда мы могли бы извлечь из неё максимальную выгоду! Ну, пора. Давай Попрощаемся. Мне грустно расставаться с тобой: я Тебя любил и люблю, как брата. Но пойми меня правильно: ты — мой главный козырь. И может быть, последний козырь. Прощай!»

Решение судеб

Писатель получил постоянную работу в антисоветском издательстве. Он на седьмом небе от радости. Хотя зарплата мизерная, зато гарантированная. И работа пустяковая — читать рукописи и давать отзывы на них. Пустяковая с точки зрения затрат времени и сил, но важная (по его словам) с точки зрения влияния на судьбу русской литературы здесь, на Западе. Теперь он может спокойно отдаться серьёзному литературному творчеству. Теперь он горы свернёт. Одним словом, не надо впадать в мрачный пессимизм. Трудное время рано или поздно пройдёт.

А ведь и тебя в лучшем случае ждёт нечто подобное, думал я, слушая восторженное бляение Писателя. И ты в конце концов получишь жалкий во всех отношениях минимум и будешь уговаривать окружающих и себя самого, что никаких оснований для пессимизма нет, что трудное время рано или поздно пройдёт.

По дороге в Пансион мне пришла в голову идея: а что, если я сыграю с Писателем шутку — сочиню что-нибудь и пошлю в его издательство? Под

псевдонимом, конечно. Он все-таки добрый человек. Я не хочу ставить его в неловкое положение. И за одну ночь я сочинил повесть. Сюжет её таков. Советский агент попадает на Запад под видом диссидента. Стремится работать хорошо. Для этого он должен стать агентом западных секретных служб. В КГБ подозревают его в предательстве и хотят устранить. Западные секретные службы усматривают в этом хитрую игру КГБ и тоже хотят устранить агента. Тогда он использует последнее средство: начинает халтурить, врать, изворачиваться, короче говоря — вести себя как нормальный гомосос. В результате его признали своим все разведки мира, повисили в чине как в Москве, так и на Западе. Поскольку теперь на Западе без сексуальных сцен не изображают даже заседание правительства, похороны и террористические акты, и я снабдил свою повесть сценами такого рода. Чуть ли не на каждой страничке герой совокупляется с прекрасной незнакомкой (рост сто семьдесят, талия шестьдесят, зад сто шестьдесят, груди по два кило каждая), причём использует не он её, а она его, восторгаясь русской выносливостью. «Теперь, — говорит она, — я понимаю, почему русские выстояли в войне с Германией».

Отослал повесть в издательство. Стал ждать. Шли дни. Недели. Писатель уехал в очередную поездку «с лекциями». Особых надежд на повесть я не возлагал. Это была, скорее, шутка. Шутка не удалась. Туда ей и дорога. И я вообще позабыл о своём литературном начинании.

Проблемы

Самый близкий мне теперь человек — Хозяйка. Она помогает мне в бытовом отношении (бельё, еда) и рассказывает много такого о жизни обычных людей, что имеет первостепенное значение с социологической точки зрения, но на что тут никто не обращает внимания. Сейчас она объясняет мне, как следует экономить на транспорте. По её подсчётам получается экономия пятьдесят пфеннигов в неделю, две марки в месяц, двадцать четыре марки в год, двести сорок марок в десять лет... Две тысячи четыреста марок в столетие, доканчиваю я её расчёты. Но мы, русские, изобрели ещё более мощные методы экономии: мы ходим пешком. Это экономит нам в неделю пять марок, в месяц двадцать марок... А за сто лет набегаёт огромная сумма. Дом можно купить. Хозяйка принимает мои слова всерьёз. Согласно официальной статистике семьдесят процентов семей здесь имеют всего одну зубную щётку: экономят. Тут экономят во всем так, что тошно становится. А мы проживаем все от получки до получки, не придавая такого угнетающего значения будущему. Что лучше? Если бы советские власти были чуточку поумнее, они могли бы в течение нескольких лет поднять жизненный уровень населения настолько, что отпали бы всякие сомнения насчёт преимуществ того или иного образа жизни. Именно это есть самое мощное советское оружие, а советское руководство уже не способно его использовать.

Решение судеб

Шутник получил разрешение на жительство в США. «Теперь будет все о'кей, — сказал он на прощанье. — Приезжайте в Штаты. Там устроиться гораздо легче». — «Боюсь, что меня отсюда не выпустят», — сказал я. «Кто?» — удивился он. «Они», — сказал я. «Кто Они?» — спросил он. «Не знаю, — сказал я. — Они всегда и везде Они».

Запад

Состав пансионеров полностью обновился, за исключением меня и Диссидента с женой. Знакомств с новыми пансионерами заводить не хочу. И они меня избегают. Очевидно, их кто-то предупредил, что со мной надо быть поосторожнее. С Диссидентом у меня тоже нет никаких контактов. Утром они бесшумно проскальзывают через холл на улицу, а поздно вечером — в свою комнату. И все. Целыми днями я валяюсь на кровати или смотрю телевизор. Выхожу только за сигаретами и поесть что-нибудь. И на допросы, конечно. Оценил по достоинству ценность телевидения для социолога, желающего изучить Запад. Вот, к примеру, что я узнал тут только за один день. Деятели Церкви призывают к духовному единению, усматривая в этом путь спасения. «Болван, — говорю я, — если путь спасения и существует, то не в единении, а в разъединении. Нужна ясность во всем, а не помутнение. Нужны чёткие формы, а не расплывчатые очертания. Лучше искренняя вражда, чем лицемерная дружба».

Ещё одна пара советских танцоров решила не возвращаться в Советский Союз. Поскольку невозвращенцы стали обычным явлением, советским властям следовало бы признать их официально. В анкеты, которые советские граждане заполняют перед поездкой за границу, следует добавить пункт: собираешься или нет остаться на Западе, в какой стране и с какой мотивировкой?

Дискуссия по поводу убийцы, убившего целую семью из пяти человек: считать его вменяемым или нет? В дискуссию вовлечены светила наук, медицины, права, литературы, журналистики. Никакой проблемы на самом деле тут нет. Пятьдесят лет убийца был нормальным человеком, а тут вдруг появилось сомнение. Просто последствия преступления принимались во внимание заранее: смертной казни нет, будет волянка с выяснением его психического состояния (считай, санаторий) и прочее. А всем, вовлечённым в дело, выгодно, чтобы оно тянулось: статьи, выступления по телевидению, гонорары.

Один пенсионер умер почти три года назад в своей квартире, но только сейчас это обнаружили в связи с необходимостью ремонта водопровода. Почти три года человек был мёртв, а все житейские операции в это время совершались через банк. Не сломайся водопровод, может быть, ещё пару лет не обнаружили бы, что он мёртв. Опять дискуссия. Одни усматривают в этом достоинство банковской системы, другие — порок капитализма.

Похитили семилетнюю девочку. Требуют выкуп два миллиона. Похитили генерала. Никакого выкупа до сих пор почему-то не требуют. Любопытно:

западные террористы не захватывают советских посольств, не убивают советских чиновников и дипломатов, вообще не касаются ничего, имеющего отношение к Советскому Союзу. Почему бы это, а? Западные умники видят в этом свидетельство того, что террористы действуют по указке из Москвы. Если бы это было так, Москва первым делом разыграла бы спектакль с покушением на что-либо советское.

Бунтуют ученики. Повод для бунта — покончила с собой девочка, которой показалось, что ей занизили отметку на один балл. Ученики старших классов требуют либерализации школы (хотя они и так вытворяют что хотят) и облегчения программы (хотя программа здесь просто смехотворна сравнительно с московскими школами). Само собой разумеется, требуют демилитаризации (!!!) Западной Европы и отмены армейской службы вообще. Ученики младших классов жалуются на то, что повысили цены на конфеты и пирожные. «Если бы правительство меньше тратило денег на вооружение и больше на насущные нужды населения, — сказала семилетняя крошка, — то сладости были бы дешевле». Толпа журналистов и прочих взрослых, беседовавших с детьми, разразилась бурными аплодисментами.

Мы

А по ночам слушаю разговоры в комнате, где раньше жил Художник с женой. Не хочу их приводить здесь. О чем могут говорить советские люди, выбравшиеся под каким-то предлогом из голодной и убогой русской провинции на сказочно изобильный и яркий Запад? Но иногда в их речах улавливаются зловещие нотки.

— Без языка тут плохо.

— Изучим. А нет, так и без языка проживём. Иван десять лет тут торчал, а по-ихнему не научился даже водку заказывать.

— Иван чуть ли не погорел из-за незнания языка, он сам мне об этом рассказывал. Он раздобыл очень важные секретные документы и хотел отослать в Москву. Упаковал. Пришёл на почту. А там пакет не принимают, суют какую-то бумажку и велют заполнить. Взглянул на бумажку и понял одно: что от него требуется имя написать, адрес и ещё что-то. Анкета, подумал он по советской привычке. Решил, что это — провал. Впал в панику. Решил признаться. Ничего страшного в этом нет. Многие так делают, а потом все равно хорошо работают. Пошёл в полицию. Раскрыл пакет, показал документы. Пальцем в себя тычет: мол, их бин советиш шпион. В полиции сказали, что это не по их части. А где найти службу безопасности, никто не знал. Собралась толпа. Кто-то сказал, что тут две службы безопасности — гражданская и военная. Если документы суть военные секреты, надо идти во вторую, а если промышленные — в первую. Возникла жаркая дискуссия по поводу политических секретов: военные они или гражданские? К счастью, нашёлся добрый человек, кое-как говоривший по-русски (был у нас в плену). Он растолковал Ивану, в чем дело и как быть. Оказывается, бандероль была слишком тяжёлая. Её можно было разделить на две части и послать их по отдельности. Но это на целых сорок пфеннигов дороже. Это непрактично.

Лучше послать посылкой, заполнив для этого другую бумажку. А стоить будет даже на десять пфеннигов меньше. Знаешь, что самое обидное в этой истории? Иван говорил, что он чувствовал себя тогда круглым идиотом, а эти люди смотрели на него свысока как на типичного русского недоумка.
— Не беда! Мы им ещё покажем, какие мы недоумки.

Резюме

Снова набросился на газеты. И снова плююсь, просматривая то, что в них пишут о советском блоке. Отбирают факты, соответствующие их априорным установкам, и интерпретируют эти факты в духе своих представлений о социалистическом обществе и своих желаний насчёт его. Если бы от меня сейчас потребовалось сделать отчёт для КГБ, в нескольких строках сообщив самое главное из моих наблюдений, я бы ограничился следующим: Запад не просто не может понять сущность нашего общества, он активно не хочет этого делать. Советские службы, занятые Западом, могут смело принять это как аксиому своей деятельности вплоть до новой мировой войны. Все западные специалисты по советскому блоку, вместе взятые, в принципе не способны правильно оценить жизненный и военный потенциал советского блока. Они способны лишь на то, чтобы метаться между различными крайностями, случайно и временами натываясь на верные идеи, но не будучи в состоянии правильно оценить и использовать свои же собственные верные догадки. Советская официальная идеология ближе к истине в понимании социальной реальности, чем все то, что я увидел здесь, на Западе. Она плохо сформулирована и испорчена интересами пропаганды, что позволяет западному бесконтрольному словоблудию смотреть на неё свысока. Изначальная истина часто выглядит уродом в сравнении с высокоразвитым заблуждением. Советская идеология, поддавшись влиянию Запада в послесталинское время, несколько выиграла в отношении внешней словесной формы, но много потеряла по существу. Наши московские представления о Западе в общем и целом верны, и на Запад стоит выезжать не с целью познать Запад, а с целью познать самих себя и оценить свои собственные возможности.

Решение судеб

Самыми незаметными в Пансионе были Диссидент с женой. И вот они совсем перестали появляться в холле и встречаться на пути в туалет и на помойку. Я не удивлюсь, если именно Диссидент окажется тем Великим Рыбаком В Мутной Воде, о котором я когда-то говорил Цинику. Очень уж он сер и скучен. И незаметен. Пока здешняя контрразведка волынится со мной, этот Великий Рыбак тихо и незаметно проскользнул туда, куда ему и нужно было, и начал свою скромную деятельность раковой клеточки в теле западного

общества. Мы вползаем в тело врага как могильные черви. И я тоже теперь мечтаю лишь о положении червяка, пожирающего своё окружение и отравляющего его своими выделениями.

Подлинное лицо

Я сказал, что мне надоели допросы. Они сказали, что им ещё не вполне ясно моё «подлинное лицо». «Этого, — сказал я, — вы никогда и не узнаете. Проблема неразрешима логически. Если взять множество поступков многих людей и множество соответствующих их внутренних состояний, то по одним можно достоверно судить о других. „Подлинное лицо“ массы людей точно выражается в массе их поступков. Но для отдельных людей и их отдельных поступков такого совпадения обычно не бывает. Я — представитель массы. Как индивид я не имею лица». — «Но есть же у вас какие-то тайные цели», — сказали они. «Какие цели может иметь червяк, насаженный на крючок? — сказал я. — Цели имеют рыбак и рыба». — «Хорошо, — сказали они. — Действительно, пора... как это по-русски... закругляться. У нас последняя просьба: сделайте в письменном виде краткое описание советского человека». Описать гомососа! Они от меня требуют решить задачу, за решение которой через много десятилетий или даже столетий люди будут признаны выдающимися Учёными. А какую награду получу я за это? Ладно. Тут, как говорится, не до жиру, лишь бы быть живу. Попробую решить им эту эпохальную задачу.

Гомосос

Гомосос — это гомо советикус, или советский человек как тип живого существа, а не как гражданин СССР. Не всякий гражданин СССР есть гомосос. Не всякий гомосос есть гражданин СССР. Ситуации, в которых люди ведут себя подобно гомососам, можно обнаружить в самых различных эпохах и в самых различных странах. Но человек, который обладает более или менее полным комплексом качеств гомососа, проявляет их систематически, передаёт их из поколения в поколение и является массовым и типичным явлением в данном обществе, есть продукт истории. Это человек, порождаемый условиями существования общества коммунистического (социалистического), являющийся носителем принципов жизни этого общества, сохраняющий его внутриколлективные отношения самим своим образом жизни. Впервые в истории человек превратился в гомососа в Москве и в сфере её влияния в Советском Союзе (в Московии).

Гомосос есть продукт приспособления к определённым социальным условиям. Потому его нельзя понять вне его нормальной среды, как по движениям рыбы, выброшенной на песок или попавшей на сковородку, нельзя судить о её качествах как существа, плавающего в воде. Надо взять характерные и типичные ситуации нормального образа жизни массы гомососов и поставить

вопрос: как в такой ситуации поступит нормальный гомосос? И из ответов на такие вопросы вы получите описание гомососа как особого типа человека, адекватного особому типу обществу. Возьмём, например, современных гомососов, живущих в Московии. Повысили цены на продукты питания. Будет такой гомосос устраивать демонстрации протеста? Нет, конечно. Гомосос приучен жить в сравнительно скверных условиях, готов встречать трудности, постоянно ожидает ещё худшего, покорён распоряжениям властей. Как поступит гомосос, если нужно открыто (т.е. в своём коллективе, на собрании) выразить своё отношение к диссидентам? Конечно, одобрит действия властей и осудит действия диссидентов. Гомосос стремится помешать тем, кто нарушает привычные формы поведения, холуйствует перед властями, солидарен с большинством сограждан, одобряемых властями. Как реагирует гомосос на милитаризацию страны и на рост советской активности в мире, включая интервенционистские тенденции? Он всецело поддерживает своё руководство, ибо он обладает стандартным идеологизированным сознанием, чувством ответственности за страну как за целое, готовностью к жертвам и готовностью других обрекать на жертвы. Конечно, гомосос способен и на недовольство своим положением, даже на критику порядков в стране и властей. Но в соответствующих формах, на своём месте и в своей мере, не угрожающей ощутимым образом интересам общественного организма. И для этой проблемы можно указать характерные ситуации и характерные поступки гомососов. Из серии таких характеристических вопросов и ответов на них вы получите описание человека, адекватного социалистическому (коммунистическому) обществу и удобного с точки зрения его целостности и интересов как целого.

Приведённое выше сравнение гомососов с рыбами односторонне. Гомосос, в отличие от рыб, сам является носителем и охранителем своей социальной среды обитания. Но происходит это обстоятельство не из свойств гомососа как индивида, а из его свойств как представителя массы гомососов, организованных в единое целое. Гомососы общими усилиями изобретают, поддерживают и признают разумными некоторое число самых фундаментальных принципов своей организации. На основе этих принципов вырастает сама социальная среда их обитания, к которой они приспособляются из поколения в поколение. Они как индивиды приспособляются к самим себе как к массе Индивидов, образующей социальный сверхиндивид. Социальная среда гомососа в такой же мере немислима без самого гомососа, как и он без неё.

Гомосос не есть комплекс только недостатков. Он обладает и многочисленными достоинствами. А точнее говоря, он обладает качествами, которые суть достоинства или недостатки смотря по обстоятельствам и в зависимости от критериев оценки. Одно и то же качество в одних условиях проявляется как добро, а в других — как зло. Для одних людей оно есть зло, для других — «добро». Одним кажется добром, другим — злом. Среди массы гомососов можно обнаружить все общечеловеческие характеры, но в специфически социалистических (коммунистических) формах и пропорциях. Отражая в себе свойства своего социального целого, гомосос одновременно есть лишь частичная функция этого целого. Различные функции

коммунистического коллектива воплощаются в отдельных его членах, которые становятся по преимуществу носителями этих функций. Отсюда — различные виды гомососов внутри единого рода „гомосос“.

В обществе гомососов есть свои критерии оценки качеств и поступков отдельных его членов. Эти критерии во многом не совпадают с аналогичными критериями в обществах другого типа. Они ситуационны. С этой точки зрения гомосос гибок и пластичен до такой степени, что кажется совершенно бесхребетным. Он обладает сравнительно большой амплитудой колебаний социально-психологических состояний и оценок. Но он обладает и способностью восстанавливать некоторое средненормальное состояние. Гомосос, например, может внимательно выслушать вашу речь, разоблачающую язвы советского общества, и полностью согласиться с вами. Но не спешите делать вывод, будто вы его распропагандировали и обратили в свою веру. Он вам тут же сам может привести массу примеров в духе вашей речи и даже высказаться более резко о своём обществе. Но он от этого не перестанет быть гомососом. Сущность его останется той же. Лишь ничтожный процент гомососов клюёт на такую пропаганду. Этот процент априори вычислим, — такие отклонения есть норма во всякой массе людей. Гомосос, например, может дать искреннее согласие сотрудничать с вами. Но не спешите поздравлять себя с успехом. Он тут же и столь же искренне донесёт на вас. Исключения и тут бывают. Но именно исключения, величину которых тоже можно априори высчитать. Для общества гомососов эта величина практически ничтожна. Такого рода отклонения от нормы вскоре обнаруживаются коллективами гомососов и властями и в конце концов ликвидируются. Общество очищается, освобождая место для новых скрытых до поры до времени отклонений того же рода.

Если смотреть на поведение гомососа с точки зрения некой абстрактной морали, он кажется существом совершенно безнравственным. Гомосос не является существом нравственным — это верно. Но неверно, будто он безнравствен. Он есть существо идеологическое в первую очередь. И на этой основе он может быть нравственным или безнравственным, смотря по обстоятельствам. Гомососы не злодеи. Среди них много хороших людей. Но хороший гомосос — это такой, который не имеет возможности причинять другим людям зло или для него в этом нет особой надобности. Но если он получает возможность или вынуждается творить зло, он это делает хуже отпетого злодея.

Пока качества гомососа наиболее высокой степени зрелости достигли в советских людях со сравнительно высоким уровнем культуры и образования, а также в среде самой социально активной части населения, особенно в сфере управления, науки, пропаганды, культуры, образования. Но эта часть высокоразвитых гомососов оказывает влияние на все остальное население страны, а также на все внешнее окружение. Зараза гомосоства стремительно расползается по всему миру. Это самая глубокая болезнь человечества, ибо она проникает в самые основы человеческого существа. Если человек ощутил в себе гомососа и вкусил яд гомосоства, вылечить его от этой болезни ещё труднее, чем вернуть к здоровой жизни закоренелого алкоголика или наркомана.

Гомосос не есть деградация. Наоборот, он есть высший продукт цивилизации. Это сверхчеловек. Он универсален. Если нужно, он способен на любую пакость. Если можно, он способен на любую добродетель. Нет тайн, для которых он не нашёл бы объяснения. Нет проблем, для которых он не нашёл бы решения. Он наивен и прост. Он пуст. И он всеведущ и всеущ. Он преисполнен мудрости. Он есть частичка мироздания, несущая в себе все мироздание. Он готов на все и ко всему. Он готов даже к лучшему. Он ждёт его, хотя не верит в него. Он надеется на худшее. Он есть Ничто, т.е. Все. Он есть Бог, прикидывающийся Дьяволом. Он есть Дьявол, прикидывающийся Богом. Он есть в каждом человеке.

Человек! Приглядишься к себе, и ты узришь в себе самом по крайней мере эмбрион этого венца творения. Ты сам и есть гомосос.

Живи

Озабоченность Запада советской угрозой проявляется в том, что все чаще показывают по телевидению солдат. Те все настойчивее говорят, что они не хотят умирать, что они хотят жить, что они участвуют в движении борцов за мир. Война ещё не началась, а они уже требуют мира. Никто ещё не погиб (если не считать того упившегося пивом болвана, который ухитрился утонуть на сухом месте), а они уже вопят о жажде жизни. Желанию жить учиться не надо. Никакого ума и мужества не нужно, чтобы высказать это примитивное животное ощущение, раздутое средствами массового оболванивания до масштабов эпохальной идеологии. Истерия страха смерти есть идеологическое средство манипулирования людьми, причём людьми западными (в отношении советских людей это средство неэффективно), и есть средство советское. Оно было тщательно продумано во всех звеньях советского аппарата власти и одобрено на самом высшем уровне как общая установка вплоть до новой мировой войны. Я не вижу ничего плохого в том, что вы хотите жить, мысленно обращаюсь я к солдатам, борющимся за мир. Но недостойно мужчины думать и тем более говорить об этом вслух. Это есть интеллектуальная и моральная деградация общества, если его защитники думают лишь о своей шкуре. И болтовня о мире есть самое дешёвое и ненадёжное средство сохранить мир. Старинное правило «Хочешь мира — готовься к войне» сохраняет силу и для наших дней. Если хочешь жить, готовься к смерти!

Готовься к смерти

В наше время эта проблема актуальна для всех. Даже в случае атомной войны миллионы людей будут иметь достаточно времени, чтобы осознать: это — конец. Мы, гомососы, имели богатый исторический опыт на этот счёт. Мы привыкли к этому «конец» и готовы встретить его в очередной раз как постановление родного ЦК КПСС, имеющее целью поднять наш жизненный

уровень на новую недостижимую ступень. И мы готовы поделиться с вами своим опытом. В Советском Союзе применяется такой метод лечения алкоголиков. Дают особое лекарство. Если человек после этого выпьет что-то алкогольное, он должен умереть. Алкоголиков об этом предупреждают. В середине курса приёма лекарства им устраивают имитацию смерти — дают немного водки, чтобы они сами убедились в реальности угрозы смерти. У них действительно начинается умирание. Но до конца умереть им не дают, спасают. И напрасно, как Утверждают некоторые специалисты. После приёма Полной дозы лекарства спасти человека уже нельзя, если даже он примет всего лишь грамм алкоголя. Правда, ещё не было ни одного случая, чтобы алкоголики после этого вылечились. Кое-кто дотягивал до срока окончания действия лекарства и начинал пить с удвоенной силой. Большинство как-то ухитрилось начинать пить задолго до окончания этого срока. Но дело не в этом. Некоторые после этого привыкают пить только с имитацией смерти. Говорят, в Москве возникло тайное общество любителей выпивок на грани смерти. Социологи провели опросы многих, испытавших имитацию смерти. На вопрос, не страшно ли им было, они отвечали смехом. Большинство уверяло, что самое неприятное в этой процедуре — возвращение к жизни, причём к трезвой жизни.

Такую имитацию смерти можно устраивать западным школьникам и солдатам, а затем — государственным служащим. Конечно, предварительно их надо будет обучить пить водку. Но это, как показал опыт нашей великой страны, уже не проблема. Вместо газопровода из Сибири в Западную Европу можно будет построить водкопровод. Никаких протестов против него на Западе не будет. Денег нам дадут вдвое больше. А с точки зрения завоевания Запада водкопровод вдвое эффективнее. Стоит его перекрыть, как Запад сам на четвереньках приползёт в Москву похмеляться. Что касается теоретической подготовки к смерти, то я могу предложить вам несколько общих принципов, извлечённых мною из моего личного опыта в качестве гомососа.

Будь спокоен за будущее человечества. Человек — это такая тварь, которая выживет при любых обстоятельствах. За последние двести лет население Китая выросло в двадцать раз, а России — в десять. А сколько народу там было истреблено! После будущей мировой войны население планеты, за исключением белых европейцев и белых американцев, удвоится. Радуйся этому обстоятельству. И подыхай с такой же верой в светлое будущее, с какой это делают русские алкоголики, которых лечат современными методами от неизлечимой национальной судьбы.

Наплюй на дружбу. Мой близкий друг писал доносы на меня и других, но делал это так, что подозрение падало на меня. Мой лучший друг Вдохновитель пожертвовал мною ради своих маниакальных планов. Помни: чем сильнее дружба, тем страшнее предательство её. Не люби. Я любил раз в жизни и был любим, но это была мука. Мы друг в друге персонифицировали невозможность настоящей любви, и взаимная ненависть навечно вошла в наши души. Помни: чем чище и сильнее любовь, тем болезненнее разочарование.

Оставь тщеславие. Однажды я по заданию ЦК провёл очень сложное и интересное исследование с небольшой группой сотрудников и с небольшими материальными средствами. Я с большим подъёмом провёл это исследование.

Думаю, что это был мой лучший результат в науке. Особая комиссия, в которую входили крупные учёные, дала ему самую высокую оценку. Академик Н. сказал, что, если бы это исследование можно было предать гласности, оно вошло бы во все учебники социологии как одно из самых блистательных в истории социологии. Результаты моего исследования вошли в секретные документы без упоминания моего имени. Я получил премию — месячную зарплату. Потом я много раз выполнял аналогичные задания без премий и без похвалы. Помни: чем больше создаёшь, тем меньше удерживаешь за собой.

Не доверяй никому. Я не знал ни одного человека, который не обманул бы меня в чем-нибудь или не обманул бы других на моих глазах. Помни: чем больше доверяешь людям, тем циничнее будешь обманут. Поняв это, ты увидишь, что ты — один. Ну а в одиночестве жить долго невозможно.

Учись терять. Чем больше потеряешь, тем легче идти к смерти. Я потерял все. Я не иду, а парю. Мчусь с ощущением невесомости. Учись не иметь. Я постиг эту науку в совершенстве. Я так мало имел в жизни, что мне и учиться не иметь не надо было. Взгляните на Энтузиаста и содрогнитесь от вида его участи. Раньше у него были всего одни штаны, которые он таскал Лет десять. И он был мужественным борцом против советского режима. Теперь у него есть пижама, три пары штанов и электрическая бритва. И он уже вздрагивает от каждого шороха, подозревая в нем коварное намерение Москвы лишить его драгоценной жизни.

Не думай о потомстве. Потомкам безразлична наша судьба. Даже наши лучшие намерения потомки истолковывают как насилие, а наши лучшие достижения — как глупость и бездарность. Взгляните на того же Энтузиаста. Он вытаскивает сюда кучу своих и чужих родственников. Помяните моё слово: скоро вы увидите его среди борцов за превращение Западной Европы в «безатомную зону», а его сопливых внуков — в числе буйствующих второгодников, требующих сокращения трат на вооружение на миллиард марок с целью снижения цен на кухни и конфеты на один пфенниг. Научись смотреть на себя со стороны, и тебе покажется комичным, как такое мизерное существо ухитряется развить в себе такой грандиозный страх смерти. Тогда ты увидишь, что страх смерти не имеет ничего общего с жаждой жизни. Тот, кто на самом деле жаждет жить, не боится смерти. Ожидающий смерти боится её. Знай: мёртвым безразлично то, что после их смерти остаётся жизнь.

И не забывай твердить себе каждый раз, как об этом вспомнишь, что ты готов умереть. Лучше это делать без трагического пафоса, спокойно, даже с усмешкой. Мол, все равно все подохнем. Что касается меня, то я готов хоть сейчас. Я все равно все познал. И мне все равно нечего терять. У меня не осталось ничего родного, ничего святого, ничего таинственного. Я готов платить за жизнь адекватную ей плату. Я считаю эту плату справедливой. Но... Вот в этом-то «но» и состоит суть нашего учения о смерти. Готовность встретить смерть достойно человека и покорность перед лицом смерти суть противоположности. В первом случае человек сражается за жизнь до последнего мгновения, во втором — впадает в панику и капитулирует. Я расскажу вам коротенькую притчу, которую сам услышал в Москве от одного незнакомого пропойцы. «В начале войны, — говорил он, — наша часть была

разгромлена и окружена. Мы понимали, что были обречены. Нужно сдаваться, решили одни из нас, все равно нам кажут. Нужно сражаться до последнего, решили другие: все равно нам кажут. Мы пытались переубедить первых, но безрезультатно. Они были парализованы страхом смерти. Бросив оружие, они бросились к врагу — сдаваться. Часть из них убили мы сами как трусов и предателей, остальных добились немцы. Мы же сражались. Эх, как мы тогда дрались! Скольких врагов мы отправили на тот свет! И кое-кто из нас уцелел». — «А ради чего?» — спросил с насмешкой начинающий, критически настроенный алкаш. «Из принципа, — ответил пропойца, — из чисто мужского достоинства. Хотя бы просто так. Погибать, так с музыкой». Так вот, признав справедливость смерти и выработав в себе готовность умереть, скажи в заключение это замечательное, жизнеутверждающее «но». Скажи себе по-русски: «Погибать, так с музыкой!» И дерись за жизнь. Не проси, не умоляй, а дерись!

Решение судеб

Вернулся Писатель. Я, по московской привычке, зашёл к нему без приглашения. У него было много народу. Ели, пили, кричали. Потом Писатель попросил тишины и начал читать вслух... мою повесть. Я наблюдал реакцию гостей. Иногда смеялись. Временами возмущались. Временами вздыхали. Спрашивали, кто автор. «Автор неизвестен», — сказал Писатель. «Будете печатать?» — спросил кто-то. «Ни в коем случае, — сказал Писатель. — В литературном отношении повесть слабая. Идейная направленность нам не подходит». В этом месте я вспомнил штампованные московские оценки типа «научно (художественно) несостоятельно, идейно порочно». И не мог удержаться от смеха. На меня посмотрели осуждающе.

«Оказавшись на Западе, — декламировал Писатель, — я понял, что Запад отстал от нас. Точка роста литературы не здесь, а в России. Россия накопит новые силы, и произойдёт новый мощный литературный взрыв. Мы обязаны готовить его. Потому мы должны беспощадно отсекают вот такое, с позволения сказать, творчество (он помахал моей рукописью), снижающее уровень русской литературы. Мы, господа, все-таки прошли школу Союза советских писателей!»

Бывший советский кинорежиссёр, ветеран войны, сказал, что сексуальные сцены в повести описаны хорошо. Если бы ему дали деньги, он сделал бы из них сенсационный фильм. А вообще Запад недооценивает скрытые сексуальные возможности русского народа. Вскоре после войны один подвыпивший русский сапёр забрёл в бардак — бардаки ещё не успели ликвидировать. Заявил, что не уйдёт оттуда, пока не перепробует всех... ну, скажем, женщин без исключения и пока не удовлетворит их «по первому разряду». Что он при этом имел в виду, выяснилось потом, когда... ну, скажем, женщины стали с воплями разбегаться из бардака, закрывая обеими руками сокровенные места. Мы, русские, себя ещё покажем! Мы ещё займём подобающее нам место в мировой культуре!

Неужели я снова начну их включать в список советских агентов, подумал я.

Нет, не стоит. Из этих отбросов советского общества нельзя сделать хорошую шпионскую сеть и нашу «пятую колонну» на Западе. Для этого нужны гомососы более высокого качества.

Конец проверки

Допрашиватели были сегодня необычайно приветливы. Угостили меня кофе и сигаретами. Сказали, что проверка окончена и мне теперь остаётся лишь ждать решения своей судьбы. Они надеются на наилучший вариант. Было немного грустно: эти допросы были важной частью моей жизни на протяжении этого времени. На прощанье я рассказал им историю о том, как в Москве был разоблачён западный шпион, добывший за бешеные деньги сверхсекретные чертежи какой-то военной штуковины, которые оказались давно устаревшими на Западе и добытыми там советским шпионом за ещё большие деньги. Они хохотали до слез. Хлопали меня по плечу. Говорили, что мы, русские, «мировые ребята». «А что сделали с тем западным шпионом?» — спросили они. «Обменяли на того советского», — сказал я.

Солдаты особого десантного батальона выпустили воздух из лодок и спасательных жилетов, аккуратно сложили их и готовились к ужину. Скоро одни из них на собственных машинах поедут к девчонкам или к родственникам, другие поедут принимать участие в демонстрации борцов за мир, а третьи завалятся спать в полосатых пижамах. Солдаты в шикарном пижамах — надёжная защита Запада. Проверка окончена. Самое трудное позади. Не надо больше ломать голову над неразрешимыми проблемами, доказывать недоказуемое и опровергать неопровержимое. К какому выводу пришли их замечательные компьютеры, обработав необъятную сумму информации, полученной от меня и обо мне? Я мог бы этот вывод предсказать заранее и без тех титанических усилий, какие были затрачены на его получение. Жаль, я не предложил им это в качестве научного эксперимента. Впрочем, они все равно не сообщили бы мне результат эксперимента или сказали бы, что я ошибся. Они не могут допустить, чтобы какой-то ничтожный гомосос был способен конкурировать с их замечательной техникой — воплощением их великого коллективного интеллекта. Они уверены, что в соревновании человека и машины будущее принадлежит Машине. Они не знают гомососов. Мы же уверены, что в соревновании гомососа и машины будущее принадлежит гомососу.

Какое решение им предписано принимать в случае выводов такого рода, как вывод обо мне? Использовать по такому-то разряду? Предоставить самому себе? Чинить препятствия вплоть до уничтожения? Но это уже их дело, а не моё. Я свою роль сыграл.

Бред

В Пансион вернулся поздно. Хозяин долго не хотел открывать. Я пригрозил обратиться в полицию. Он смилостивился, но предупредил, чтобы это было в последний раз. Тут вам не Россия, тут порядок должен быть!

Ночью мучили бредовые сны. Явился Вдохновитель. «Ты правильно сыграл свою роль, — сказал он. — Потерпи ещё немного, и ты выкарабкаешься. Ты станешь большим человеком. Ты станешь полномочным представителем советской власти в Западной Европе». — «А если Они тоже так рассматривают мою роль? — спросил я. — Что тогда?» Вдохновитель исчез, не ответив.

Рассвело. Я вспомнил о моем Сооружении и кинулся к окну. Оно сияло в голубом небе такой невиданной красотой, что у меня дух захватило. Но что это? На самом видном месте отчётливо выделялись буквы: БАНК.

Мюнхен, 1981